

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 4 (70), № 1

Журнал «Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки»
является историческим правопреемником журнала «Известия Таврического
университета», который издается с 1919 г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2018

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, протокол № 2 от 07 июня 2018 г.

Редакционный совет журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки»:

Непомяный Андрей Анатольевич – заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора – главный редактор;

Близняков Роман Александрович – доцент кафедры истории России исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», заместитель декана исторического факультета по научной работе, кандидат исторических наук – ответственный секретарь;

Аксенова Галина Владимировна – профессор кафедры истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного университета, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора (г. Москва);

Борщик Наталья Дмитриевна – профессор кафедры документоведения и архивоведения исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук (г. Симферополь);

Герцен Александр Германович – декан исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», кандидат исторических наук, имеющий ученое звание доцента (г. Симферополь);

Кондратьев Григорий Николаевич – профессор кафедры истории ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», доктор исторических наук (г. Симферополь);

Кравцова Елена Сергеевна – профессор кафедры философии, директор Музея истории университета ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора (г. Курск);

Крамаровский Марк Григорьевич – ведущий научный сотрудник отдела Востока Государственного Эрмитажа, доктор исторических наук (г. Санкт-Петербург);

Науменко Валерий Евгеньевич – доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», кандидат исторических наук (г. Симферополь);

Майко Вадим Владиславович – директор ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН», доктор исторических наук (г. Симферополь);

Мосейкина Марина Николаевна – профессор кафедры истории России факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора (г. Москва);

Петрова Элеонора Борисовна – профессор кафедры древнего мира и средних веков Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук (г. Симферополь);

Платонова Надежда Игоревна – ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, доктор исторических наук (г. Санкт-Петербург);

Романько Олег Валентинович – профессор кафедры истории России исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора (г. Симферополь);

Степаненко Валерий Павлович – профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского федерального университета имени Первого Президента России Б. Н. Ельцина, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора (г. Екатеринбург);

Тихонов Игорь Львович – заведующий Музеем истории Санкт-Петербургского университета, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора (г. Санкт-Петербург);

Тункина Ирина Владимировна – ведущий научный сотрудник, директор Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук, доктор исторических наук (г. Санкт-Петербург);

Хлезов Александр Алексеевич – профессор кафедры документоведения и архивоведения исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», доктор философских наук, имеющий ученое звание профессора (г. Симферополь);

Храпунов Игорь Николаевич – профессор кафедры древнего мира и средних веков исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора (г. Симферополь);

Шевелев Сергей Стефанович – заведующий кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора (г. Симферополь).

Подписано в печать 07.06.2018. Формат 70х100 1/16. 11 усл. п. л. Заказ № НП/169. Тираж 50 экз. Бесплатно.

Дата выхода в свет 26.06.2018.

Отпечатано в управлении редакционно-издательской деятельности ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского» 295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7.

<http://sn-histor.cfuv.ru>

УДК 930.1+01 (477.75)

МУЗЕЙНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ СЕВАСТОПОЛЯ В КОНЦЕ 20-Х – 30-Е ГОДЫ XX ВЕКА: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ ОБЗОР

Акимченков В. В.

**Московский педагогический государственный университет
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: viktor_akimchenkov@mail.ru**

Изучен и систематизирован обширный спектр источников, связанных с вопросом изучения истории музейного дела в Севастополе в конце 20-х – 30-е годы XX века и процессом становления Севастопольского музейного объединения. Особый акцент сделан на группе документальных источников, посвященных проблеме исследования. Документы этой группы выявлены автором в 29 фондах, сконцентрированных в 10 архивах Российской Федерации. Большое внимание уделено источникам массового происхождения, в частности, материалам газеты «Маяк Коммуны», позволяющим пролить свет на историю музейного строительства в регионе в обозначенный период времени. В совокупности столь представительная группа опубликованных и архивных материалов различного происхождения, информативности и уровня объективности является вполне самостоятельной для получения фактов эмпирического характера, что создает предпосылки для наиболее точной и полной реконструкции музейных практик в кримведении 20–30-х годов XX века.

Ключевые слова: архив, источники, музейное дело, периодические издания, Севастопольское музейное объединение.

На современной стадии развития исторического знания в России социокультурное пространство принято рассматривать как коммуникативную систему с многоуровневой структурой, в которой функция по сохранению культурных ценностей закреплена за музеями. Первостепенная роль в этом процессе принадлежит региональным музеям, через призму изучения которых становится возможным реконструировать историко-культурные пути развития региона, а также детализировать отдельные аспекты данного процесса на общегосударственном уровне. Понять всю специфику заявленной темы можно только при погружении в социально-культурные и культурно-исторические особенности изучаемой эпохи, что становится возможным только в случае максимального охвата имеющейся источниковой базы.

Спектр источников по истории музейного дела в Севастополе в 20–30-е годы XX века достаточно разнообразен. Первую группу составляют документальные источники: актовые, делопроизводственные документы, опубликованные законы, распоряжения, разъяснения по музейному строительству. К этой же группе можно отнести документы государственных специализированных учреждений: отчеты Наркомпроса РСФСР, Главнауки Наркомпроса РСФСР, Музейного отдела Наркомпроса РСФСР, Совнаркома, ЦИК, Наркомпроса Крымской АССР, ГАИМК, ГИМ, ЦГРМ, КрымОХРИСа; документы центральных и местных партийных, советских, хозяйственных органов, регламентировавших деятельность музеев, представленные в Собрании узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства, Еженедельнике НКП РСФСР. Эти документы дают возможность

проанализировать процесс построения в молодом Советском государстве вертикали управления музейным строительством и охраной памятников.

Следующая группа – повествовательные источники, к которым мы относим опубликованные и неопубликованные научные, научно-популярные, справочные, публицистические материалы сотрудников музейных учреждений Севастополя.

Третью группу документов формируют массовые источники: материалы периодических изданий о работе государственной музейной сети региона, опубликованные материалы музейных съездов, конференций, отчеты музеев, членов краеведческих обществ, путеводители по музеям, труды сотрудников, опубликованные в центральных периодических изданиях, таких как журнал «Крым», «Краеведение», «Известия Центрального Бюро Краеведения», «Жизнь искусства» и др.

Среди группы массовых источников важное место занимают материалы крымской прессы 20–30-х годов XX века. На сегодняшний день уже доказана важность такого вида источника [1]. Данный источник позволяет охарактеризовать основные вехи исторической действительности прошедших эпох, в том числе определить основные сюжеты истории развития музейного дела в Севастополе. Использование материалов крымской прессы 20–30-х годов XX века продиктовано необходимостью расширения источниковедческой базы исследования по истории музейного дела. В этот период времени на территории Севастополя главным городским периодическим изданием оставалась газета «Маяк Коммуны». Однако только лишь одним этим изданием дело не ограничивалось. С определенной периодичностью в свет выходили газеты «Севморзаводец», «Военпортовец» [2], бюллетень рабселькоровских писем газеты «Маяк Коммуны» и др.

На страницах газеты «Маяк Коммуны», выходившей в Севастополе с декабря 1920 по 1942 год, отображена деятельность как музеев Севастополя [3], так и отдельных учреждений культуры Крымской АССР [4]. Материалы издания охватывают все сферы культурной и научной жизни полуострова. Они характеризуют общее состояние музейного дела в регионе на фоне памятникоохранительной и археологической деятельности музеев полуострова. Все это, в свою очередь, позволяет выявить уровень научных и персональных связей краеведов, которые имели влияние на дальнейшее укрепление науки в регионе и привлечение в свой круг молодых исследователей. В деятельности последних это сотрудничество находило отпечаток, который каждый из них в дальнейшем – со своей спецификой – реализовывал в процессе развития краеведческого движения в масштабах СССР. На страницах издания можно обнаружить как работы крупных музейных деятелей и известных археологов Севастополя (Л. М. Афанасьева [5], В. П. Бабенчикова [6], Г. Д. Белова [7], К. Э. Гриневича [8], М. Р. Гусаковой [9], И. П. Ивина [10], М. П. Крошицкого [11], В. П. Лисина [12]), так и статьи руководителей различных научных ведомств Крымской АССР (Н. Ф. Радченко [13], М. П. Михайлова [14]).

Научные исследования представителей музейного сектора Севастополя представляют значительную группу опубликованных источников. В них рассматриваются обобщающие темы, специальные узкие сюжеты, освещаются

различные аспекты изучения Крыма. Работы по истории, археологии и этнографии юго-западного Крыма представлены полноценными исследованиями, формулирующими концепции развития определенных исторических процессов и специализированными исследованиями, посвященными сюжетам прошлого Крыма с привлечением материалов статистики, археологических, этнографических наблюдений либо обзорными публикациями по истории отдельных музеев. В основе упомянутых публикаций лежат письменные источники, на основании которых производится анализ результатов экспедиционных мероприятий, организации экспозиционной, популяризаторской и научно-исследовательской работы, результатом которых стало введение в научный оборот значительного количества музейных экспонатов и памятников материальной культуры. Изучение опыта предшественников, способность формулировать авторские выводы, опровергать или подтверждать мнения предшествующих исследователей дают оригинальные научные и методические труды сотрудников севастопольских музеев. Определенный интерес представляют также компилятивные исследования, характеризующие состояние музейной сети Севастополя в определенный период, авторами которых выступают сотрудники центральных специализированных государственных учреждений. В данных работах, результаты которых были получены в ходе специальных командировок для обследования музеев и формулирования методических рекомендаций их сотрудникам в русле осуществления государственной политики в области музейного дела, в научный оборот вводятся новые материалы и характеристика уровня развития музейного дела в Севастополе. Эта группа источников зачастую носит прямой характер внедрения идеологизированных новаций в работу музеев Крымской АССР и наиболее подвержена влиянию государственной политики в музейном деле [15].

Систематизация работ сотрудников севастопольских музейных учреждений – современников изучаемых событий – позволяет выделить перечень опубликованных научных и научно-популярных трудов, посвященных развитию музейного дела, истории, археологии, этнографии на территории Севастополя, методике организации крымоведческих исследований на базе каждого из музеев города. В этот список входят труды В. П. Бабенчикова [16], К. А. Врочинской [17], Т. Ф. Гелаха [18], К. Э. Гриневича [19], В. Г. Опалова [20], А. И. Полканова [21], Н. Л. Эрнста [22]. Указанные работы посвящены отдельным аспектам внутренней деятельности тех или иных музеев Севастополя, систематическому археологическому и этнографическому изучению памятников региона, результаты которых были получены в ходе экспедиций под руководством В. П. Бабенчикова, К. Э. Гриневича, Н. Л. Эрнста и при участии сотрудников столичных государственных научных учреждений.

Систематизация, анализ и использование обширного спектра данных публикаций по заявленной теме позволяет определить общие направления деятельности музейных учреждений Севастополя, персональный состав их руководства и сотрудников. В данных источниках отражено сотрудничество и взаимодействие представителей севастопольской музейной сети с органами государственной власти, контролирующими инстанциями, отражен опыт продуктивной взаимосвязи музейщиков с органами Советской власти в рамках

выполнения целей и задач, определявшихся руководством Музейного отдела Наркомпроса РСФСР. Ряд документов и материалов, опубликованных в разнообразных жанрах (научные и научно-популярные периодические издания, путеводители, справочники), показывают уровень вовлеченности сотрудников музейных учреждений Севастополя в общественную жизнь РСФСР в целом и Крымской АССР в частности, определяют методы популяризации музейной и краеведческой работы в 20–30-е годы XX века.

Работая над исследованием, мы ознакомились с группой фондов центральных и ведомственных архивов Российской Федерации, выявив ряд неопубликованных документов, характеризующих различные направления деятельности музейных учреждений Севастополя и государственных руководящих органов регионального и центрального уровней, годовых отчетов музеев об их работе, делопроизводственную документацию, малоизвестные работы сотрудников музеев разного исследовательского или популярного профилей, документы, содержащие соответствующую биобиблиографическую информацию по заявленной теме исследования.

Проведя анализ всего спектра архивных документов по истории деятельности музейной сети Севастополя, мы структурировали весь массив источниковой базы по теме исследования. Систематизации и классификации в нашем случае подлежит делопроизводственная документация государственных учреждений РСФСР и Крымской АССР 20–30-х годов XX века, составляющая значительный массив неопубликованных материалов по истории музеев Севастополя. Взяв за основу концепцию классификации данного вида источников доктора исторических наук, профессора Московского историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета Владимира Васильевича Кабанова [23], можем сделать соответствующий вывод о том, что архивные материалы по теме нашего исследования можно разделить на несколько групп.

Первую группу материалов составляет организационная документация, определяющая порядок деятельности, структуру, форму и методы исполнения распоряжений. К ним относятся договоры, правила, уставы, положения, обязательства, контракты, трудовые соглашения (анкеты и учетные карточки репрессированных сотрудников музеев, исследователей-крымоведов, сохранившиеся в фондах Архива УФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, тексты постановлений центральных и региональных органов власти, выявленных в фондах Государственного архива Российской Федерации (далее – ГАРФ) и Отдела письменных источников Государственного Исторического музея (далее – ОПИ ГИМ), удостоверения и другие представительские документы сотрудников музеев Севастополя). Отдельно выделим распорядительную документацию, которая отражает управленческую деятельность, являясь в этом контексте продолжением организационной документации. Здесь выделяются решения, резолюции, приказы, инструкции, распоряжения, циркуляры, поручения (распоряжения руководящих органов Наркомпроса РСФСР, Главнауки Наркомпроса РСФСР, Музейного отдела Наркомпроса РСФСР, органов власти Крымской АССР относительно деятельности

музейной сети в регионе, внутренние распоряжения руководства КрымОХРИСа и музейных учреждений, отложившиеся в фондах ГАРФ, ОПИ ГИМ, ГАРК и АГС).

Организационно-распорядительная документация составляет следующую группу архивных материалов, к которой относятся протоколы заседаний коллегий, собраний, съездов, конференций и других официальных мероприятий (протоколы заседаний специальных комиссий по вопросам охраны и исследования памятников истории и культуры, изучению археологических объектов, сохранившиеся в фондах ГАРФ, ОПИ ГИМ, ИИМК РАН НА РО, ГАРК, АГС, ХИАЗ НА). Текущая работа этих организаций отображена в служебной переписке – письмах, телеграммах, радиограммах, телефонограммах. Эти документы позволяют проследить механизм и последовательность принятия определенных решений (переписка Наркомпроса РСФСР, Главнауки Наркомпроса РСФСР с Совнаркомом, ЦИК, Наркомпросом Крымской АССР, КрымОХРИСом, ГАИМК, руководством отдельных музеев по различным вопросам организации их работы, аналогичная переписка крымских музеев с органами власти РСФСР и Крымской АССР). В свою очередь плановая документация позволяет восстановить основные направления деятельности и сюжеты истории отдельных учреждений (планы работы Государственного Херсонесского историко-археологического музея, результаты научно-исследовательской работы ряда других музейных учреждений, отложившихся в фондах ГАРФ, ОПИ ГИМ, ГАРК, АГС, ИИМК РАН НА РО, ИАК РАН НА, ХИАЗ НА).

Отчетная документация определяет полноту исполнения намеченных планов работы, подводит итоги деятельности за определенный период времени, фиксирует достижения и недочеты проведенных мероприятий (годовые отчеты музеев перед Главнаукой Наркомпроса РСФСР, сохранившиеся в фондах ОПИ ГИМ и ГАРФ, отчеты музеев археологического профиля об экспедиционной и научно-исследовательской деятельности в ГАИМК, сохранившиеся в ИИМК РАН НА РО и НОА ИА РАН).

Большой спектр организационно-распорядительной и отчетной документации центральных и региональных органов управления музейным делом и охраной памятников остается неопубликованным, поэтому наиболее существенным является пласт документации по музейному строительству, хранящийся в центральных архивах Российской Федерации. Это группа документов, возникшая в результате деятельности Отдела по делам музеев и охране памятников искусств и старины (Музейного отдела) Наркомпроса РСФСР в 1918–1930 годы. Большая их часть сосредоточена в коллекции по музейному строительству РСФСР в коллекции ОПИ ГИМ. Вторая часть документов Музейного отдела Наркомпроса РСФСР хранится в фондах ГАРФ [24]. Группа источников по руководству музеями Крыма и Севастополя в данной коллекции наиболее значительна. Прежде всего, это переписка Музейного отдела с музеями Крыма и Севастополя за 1921–1925 годы по различным административно-хозяйственным вопросам. Особый интерес представляют обращения региональных руководителей в центральные органы для урегулирования вопросов охраны памятников, субсидирования музеев, порядка проведения в жизнь утвержденных постановлений. В частности, фонды ГАРФ содержат переписку

Музейного отдела Наркомпроса РСФСР и Крымского отдела по делам музеев и охраны памятников искусства, старины, природы и народного быта (КрымОХРИС) за 1922 год по вопросу о переводе музеев Крыма на государственный бюджет [25], ходатайство, датированное 1923 годом, в Севастопольский КрымОХРИС о передаче в его ведение доходных совхозов Геогиевского монастыря, хутора Александриада и Инкермана для исполнения декрета о специальных средствах на охрану памятников [26], переписка по поводу организации в Севастополе дома-музея Л. Н. Толстого [27] и т. д.

В фондах ОПИ ГИМ представлены материалы музейных учреждений за 1920–1927 годы, сгруппированные по региональному принципу. В каждом отделе отражена деятельность определенного органа или музеев отдельного района [28]. По содержанию их можно разделить на отчетные (основная часть), организационно-распорядительные и текущую переписку. Особую ценность представляют ранние отчеты Крымского и Севастопольского комитетов по делам музеев. В частности, отчет с приложениями о первых мероприятиях Крымского отдела по делам музеев и охраны памятников искусства, старины, природы и народного быта (КрымОХРИС) конца 1920 – начала 1921 года [29] и отчет о деятельности Севастопольского ОХРИСа за 1922 год [30]. Музейной документации 20-х годов XX века в ГАРК и АГС практически не сохранилось.

Информативными представляются материалы трех Крымских конференций музейных работников: протоколы I съезда Крымского комитета по музейному делу в 1922 году [31], резолюции III Крымской конференции 1924 год [32] и материалы IV Крымской областной музейной конференции 1926 года [33]. Кроме того, весьма содержательны дела севастопольских музеев. Материалы по Херсонесскому музею выделаны в отдельное дело [34], а документы прочих музеев составляют отдельную единицу хранения. В основном это годовые отчеты музейных учреждений Севастополя, большинство из которых относятся к Военно-Историческому музею за 1924–1927 годы [35]. Уникален по своему значению единственный сохранившийся отчет о деятельности Севастопольского музея краеведения за 1924–1926 годы [36]. По другим музеям материала гораздо меньше. Это объясняется тем, что непосредственную отчетность в Музейный отдел Наркомпроса РСФСР представляли лишь те музеи, которые находились на государственном бюджете.

Фонды Государственного архива Республики Крым (ГАРК, г. Симферополь) содержат дела, в которых отражены отдельные аспекты по теме исследования. Фонды «Народного комиссариата просвещения Крымской АССР» (ф. Р-20), «Совета Народных Комиссаров Крымской АССР» (ф. Р-652), «Центрального Исполнительного Комитета Крымской АССР» (ф. Р-663), «Крымского революционного комитета» (ф. Р-1188) располагают архивными сведениями по истории музейного дела на территории Севастополя в 20–30-е годы XX века. Значительную часть найденных материалов составляют протоколы органов государственной власти Крымской АССР [37] и переписка с музеями Севастополя [38]. Помимо этого в фондах имеются документы планового [39] и отчетного характера [40]. Эта группа документов помогает восстановить историю процесса руководства музейным строительством и проследить основные принципы музейной

политики на примере взаимоотношения органов власти и музейных учреждений Севастополя, установить обстоятельства их реорганизации, выяснить причины, ход и последствия подобных преобразований. Благодаря данной группе документов становится возможным провести анализ основных форм и методов, применявшихся органами власти в отношении руководства музейной сетью Севастополя. Соединение подобной документальной информации позволяет восстановить обстоятельства формирования внутреннего контекста взаимоотношений между музейными учреждениями региона и местными органами власти [41].

Весьма ценный документальный материал содержат фонды рукописного отдела Научного архива Института истории материальной культуры РАН (ИИМК РАН НА РО, г. Санкт-Петербург). Эти источники позволяют изучить неопубликованные работы сотрудников музеев Севастополя и восстановить степень их вклада в изучение памятников истории и культуры Крыма, проследить череду археологических исследований и мероприятий по охране культурного наследия. Фонд Государственной академии истории материальной культуры (ф. 2) содержит полевые дневники, отчеты, открытые листы, переписку севастопольских исследователей с ГАИМК по вопросам организационных, материальных аспектов их совместной деятельности, ее научного обоснования и первых результатов. Так, в фондах ИИМК РАН НА РО находятся материалы относительно исследований активных участников музейного строительства в Севастополе П. П. и В. П. Бабенчиковых, В. Ф. Гайдукевича [42], К. Э. Гриневича [43], Н. И. Репникова [44], которое осуществлялось в течение 20–30-х годов XX века. Подобные работы организовывались по инициативе и при полном материальном обеспечении ГАИМК, Главнауки Наркомпроса РСФСР и Совнаркома Крымской АССР. Осуществление полномасштабных работ по изучению античных (К. Э. Гриневич), средневековых (Н. И. Репников, П. П. Бабенчиков) памятников, организация памятникоохранительных мероприятий (К. Э. Гриневич, В. П. и П. П. Бабенчиковы, В. Ф. Гайдукевич) была поручена именно представителям севастопольским музеям.

Фонды Научно-отраслевого архива Института археологии РАН (НОА ИА РАН) содержат уникальный комплекс документов в области археологии России. В Москве данный научный архивный фонд начал формироваться с 1945 года, когда решением Президиума РАН московская часть Института истории материальной культуры (ИИМК) была сделана основным археологическим учреждением Академии, а ленинградская – ее филиалом. Самой объемной и информативной группой документов, позволяющих восстановить отдельные факты биографий крымских археологов и музейных деятелей, является группа отчетной документации. Она представлена актами и отчетами экспедиций и обследований, проводившихся с середины 40-х годов XX века П. П. Бабенчиковым [45], В. Д. Блаватским [46], Е. В. Веймарном [47], В. Ф. Гайдукевичем [48], С. Ф. Стржелецким [49] и другими археологами в ходе комплексных экспедиций на территории Крыма с привлечением к исследованиям крымских музейщиков. Данные документы фиксировали соответствующие факты и предлагали различные формы улучшения охраны памятников в Крыму; благодаря их информации выявляются хронология и последовательность тех или иных решений в отношении крымских памятников,

точно отображены объективные условия и трудности, сопровождавшие этот процесс. Значительный научный интерес представляют собой личные фонды ученых, работавших в ИА РАН, а также документы, отражающие научно-организационную деятельность Института археологии, личные дела сотрудников и аспирантов.

Аналогичные материалы содержатся в фондах Научного архива Института археологии Крыма Российской академии наук (далее – ИАК РАН НА) и его рукописного отдела (ИАК РАН НА РО), где сосредоточено большое количество отчетной документации экспедиций и обследований, неопубликованных трудов организаторов музейного дела в Севастополе [50]. Данная группа источников позволяет более детально изучить научное наследие В. П. и П. П. Бабенчиковых, Н. И. Репникова [51].

Материалы фондов из Архива города Севастополя (АГС) характеризуют основные вехи истории формирования Севастопольского музейного объединения. Так, фонд «Севастопольский районный исполнительный комитет» (ф. Р-420) и «Севастопольский городской исполком» (ф. Р-79) содержат документы по истории музейного дела в 20-е годы XX века. Наиболее информативную группу дел составили материалы Севастопольского отдела народного образования (СевОНО) [52]. Непосредственно при СевОНО в первой половине 20-х годов XX века существовал подотдел по делам музеев и охраны памятников старины и искусства – СевОХРИС, являвшийся основным органом, регламентирующим деятельность музеев и осуществлявших памятникоохранительную деятельность на территории Севастополя. Со временем эту функцию переняли на себя музейные учреждения. СевОХРИС и музеи города состояли в тесной переписке с Севастопольским районным исполнительным комитетом (Севрайисполком), который способствовал претворению в жизнь решений и распоряжений Музотдела Наркомпроса РСФСР и местных органов управления музейными учреждениями. Материалы данной переписки составляют основную часть исследованных нами дел, хранящихся в АГС. На протяжении 20-х годов XX века Севрайисполком регулярно получал ходатайства различного характера от сотрудников севастопольских музеев. В данной переписке содержится группа запросов на предоставление разрешений для проведения раскопок [53], содействие делу охраны памятников [54], предоставление средств на ремонт музейных учреждений [55] и т. д.

В отложившейся документации содержатся отчеты директоров музеев и СевОХРИСа перед исполкомом, в которых показаны различные стороны деятельности сотрудников музеев Севастополя, проблемы, с которыми они сталкивались, общее состояние музейного дела [56]. Официальные решения городских властей по музейному делу сосредоточены в протоколах заседаний Президиума Севастопольского районного исполнительного комитета [57]. Особую ценность для нашего исследования представляет «Акт ревизии» СевОХРИСа, датированный 31 января 1925 года, материалы которого сгруппированы в отдельное дело [58]. Ревизионная комиссия, назначенная решением исполкома, провела обследование всех объектов, находящихся на балансе СевОХРИСа, проверку финансовой и хозяйственной деятельности музеев Севастополя. Акт ревизии дает четкую характеристику музейному делу города к середине 20-х годов XX века.

Отдельная группа источников хранится в коллекциях ведомственных архивов, в том числе в Научном архиве Херсонесского историко-археологического заповедника. Материалы 18 дел из этого архива характеризуют историю Херсонесского музея с 1919 по 1931 годы [59]. Среди данного корпуса документальных источников выделяется переписка администрации учреждения с местными и центральными органами власти, касающаяся не только лишь самого Херсонесского музея, но и всего СевОХРИСа. В целом, документы Научного архива ХИАЗ тождественны материалам административно-хозяйственного характера, хранящимся в фондах ГАРФ. Вместе с тем в архиве музея сохранились такие уникальные источники, как протоколы заседаний V Всекрымской конференции музейных работников 1929 года [60]. Кроме того, в силу нашего исследовательского интереса, мы выделим Циркуляр НКЗ и НКП РСФСР № 78/12091, хранящийся в Научном архиве ХИАЗ [61], имевший общегосударственное значение, однако в силу разных причин отсутствующий в сборниках центрального законодательства. Также значительную ценность представляют материалы относительно ликвидации СевОХРСа [62], отчетная документация Херсонесского музея за 1927–1928 годы [63].

В фондах Межшкольного краеведческого музея (МКМ) им. Е. Н. Овена хранится уникальная подборка фотоматериалов и раритетных документов по истории Севастопольского музея краеведения (1923–1939). Скрупулезная работа по сбору данных материалов была проведена сотрудниками музея в 70-е годы XX века. В фондах музея сконцентрировано большое количество экспонатов, которые характеризуют историю краеведческого движения в Севастополе в 20–30-е годы XX века. В частности – воспоминания краеведа Леонида Соломоновича Ноделя «Севастопольский музей краеведения» [64]. В процессе сбора материала сотрудники МКМ им. Е. Н. Овена обращались за помощью к родственникам бывших сотрудников Музея краеведения. Таким способом им удалось собрать биографии Валерия Николаевича Махаева и Константина Дмитриевича Чернова, основанные на документах из семейных архивов. Много фотоматериалов было передано Светланой Павловной Бабенчиковой (дочерью основателя СМК Павла Петровича Бабенчикова), Константином Дмитриевичем Черновым и Еленой Борисовной Демешкан. В общей сложности сотрудники музея собрали 57 уникальных фотографий, которые характеризуют как деятельность музея краеведения в 20–30-е годы прошлого века, так и отображают виды Севастопольского региона того времени и деятельность сотрудников музея в 40–70-е годы XX века.

Материалы следственных дел 30-х годов XX века, входящие в общий следственный фонд Федеральной службы безопасности России, представляют значительный исследовательский интерес. Это обусловлено тем фактом, что в 20–30-е годы XX века судьба большинства представителей науки в Севастополе сложилась по-разному. Одни ученые были репрессированы (П. П. Бабенчиков, А. К. Тахтай), другие подверглись гонениям и преследованиям (М. А. Шангин, А. Ф. Вишнякова, Д. И. Никитина-Орлова). Впервые в кримоведении, без значительных купюр и при объективном анализе материалы следственных дел в качестве исторического источника были задействованы профессором А. А. Непомнящим при написании фундаментального труда, посвященного жизни и деятельности Н. Л. Эрнста (1889–

1956) [65]. Это позволило восстановить историю изучения Крыма в 30-е годы XX века, более рельефно ощутить «особенности пульсации научной жизни на полуострове» в обозначенный период времени [66].

Отложившиеся в Архиве Управления ФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области материалы следственного дела П. П. Бабенчикова [67] – организатора музейного дела на территории Севастополя в 20-е годы XX века – позволяют восстановить данные о судьбе ученого, подкрепить или опровергнуть устоявшиеся сведения. Каждая из найденных бумаг, касающаяся фигуры П. П. Бабенчикова, представляет несомненный интерес и дает возможность объективно исследовать историю науки в Крыму в целом. Данные материалы входят в пятнадцатый том основного производства по делу «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России». Помимо протоколов допроса и показаний П. П. Бабенчикова, он содержит материалы об этнографе Григории Григорьевиче Гульбине, профессоре Александре Германовиче Вульфiusе, стенографистке Татьяне Иосифовне Блумберг-Коган, геологе Петре Игнатьевиче Полевом, инженерах Дмитрие Николаевиче Бенешеве и Николае Михайловиче Окиnine. На сегодняшний день из 19 томов основного производства Российская академия наук опубликовала лишь материалы первого тома, который полностью посвящен следственному делу С. Ф. Платонова [68], поэтому большинство материалов данного уголовного процесса остаются малодоступными для большинства провинциальных исследователей.

Отдельная группа материалов, хранящаяся в фондах Российского государственного архива литературы и искусств (г. Москва) [69], позволяет существенно дополнить фактическим материалом биографические конструкции крымских деятелей науки, создать обобщающий портрет сообщества местной интеллектуальной элиты на основе новых источниковедческих корпусов, прежде всего – эпистолярного.

Таким образом, документы ГАРК, АГС, ведомственных архивов ХИАЗ НА, ИАК РАН НА, МКМ им. Е. Н. Овена, УФСБ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области существенно дополняют и уточняют материалы центральных архивов. Привлечение источников разнообразных типов и видов из архивов и библиотек Российской Федерации создает предпосылки для процесса объективного изучения истории Севастопольского музейного объединения. Весь спектр источниковой базы по теме исследования представлен обширной группой опубликованных и архивных материалов различного происхождения, информативности и уровня объективности, которая является вполне самодостаточной для получения совокупности фактов эмпирического характера, для изучения деятельности Севастопольского музейного объединения в 20–30-е годы XX века. Источники подобного уровня характеризуются репрезентативностью и полнотой содержания. Использование опубликованных исследований сотрудников музеев Севастополя, документов архивных фондов создает предпосылки для наиболее точной и полной реконструкции деятельности целого поколения музейных деятелей Севастополя в процессе формирования историко-краеведческой мысли в крымоведении 20–30-х годов XX века.

Список использованных источников и литературы

1. Непомнящий А. А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945) / А. А. Непомнящий. – Симферополь: Антиква, 2015. – 936 с. – (Серии: «Биобиблиография крымоведения; вып. 25»; «Крым в истории, культуре и экономике России»).
- Непомняшchij A. A. Istoriya i ehtnografiya narodov Kryma: bibliografiya i arhivy (1921–1945) / A. A. Nепomnyashchij. – Simferopol': Antikva, 2015. – 936 s. – (Serii: «Biobibliografiya krymovedeniya; vyp. 25»; «Krym v istorii, kul'ture i ehkonomie Rossii»).
2. Государственный архив Республики Крым (ГАРК), ф. П-35, оп. 1, д. 153, л. 91.
Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym (GARK), f. P-35, op. 1, d. 153, l. 91.
3. К-ри А. Музей имени Л. Н. Толстого / А. К-ри // Маяк Коммуны. – 1924. – 22 января; Арский Б. Музей социальной гигиены / Б. Арский // Маяк Коммуны. – 1925. – 18 августа. – С. 5; Бондаренко. О Херсонесском музее / Бондаренко, С. Суковский, Н. Кондратьев, Ф. Чацкий, А. Тимофеев, Таабаш, Дуженко, Крылов // Маяк Коммуны. – 1938. – 30 июля. – С. 4; Гусакова [Л.] Ближе к Музею Революции / Л. Гусакова // Маяк Коммуны. – 1929. – 15 января. – С. 4; Гусакова [Л.] Наш Музей Революции / Л. Гусакова // Маяк Коммуны. – 1928. – 6 июля.
K-ri A. Muzej imeni L. N. Tolstogo / A. K-ri // Mayak Kommuny. – 1924. – 22 yanvarya; Arskij B. Muzej social'noj gigieny / B. Arskij // Mayak Kommuny. – 1925. – 18 avgusta. – S. 5; Bondarenko. O Hersonesskom muzee / Bondarenko, S. Sukovskij, N. Kondrat'ev, F. CHackij, A. Timofeev, Taabash, Duzhenko, Krylov // Mayak Kommuny. – 1938. – 30 iyulya. – S. 4; Gusakova [L.] Blizhe k Muzeyu Revolyucii / L. Gusakova // Mayak Kommuny. – 1929. – 15 yanvarya. – S. 4; Gusakova [L.] Nash Muzej Revolyucii / L. Gusakova // Mayak Kommuny. – 1928. – 6 iyulya.
4. Арский Б. Музей Никитского сада / Б. Арский // Маяк Коммуны. – 1925. – 16 июля. – С. 6; Лом. Восточный музей / Лом // Маяк Коммуны. – 16 июля. – С. 6.
Arskij B. Muzej Nikitskogo sada / B. Arskij // Mayak Kommuny. – 1925. – 16 iyulya. – S. 6; Lom. Vostochnyj muzej / Lom // Mayak Kommuny. – 16 iyulya. – S. 6.
5. [Афанасьев Л. М.] В картинной галерее / Л. М. Афанасьев // Маяк Коммуны. – 1938. – 18 янв. – С. 4. – Изд. под псевд.: Л. А.; [Афанасьев Л. М.] Интересный экспонат картинной галереи / Л. М. Афанасьев // Маяк Коммуны. – 1938. – 10 февр. – С. 4. – Изд. под псевд.: Л. А.; Афанасьев А. [Л. М.] Выставка картин Севастопольских художников / Л. М. Афанасьев // Маяк Коммуны. – 1938. – 4 нояб. – С. 3; Афанасьев Л. [М.] Выставка посвященная Рембрандту / Л. М. Афанасьев // Маяк Коммуны. – 1938. – 17 дек. – С. 4.
[Afanas'ev L. M.] V kartinnoj galeree / L. M. Afanas'ev // Mayak Kommuny. – 1938. – 18 yanv. – S. 4. – Izd. pod psevd.: L. A.; [Afanas'ev L. M.] Interesnnyj ehksponat kartinnoj galerei / L. M. Afanas'ev // Mayak Kommuny. – 1938. – 10 fevr. – S. 4. – Izd. pod psevd.: L. A.; Afanas'ev A. [L. M.] Vystavka kartin Sevastopol'skih hudozhnikov / L. M. Afanas'ev // Mayak Kommuny. – 1938. – 4 noyab. – S. 3; Afanas'ev L. [M.] Vystavka posvyashchennaya Rembrandtu / L. M. Afanas'ev // Mayak Kommuny. – 1938. – 17 dek. – S. 4.
6. Бабенчиков В. [П.] Археологическая экспедиция в Инкерман / В. П. Бабенчиков // Маяк Коммуны. – 1937. – 22 июля. – С. 4; Бабенчиков В. [П.] В дни славной обороны / В. П. Бабенчиков // Маяк Коммуны. – 1940. – 20 ноября. – С. 3; Бабенчиков В. [П.] Зимние экскурсии / В. П. Бабенчиков // Маяк Коммуны. – 1938. – 8 янв. – С. 4; Бабенчиков В. [П.] Великий русский флотоводец: 85-летие со дня смерти П. С. Нахимова / В. П. Бабенчиков // Маяк Коммуны. – 1940. – 13 июля. – С. 2; Бабенчиков В. [П.] Черноморские моряки в дни обороны Севастополя / В. П. Бабенчиков // Маяк Коммуны. – 1939. – 22 июля. – С. 3.
Babenchikov V. [P.] Arheologicheskaya ehkspediciya v Inkerman / V. P. Babenchikov // Mayak Kommuny. – 1937. – 22 iyulya. – S. 4; Babenchikov V. [P.] V dni slavnoy oborony / V. P. Babenchikov // Mayak Kommuny. – 1940. – 20 noyabrya. – S. 3; Babenchikov V. [P.] Zimnie ehkskursii / V. P. Babenchikov // Mayak Kommuny. – 1938. – 8 yanv. – S. 4; Babenchikov V. [P.] Velikij russkij flotovodec: 85-letie so dnya smerti P. S. Nahimova / V. P. Babenchikov // Mayak Kommuny. – 1940. – 13 iyulya. – S. 2; Babenchikov V. [P.] SChernomorskie moryaki v dni oborony Sevastopolya / V. P. Babenchikov // Mayak Kommuny. – 1939. – 22 iyulya. – S. 3.
7. Белов Г. [Д.] Раскопки в Херсонесе / Г. Д. Белов // Маяк Коммуны. – 1936. – 6 авг. – С. 3; Белов Г. [Д.] Раскопки в Херсонесе / Г. Д. Белов // Маяк Коммуны. – 1940. – 3 октября. – С. 3.
Belov G. [D.] Raskopki v Hersonese / G. D. Belov // Mayak Kommuny. – 1936. – 6 avg. – S. 3; Belov G. [D.] Raskopki v Hersonese / G. D. Belov // Mayak Kommuny. – 1940. – 3 oktyabrya. – S. 3.

8. Гриневич К. [Э.] В прошлое веков: раскопки в Севастопольском районе / К. Э. Гриневич // Маяк Коммуны. – 1929. – 4 нояб. – С. 3; Гриневич К. [Э.] Раскопки в окрестностях Севастополя / К. Э. Гриневич // Маяк Коммуны. – 1924. – 3 сент. – С. 4.
- Grinevich K. [EH.] V proshloe vekov: raskopki v Sevastopol'skom rajone / K. EH. Grinevich // Mayak Kommuny. – 1929. – 4 noyab. – S. 3; Grinevich K. [EH.] Raskopki v okrestnostyah Sevastopolya / K. EH. Grinevich // Mayak Kommuny. – 1924. – 3 sent. – S. 4.
9. Гусакова [Л.] Ближе к Музею Революции / Л. Гусакова // Маяк Коммуны. – 1929. – 15 января. – С. 4; Гусакова [Л.] Наш Музей Революции / Л. Гусакова // Маяк Коммуны. – 1928. – 6 июля.
- Gusakova [L.] Blizhe k Muzeyu Revolyucii / L. Gusakova // Mayak Kommuny. – 1929. – 15 yanvarya. – S. 4; Gusakova [L.] Nash Muzej Revolyucii / L. Gusakova // Mayak Kommuny. – 1928. – 6 iyulya.
10. Ивин И. [П.] Военно-исторический музей открывается: как реорганизован музей / И. П. Ивин // Маяк Коммуны. – 1926. – 21 мая. – С. 6.
- Ivin I. [P.] Voennno-istoricheskij muzej otkryvaetsya: kak reorganizovan muzej / I. P. Ivin // Mayak Kommuny. – 1926. – 21 maya. – S. 6.
11. Крошицкий [М. П.] Ценности картинной галереи / М. П. Крошицкий // Маяк Коммуны. – 1940. – 8 авг. – С. 4.
- Kroshickij [M. P.] Cennosti kartinnoj galerei / M. P. Kroshickij // Mayak Kommuny. – 1940. – 8 avg. – S. 4.
12. Лисин В. [П.] Археологические раскопки у Камышевой бухты / В. П. Лисин // Маяк Коммуны. – 1938. – 26 янв. – С. 3; Лисин В. [П.] Бережь памятники старины / В. П. Лисин // Маяк Коммуны. – 1937. – 2 февр. – С. 4.
- Lisin V. [P.] Arheologicheskie raskopki u Kamyshevoj buhty / V. P. Lisin // Mayak Kommuny. – 1938. – 26 yanv. – S. 3; Lisin V. [P.] Berech' pamyatniki stariny / V. P. Lisin // Mayak Kommuny. – 1937. – 2 fevr. – S. 4.
13. Радченко [Н. Ф.] Берегите документы революции / Н. Ф. Радченко // Маяк Коммуны. – 1929. – 9 апреля. – С. 3.
- Radchenko [N. F.] Beregite dokumenty revolyucii / N. F. Radchenko // Mayak Kommuny. – 1929. – 9 aprelya. – S. 3.
14. Михайлов М. П. 10 июня открывается Музей Революции / М. П. Михайлов // Маяк Коммуны. – 1928. – 8 июня.
- Mihajlov M. P. 10 iyunya otkryvaetsya Muzej Revolyucii / M. P. Mihajlov // Mayak Kommuny. – 1928. – 8 iyunya.
15. Непомнящий А. А. «Я собираюсь приват-доценствовать в Таврическом университете»: К. Э. Гриневич в Крыму (1919–1921) / А. А. Непомнящий // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: «Исторические науки». – Симферополь, 2016. – Т. 3(69), № 2. – С. 111–122.
- Nepomnyashchij A. A. «YA sobirayus' privat-docenstvovat' v Tavricheskom universitete»: K. EH. Grinevich v Krymu (1919–1921) / A. A. Nepomnyashchij // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Ser.: «Istoricheskie nauki». – Simferopol', 2016. – T. 3(69), № 2. – S. 111–122.
16. Бабенчиков В. [П.] Археологические работы / В. П. Бабенчиков // Маяк Коммуны. – 1940. – 3 июня. – С. 2; Бабенчиков [В. П.] Единственный в мире музей пещерных городов / В. П. Бабенчиков // Маяк Коммуны. – 1936. – 26 июля. – С. 3; Бабенчиков В. [П.] Археологическая экспедиция в Инкерман / В. П. Бабенчиков // Маяк Коммуны. – 1937. – 22 июля. – С. 4; Бабенчиков В. П. В Севастополе и Севастопольской районе / В. П. Бабенчиков // Крым. – 1926. – № 2. – С. 193–195.
- Babenchikov V. [P.] Arheologicheskie raboty / V. P. Babenchikov // Mayak Kommuny. – 1940. – 3 iyunya. – S. 2; Babenchikov [V. P.] Edinstvennyj v mire muzej peshchernyh gorodov / V. P. Babenchikov // Mayak Kommuny. – 1936. – 26 iyulya. – S. 3; Babenchikov V. [P.] Arheologicheskaya ehkspediciya v Inkerman / V. P. Babenchikov // Mayak Kommuny. – 1937. – 22 iyulya. – S. 4; Babenchikov V. P. V Sevastopole i Sevastopol'skoj rajone / V. P. Babenchikov // Krym. – 1926. – № 2. – S. 193–195.
17. Врочинская К. [А.] Музеи Крыма / К. А. Врочинская // Советский музей / Музейный отдел Наркомпроса РСФСР. – 1938. – № 2. – С. 36–40.
- Vrochinskaya K. [A.] Muzei Kryma / K. A. Vrochinskaya // Sovetskij muzej / Muzejnyj otdel Narkomprosa RSFSR. – 1938. – № 2. – S. 36–40.

18. Геллах Т. Ф. Музеи в Крыму / Т. Ф. Геллах // Советский музей. – 1936. – № 4. – С. 85–86.
Gelakh T. F. Muzei v Krymu / T. F. Gelakh // Sovetskij muzej. – 1936. – № 4. – S. 85–86.
19. Гриневич К. Э. Вместо монастыря – Музей: письмо из Херсонеса / К. Э. Гриневич // Крым. – 1925. – № 1. – С. 80–81; Гриневич К. Э. Возобновление раскопок в Херсонесе Таврическом: Корсуни – наших древних летописей / К. Э. Гриневич // Крым. – 1926. – № 2. – С. 195–196; Гриневич К. Э. Раскопки Херсонеса Таврического в 1926 году / К. Э. Гриневич // Крым. – 1927. – № 1(3). – С. 112–121; Сто лет Херсонесских раскопок (1827–1927): исторический очерк с экскурсионным планом / сост. К. Э. Гриневич; Гос. Херсонесский музей. – Севастополь, 1927. – 57 с.; Гриневич К. Э. Очередные задачи музейного строительства в Крыму / К. Э. Гриневич // Крым. – 1928. – № 2(7). – С. 60–64; Гриневич К. Э. Раскопки Гераклеяской экспедиции 1928 г.: предварительный отчет с описанием архитектурного комплекса / К. Э. Гриневич // Крым. – 1928. – № 2(8), вып. 2. – С. 34–71; Гриневич К. Э. За новый музей: Херсонесский музей как первый опыт приложения марксистских идей в музейном строительстве / К. Э. Гриневич; Гос. Херсонесский музей. – Севастополь, 1928. – 16 с.; Гриневич К. Э. Херсонес Таврический: История. Руины. Музей: иллюстрированный путеводитель / К. Э. Гриневич; Гос. Херсонесский музей. – Севастополь, 1928. – 2 изд. – 112 с.; Гриневич К. Э. Раскопки в Херсонесе в 1927 и 1928 гг.: предварительный отчет / К. Э. Гриневич // Крым. – 1929. – № 1(9). – С. 14–32; Гриневич К. Э. Социологические проблемы исследования прошлого Севастопольского района / К. Э. Гриневич // Крым. – 1929. – № 2(10). – С. 38–50.
Grinevich K. E. Vmesto monasterya – Muzej: pis'mo iz Hersonesa / K. E. Grinevich // Krym. – 1925. – № 1. – S. 80–81; Grinevich K. E. Vozobnovlenie raskopok v Hersonese Tavricheskom: Korsuni – nashih drevnih letopisej / K. E. Grinevich // Krym. – 1926. – № 2. – S. 195–196; Grinevich K. E. Raskopki Hersonesa Tavricheskogo v 1926 godu / K. E. Grinevich // Krym. – 1927. – № 1(3). – S. 112–121; Sto let Hersonesskih raskopok (1827–1927): istoricheskij ocherk s ehkskursionnym planom / sost. K. E. Grinevich; Gos. Hersonesskij muzej. – Sevastopol', 1927. – 57 s.; Grinevich K. E. Ocherednye zadachi muzejnogo stroitel'stva v Krymu / K. E. Grinevich // Krym. – 1928. – № 2(7). – S. 60–64; Grinevich K. E. Raskopki Geraklejskoj ehkspedicii 1928 g.: predvaritel'nyj otchet s opisaniem arhitekturnogo kompleksa / K. E. Grinevich // Krym. – 1928. – № 2(8), vyp. 2. – S. 34–71; Grinevich K. E. Za novyj muzej: Hersonesskij muzej kak pervyj opyt prilozheniya marksistskih idej v muzejnom stroitel'stve / K. E. Grinevich; Gos. Hersonesskij muzej. – Sevastopol', 1928. – 16 s.; Grinevich K. E. Hersones Tavricheskij: Istoriya. Ruiny. Muzej: illyustrirovannyj putevoditel' / K. E. Grinevich; Gos. Hersonesskij muzej. – Sevastopol', 1928. – 2 izd. – 112 s.; Grinevich K. E. Raskopki v Hersonese v 1927 i 1928 gg.: predvaritel'nyj otchet / K. E. Grinevich // Krym. – 1929. – № 1(9). – S. 14–32; Grinevich K. E. Sociologicheskie problemy issledovaniya proshlogo Sevastopol'skogo rajona / K. E. Grinevich // Krym. – 1929. – № 2(10). – S. 38–50.
20. Опалов В. Г. О массовой работе крымских музеев / В. Г. Опалов // Крым. – 1928. – № 1(5). – С. 102–105.
Opalov V. G. O massovoj rabote krymskih muzeev / V. G. Opalov // Krym. – 1928. – № 1(5). – S. 102–105.
21. Полканов А. И. Охрана памятников старины в Крыму за время Советской власти / А. И. Полканов // ИТОИАЭ. – 1928. – Т. 2(59). – С. 171–184; Полканов А. И. История музейного дела и охраны памятников культуры за десять лет Советской власти в Крыму / А. И. Полканов // ИТОИАЭ. – 1930. – Т. 4. – С. 96–120; Полканов А. И. Крымские краеведческие районные музеи на грани второй пятилетки / А. И. Полканов // Советский музей. – 1934. – № 2. – С. 54–62.
Polkanov A. I. Ohrana pamyatnikov stariny v Krymu za vremya Sovetskoj vlasti / A. I. Polkanov // ITOIAEH. – 1928. – T. 2(59). – S. 171–184; Polkanov A. I. Istoriya muzejnogo dela i ohrany pamyatnikov kul'tury za desyat' let Sovetskoj vlasti v Krymu / A. I. Polkanov // ITOIAEH. – 1930. – T. 4. – S. 96–120; Polkanov A. I. Krymskie kraevedcheskie rajonnye muzei na grani vtoroj pyatiletki / A. I. Polkanov // Sovetskij muzej. – 1934. – № 2. – S. 54–62.
22. Эрнст Н. Л. Эски-Кермен и пещерные города Крыма / Н. Л. Эрнст // ИТОИАЭ. – 1929. – Т. 3(60). – С. 15–43; Эрнст Н. Л. Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму за 10 лет (1921–1930) / Н. Л. Эрнст; Центр. музей Крымской АССР. – Симферополь, 1931. – 23 с.; Эрнст Н. Л. Обзор археологических исследований в Крыму в 1935 г. / Н. Л. Эрнст // Советская археология. – 1937. – Т. 3. – С. 240–245.
Ernst N. L. Eski-Kermen i peshchernye goroda Kryma / N. L. Ernst // ITOIAEH. – 1929. – T. 3(60). – S. 15–43; Ernst N. L. Letopis' arheologicheskikh raskopok i razvedok v Krymu za 10 let (1921–1930) /

N. L. Ernst; Centr. muzej Krymskoj ASSR. – Simferopol', 1931. – 23 s.; Ernst N. L. Obzor arheologicheskikh issledovanij v Krymu v 1935 g. / N. L. Ernst // Sovetskaya arheologiya. – 1937. – Т. 3. – С. 240–245.

23. Данилевский И. Н. Источниковедение: история, теория, метод: источники российской истории: учеб. Пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева; Российский гос. гуманитар. ун-т. – М., 2004. – 702 с.

Danilevskij I. N. Istochnikovedenie: istoriya, teoriya, metod: istochniki rossijskoj istorii: ucheb. Posobie / I. N. Danilevskij, V. V. Kabanov, O. M. Medushevskaya, M. F. Rumyanцева; Rossijskij gos. gumanitar. un-t. – М., 2004. – 702 s.

24. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. А-2307, оп. 3, д. 160, 162, 316, 317; оп. 8, д. 9, 77; оп. 10, д. 189–193.

Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF), f. A-2307, op. 3, d. 160, 162, 316, 317; op. 8, d. 9, 77; op. 10, d. 189–193.

25. Там же, оп. 3, д. 316, л. 161–163, 168–178, 182, 197, 200–208.

Op. cit, op. 3, d. 316, l. 161–163, 168–178, 182, 197, 200–208.

26. Там же, оп. 9, д. 77, л. 39–40, 45–46 об.

Op. cit, op. 9, d. 77, l. 39–40, 45–46 ob.

27. Там же, оп. 3, д. 317, л. 22, 28–31, 43.

Op. cit, op. 3, d. 317, l. 22, 28–31, 43.

28. Отдела письменных источников Государственного Исторического музея (ОПИ ГИМ), ф. 54, д. 671, 996–998, 1007–1008.

Otdela pis'mennyh istochnikov Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya (OPI GIM), f. 54, d. 671, 996–998, 1007–1008.

29. Там же, д. 996, л. 3–5 об.; д. 997, л. 14–35.

Op. cit, d. 996, l. 3–5 ob.; d. 997, l. 14–35.

30. Там же, д. 1007, л. 17–18.

Op. cit, d. 1007, l. 17–18.

31. Там же, д. 996, л. 88–101 об.

Op. cit, d. 996, l. 88–101 ob.

32. Там же, л. 119–127.

Op. cit, l. 119–127.

33. Там же, д. 671, л. 6–38 об.

Op. cit, d. 671, l. 6–38 ob.

34. Там же, д. 1008, л. 111.

Op. cit, d. 1008, l. 111.

35. Там же, д. 1007, л. 27–106.

Op. cit, d. 1007, l. 27–106.

36. Там же, л. 110–114 об.

Op. cit, l. 110–114 ob.

37. ГАРК, ф. Р-652, оп. 1, д. 92, 102, 104, 116, 120, 123, 132, 1204; ф. Р-2865, оп. 2, д. 2; ф. Р-20, оп. 7, д. 1, 4, 5; ф. Р-663, оп. 8, д. 4; оп. 9, д. 8.

GARK, f. R-652, op. 1, d. 92, 102, 104, 116, 120, 123, 132, 1204; f. R-2865, op. 2, d. 2; f. R-20, op. 7, d. 1, 4, 5; f. R-663, op. 8, d. 4; op. 9, d. 8.

38. Там же, ф. Р-1188, оп. 3, д. 55; ф. Р-652, оп. 1, д. 189, 601; ф. Р-138, оп. 1, д. 6.

Op. cit, f. R-1188, op. 3, d. 55; f. R-652, op. 1, d. 189, 601; f. R-138, op. 1, d. 6.

39. Там же, ф. Р-2865, оп. 2, д. 4; ф. Р-20, оп. 7, д. 14.

Op. cit, f. R-2865, op. 2, d. 4; f. R-20, op. 7, d. 14.

40. Там же, ф. Р-2865, оп. 2, д. 8; ф. Р-219, оп. 1, д. 1812; ф. Р-663, оп. 6, д. 356; ф. Р-20, оп. 7, д. 15.

Op. cit, f. R-2865, op. 2, d. 8; f. R-219, op. 1, d. 1812; f. R-663, op. 6, d. 356; f. R-20, op. 7, d. 15.

41. Непомнящий А. А. Рукописные крымоведаческие библиографии 20–30-х гг. XX в. как источник для подготовки фундаментального библиографического указателя «История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945)» / А. А. Непомнящий // Библиография. Археография. Источниковедение: сб. науч. ст. и матер. / Российская нац. б-ка. – СПб., М.: Старая Басманная, 2017. – С. 210–218.

Nepomnyashij A. A. Rukopisnye krymovedcheskie bibliografii 20–30-h gg. XX v. kak istochnik dlya podgotovki fundamental'nogo bibliograficheskogo ukazatelya «Istoriya i ehtnografiya narodov Kryma: bibliografiya i arhivy (1921–1945)» / A. A. Nepomnyashchij // Bibliografiya. Arheografiya. Istochnikovedenie: sb. nauch. st. i mater. / Rossijskaya nac. b-ka.– SPb., M.: Staraya Basmannaya, 2017.– S. 210–218.

42. Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук (ИИМК РАН НА РО), ф. 10, оп. 1, д. 14, л. 1–265.

Rukopisnyj otdel Nauchnogo arhiva Instituta istorii material'noj kul'tury Rossijskoj akademii nauk (ИИМК РАН НА РО), ф. 10, оп. 1, д. 14, л. 1–265.

43. Там же, ф. 2, оп. 1, д. 171, 15 л.; д. 120, 53 с.

Op. cit, f. 2, op. 1, d. 171, 15 l.; d. 120, 53 s.

44. Там же, ф. 2, оп. 1, д. 105, 27 л.

Op. cit, f. 2, op. 1, d. 105, 27 l.

45. Научно-отраслевой архив Института археологии РАН (НОА ИА РАН), ф.-1. Р-1, № 65, 122 л.; № 187, 124 л.; № 189, 48 л.; № 190, 47 л.; № 191, 26 л.; № 193, 39 л.; № 270, 273 л.; № 271, 93 л.; № 272, 74 л.

Nauchno-otraslevoj arhiv Instituta arheologii RAN (NOA IA RAN), f.-1. R-1, № 65, 122 l.; № 187, 124 l.; № 189, 48 l.; № 190, 47 l.; № 191, 26 l.; № 193, 39 l.; № 270, 273 l.; № 271, 93 l.; № 272, 74 l.

46. Там же, ф.-1, Р-1, № 81, 157 л.

Op. cit, f.-1, R-1, № 81, 157 l.

47. Там же, № 80, 33 л.

Op. cit, № 80, 33 l.

48. Там же, № 84, 37 л.

Op. cit, № 84, 37 l.

49. Там же, № 530, 44 л.

Op. cit, № 530, 44 l.

50. Научный архив Института археологии Крыма Российской академии наук (ИАК РАН НА), личный фонд В. П. Бабенчикова, д. 1–14.

Nauchnyj arhiv Instituta arheologii Kryma Rossijskoj akademii nauk (IAK RAN NA), lichnyj fond V. P. Babenchikova, d. 1–14.

51. Там же, рукописный отдел, д. 2–6; д. 8; д. 10–13; д. 15; д. 22; д. 141; д. 143; д. 145–146; д. 157–158; д. 168; д. 175.

Op. cit, rukopisnyj otdel, d. 2–6; d. 8; d. 10–13; d. 15; d. 22; d. 141; d. 143; d. 145–146; d. 157–158; d. 168; d. 175.

52. Архив города Севастополя (АГС), ф. Р-420, оп. 1, д. 58, 78; ф. Р-79, оп. 1, д. 259, 582.

Arhiv goroda Sevastopolya (AGS), f. R-420, op. 1, d. 58, 78; f. R-79, op. 1, d. 259, 582.

53. Там же, ф. Р-420, оп. 1, д. 473, л. 32, 56.

Op. cit, f. R-420, op. 1, d. 473, l. 32, 56.

54. Там же, ф. Р-420, оп. 1, д. 58, л. 268–269; ф. Р-79, оп. 1, д. 168, л. 56.

Op. cit, f. 420, op. 1, d. 58, l. 268–269; f. R-79, op. 1, d. 168, l. 56.

55. Там же, ф. Р-79, оп. 1, д. 148, л. 90.

Op. cit, f. R-79, op. 1, d. 148, l. 90.

56. Там же, ф. Р-420, оп. 1, д. 58, л. 192; ф. Р-79, оп. 1, д. 259, л. 41–43.

Op. cit, f. R-420, op. 1, d. 58, l. 192; f. R-79, op. 1, d. 259, l. 41–43.

57. Там же, ф. Р-420, оп. 1, д. 58, л. 201; ф. Р-79, оп. 1, д. 183, л. 16.

Op. cit, f. R-420, op. 1, d. 58, l. 201; f. R-79, op. 1, d. 183, l. 16.

58. Там же, ф. Р-420, оп. 1, д. 78, л. 221.

Op. cit, f. R-420, op. 1, d. 78, l. 221.

59. Научный архив Херсонесского историко-археологического заповедника (ХИАЗ НА), д. 148–150, 153–154, 157–158, 160, 223, 238, 240, 249, 250, 252, 291, 293, 308, 338.

Nauchnyj arhiv Hersonesskogo istoriko-arheologicheskogo zapovednika (HIAZ NA), d. 148–150, 153–154, 157–158, 160, 223, 238, 240, 249, 250, 252, 291, 293, 308, 338.

60. Там же, д. 308, л. 145–191.

Op. cit, d. 308, l. 145–191.

61. Там же, д. 150, л. 22.

- Op. cit, d. 150, l. 22.
62. Там же, д. 160, л. 77–78.
Op. cit, d. 160, l. 77–78.
63. Там же, д. 308, л. 7–8.
Op. cit, d. 308, l. 7–8.
64. Архив Межшкольного краеведческого музея им. Е. Н. Овена, инв. кн. 65 [Нодель Л. С. Севастопольский музей краеведения].
Arhiv Mezshkol'nogo kraevedcheskogo muzeya im. E. N. Ovena, inv. kn. 65 [Nodel' L. S. Sevastopol'skij muzej kraevedeniya].
65. Непомнящий А. А. Профессор Николай Эрнст: страницы истории крымского краеведения / А. А. Непомнящий; Таврический нац. ун-т им. В. И. Вернадского. – Киев: Стилос, 2012. – 464 с. – (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 15).
Nepomnyashchij A. A. Professor Nikolaj Ernst: stranicy istorii krymskogo kraevedeniya / A. A. Nepomnyashchij; Tavricheskij nac. un-t im. V. I. Vernadskogo. – Kiev: Stilos, 2012. – 464 s. – (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 15).
66. Там же. – С. 19.
Op. cit. – С. 19.
67. Архив УФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской обл. Ф. АУД № П-65245, т. 15, Л. 97 об., 99 об., 100 об.
Arhiv UFSB RF po g. Sankt-Peterburgu i Leningradskoj obl. F. AUD № P-65245, t. 15, L. 97 ob., 99 ob., 100 ob.
68. Академическое дело 1929–1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. – Вып. 1: Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова / Библиотека РАН; Подг. В. П. Захаров, М. Н. Лепихин, Э. А. Фомина. – СПб., 1993. – 296 с.
Akademicheskoe delo 1929–1931 gg.: Dokumenty i materialy sledstvennogo dela, sfabrikovannogo OGPU. – Vyp. 1: Delo po obvineniyu akademika S. F. Platonova / Biblioteka RAN; Podg. V. P. Zaharov, M. N. Lepihin, E. A. Fomina. – SPb., 1993. – 296 s.
69. Российский государственный архив литературы и искусств (РГАЛИ), ф. 2094, оп. 1, 1101 ед. хр.
Rossijskij gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstv (RGALI), f. 2094, op. 1, 1101 ed. hr.

Akimchenkov V. V. Museums of Sevastopol at the end of 20-ies – 30-ies of the twentieth century: source studies review

At the present stage of the development of historical knowledge in Russia, the socio-cultural space is considered to be a communicative system with a multi-level structure, in which the function of preserving cultural values is assigned to museums. The primary role in this process belongs to the regional museums, through the prism of the study of which it becomes possible to reconstruct the historical and cultural ways of development of the region, as well as to detail certain aspects of this process at the national level. To understand all the specifics of the stated topic is possible only when you dive into the specifics of socio-cultural and cultural-historical features of the period under review, which is possible only in case of maximum coverage of the available source base.

The range of sources on the history of museums in Sevastopol in the 20-30-ies of the twentieth century is quite diverse. The first group consists of documentary sources: Assembly, office documents, published laws, orders, explanations on the Museum's construction. The same group can also include documents of state specialized agencies.

Studied and systematized a wide range of sources related to the study of the history of museums in Sevastopol in the late 20s-30s of the twentieth century and the process of formation of the Sevastopol Museum Association. Particular emphasis is placed on the group of documentary sources devoted to the problem of research. Documents of this group are revealed by the author in 29 funds from 10 archives of the Russian Federation. Much attention is paid to the sources of mass origin, in particular, the materials of the newspaper "lighthouse Commune, which allows to shed light on the history of Museum construction in the region in the designated period of time. In total, such a representative group of published and archival materials of different origin, informativeness and level of objectivity is quite self-sufficient for obtaining empirical facts, which

creates prerequisites for the most accurate and complete reconstruction of Museum practices in Crimean studies in the 20-30s of the twentieth century.

Attraction of sources of various types and types from archives and libraries of the Russian Federation creates prerequisites for the process of objective study of the history of the Sevastopol Museum Association. The whole range of sources on the subject of research is represented by an extensive group of published and archival materials of various origins, informativeness and level of objectivity, which is quite self-sufficient to obtain a set of empirical facts to study the activities of the Sevastopol Museum Association in the 20-30-ies of the twentieth century. Sources of this level are characterized by representativeness and completeness of content. The use of published research staff museums of Sevastopol, archival documents funds creates the preconditions for the most accurate and complete reconstruction of the whole generation of Museum figures of Sevastopol in the formation of historical and local lore thought in the Crimean 20-30-ies of the twentieth century.

Keywords: archive, sources, Museum work, periodicals, Sevastopol Museum Association.

УДК (908:332)(470)КРЫМ

К ИСТОРИИ КРЫМСКОГО ВИНОГРАДНОГО УЧИЛИЩА (1804–1841)

Кравчук А. С.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Крымский инженерно-педагогический университет*

*г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: alexkravchuk7@gmail.com*

На основе архивных данных Российского государственного исторического архива, Государственного архива Одесской области и Государственного архива Республики Крым восстановлена история первого в России училища виноградарства и виноделия, располагавшегося в Судак. Создание этого заведения было одним из важнейших шагов, направленных на развитие промышленности и сельского хозяйства на полуострове после его присоединения к Российской империи в 1783 г. Ключевую роль в организации училища сыграл академик П. С. Паллас, подготовивший проект и оказывавший всестороннюю поддержку в ходе его работы. Важное место в развитии учреждения отводилось иностранным виноградарям, которые трудились там в качестве руководителей и рядовых служащих. Организация подчинялась напрямую таврическим гражданским губернаторам, основную массу учеников составляли солдатские сироты. История Крымского виноградного училища насчитывает 40 лет. Его ликвидация связана с деятельностью М. С. Воронцова, по инициативе которого центр виноградарства и виноделия был перемещен на Южный берег Крыма. **Ключевые слова:** Крымское виноградно-училище, Крым, Таврическая губерния, Судак, виноделие в Крыму, виноградарство в Крыму, П. С. Паллас.

Одним из механизмов интеграции окраинных территорий является их экономическое освоение, что дает толчок к установлению тесных связей с другими регионами государства. В этой связи хозяйственное развитие Крымского полуострова стало одной из ключевых задач, стоящей перед центральными и местными властями в конце XVIII – начале XIX вв. В административном отношении Крым с 8 октября 1802 года входил в состав Таврической губернии. Полуостров считался перспективным регионом с обильным количеством удобных гаваней и уникальными климатическими условиями. Это позволяло развивать шелководство, садоводство, рыболовство, виноградарство и виноделие – те отрасли, которые не играли существенной роли в экономике других районов Российской империи. Местная среда не только давала преимущества, но и создавала сложности. Славянские переселенцы не были знакомы с упомянутыми видами экономической деятельности и после переселения на полуостров продолжали заниматься привычным для себя выращиванием зерновых культур. Тем не менее и в этой отрасли хозяйства они испытывали серьезные затруднения. Причиной тому были различные сроки посева зерновых в Крыму и регионах исхода, а также зависимость урожая злаковых от прихотей погоды. Эти факторы вынуждали правительство прибегать к переселению в Крым выходцев из европейских стран. По мнению представителей местной администрации, наиболее подходящими кандидатами были греки и болгары, которые жили в похожих климатических условиях [16, л. 4об.–6]. Кроме того, они

исповедовали православие и их расселение в Крыму должно было способствовать стабилизации политической ситуации и уменьшению значения мусульманского фактора. Тем не менее проекты массового переселения так и не были реализованы из-за их дороговизны и сложной внешнеполитической обстановки.

Экономическое положение в Крыму и всей Таврической губернии в начале XIX в. было очень тяжелым. Второй таврический гражданский губернатор Д. Б. Мертваго писал, что «фабрик и никаких значительных ремесленных заведений в губернии нет» [15, л. 10об.]. Еще в конце XVIII в. Г. А. Потемкин поднял вопрос о необходимости возрождения производства вина в Крыму и даже способствовал высадке виноградных лоз на полуострове. Однако эти первые попытки были стихийными и непоследовательными. Уже в начале XIX в. вопрос создания винодельческих предприятий был поднят министром внутренних дел В. П. Кочубеем. В 1804 г. он докладывал государю: «В прошлом году я имел счастье представлять Вашему Императорскому Величеству мнение мое о средствах к усовершенствованию виноделия в России и об учреждении на сей конец двух виноградных училищ: одного на Кавказской линии, а другого в Таврии. Нужных к тому искусных людей и лучших родов виноградных лоз выписать из Франции» [13, с. 317].

Возрождению виноделия должен был способствовать спрос на внутреннем рынке Российской империи. Высшие слои общества могли себе позволить употреблять французские и испанские вина в то время, как люди среднего достатка нуждались в продукте более низкой ценовой категории. Вот как описывал состояние виноделия в начале XIX в. Д. Б. Мертваго: «Вино делается из выжимок винограда и из фруктов. Такие хозяйства располагаются в нагорной части Крыма. После присоединении Крыма садовые участки, оставшиеся от татар, выехавших в турецкие области, и от переселенных греков были взяты в казенное ведомство. Позже их раздали разного звания чиновникам. Многие из них были проданы и теперь остаются во владении таких людей, которые совершенно не в состоянии содержать их в порядке. Неимение совестливых работников вынуждало собственников использовать всякие средства и даже принимать на работу бродяг. От этого вред далеко превосходил выгоды, каждый терпел от воровства и насилия. Предосторожности для охранения себя мешали производству работы» [15, л. 5–8]. По мнению губернатора, именно отсутствие свободных рабочих рук было одним из главных препятствий на пути развития этой отрасли хозяйства в Крыму.

Подготовка к открытию училища на полуострове началась в 1803 г. Губернатору Д. Б. Мертваго было поручено подготовить доклад о состоянии виноделия в Крыму. Руководитель региона обратился за помощью к местному дворянству: таврическому губернскому предводителю Е. И. Нотаре и отставному подполковнику А. С. Таранову-Белозерову «яко помещикам наиболее здесь значащим и в хозяйстве упражняющимися» [15, л. 5–8]. Что и было сделано – в докладе содержалась следующая информация: «на Крымском полуострове готовится вина до 250 000 ведер. Из сего числа до 100 000 выпивается здесь, а остальное вывозится покупателями. Цены продаваемому вину существуют разные и именно от 10 коп. до 1 руб. 50 коп. за ведро» [15, л. 5–8].

По мнению министра внутренних дел, для создания виноградного училища в Крыму «было необходимо выписать искусных людей и лучших родов виноградные лозы из Франции» [2, л. 67–68]. Эта миссия была поручена коммерции советнику Вильгельмину Рувье [10]. Во Франции и Испании он должен был найти готовых к переселению в Крым виноградарей и закупить виноградные лозы. Поставленная перед французским неготиантом задача вскоре была успешно решена. В конце 1803 г. на полуостров прибыли один купер и два виноградаря с необходимым количеством виноградных лоз. Им было предоставлено жилье в Симферополе и место для хранения саженцев. В таком положении они должны были находиться до тех пор, пока не будет создано само училище.

В то же время В. П. Кочубей по просьбе Д. Б. Мертваго обратился к известному ученому – Петру Симону Палласу: «Отнесся к находящемуся там академику Палласу, прося его, чтобы приискал в Судацкой долине место, удобное к заведению предполагаемого училища и вообще доставлял бы сюда мнение свое о лучшем деле сего устройстве» [2, л. 24]. Привлечение П. С. Палласа было важной мерой, так как в Таврической губернии на тот момент отсутствовали специалисты в области виноградарства и виноделия. Кроме того, ученый был хорошо знаком с местными климатическими условиями, проводил эксперименты по выращиванию винограда в своем имении недалеко от Судака. Именно поэтому ему доверили выбор места для училища [11, с. 30–45]. По настоянию В. П. Кочубея и Д. Б. Мертваго академик подготовил записку со своими соображениями по поводу задуманного. Эта информация была представлена на рассмотрение императора [13, с. 317–319]. Ученый считал, что лучше всего создать училище в районе Судака в долинах Гатчикал и Козы. Также он настаивал на передаче училищу запущенных казенных виноградных и фруктовых садов общей площадью около 55 десятин и предложил увеличить жалование прибывшим виноградарям.

Министр внутренних дел во многом был согласен с ученым. Именно его проект лег в основу организации Крымского виноградного училища, открытого 21 мая 1804 г. [4, л. 67]. С целью развития новообразованного учреждения В. П. Кочубей отдал приказ о продолжении поиска во Франции и Венгрии людей, готовых переселиться в Крым для занятия виноделием. Создание училища на Кавказской линии откладывалось на неопределенное время [13, с. 318]. Учебная организация подчинялась таврическому гражданскому губернатору, который «всеми силами» должен был способствовать ее развитию. П. С. Палласу поручалось составить смету для закупки необходимого оборудования, также он должен был определить количество работников и учеников. Не согласен был министр внутренних дел с повышением оплаты виноградарям, что в будущем привело к нежеланию прибывавших специалистов долго оставаться на государственной службе.

Уже 6 сентября 1804 г. были утверждены штаты служащих, в которые вошли: смотритель, писарь, купор, 2 виноградаря и 20 работников. Для укомплектования учениками и рабочими было принято решение привлечь воспитанников херсонского, перекопского и ахтырского военносиротских отделений [2, л. 125–127]. Предполагалось, что по достижении 18 лет они должны будут трудиться в учреждении 25 лет, после чего им будут выделены виноградные участки и таким

образом образуется особая колония виноградарей [2, л. 121.]. Единовременно выделялось 15 тыс. рублей на возведение необходимых сооружений и 3 тыс. рублей на улучшение быта рабочих. На ежегодное содержание назначалась сумма в 6 тыс. рублей [1, л. 3].

Условия труда рабочих и учеников в Крымском виноградном училище были тяжелыми. Фактически они находились в положении военных поселенцев, что стало причиной массовых побегов. Оценив тяжесть ситуации, губернатор А. С. Лавинский 16 февраля 1818 г. предлагал министру внутренних дел дополнительно выделить участки, которые могли быть использованы сотрудниками и обучающимися для хозяйственных нужд. Для этого было необходимо субсидировать 15 тыс. рублей на покупку смежных с организацией земель у бывшего смотрителя училища – помещика П.-А. Мари [1, л. 6–7]. Министр внутренних дел не поддержал инициативу губернатора.

Виноградные лозы для новообразованного учреждения покупались на о. Закинф в Греции, о. Тенедосе в Турции, с берегов Рейна, Астрахани, в Кизляре и Франции [1, л. 1]. В период с 1804 по 1818 гг. было высажено 68 370 лоз [1, л. 7–8]. При основании училище получило земли в Судакской – 19 дес., Козской – 10 дес., Отузской – 15 дес., Воронской – 3 дес. долинах (все недалеко от Судака).

Неустаннны труды коммерции советника В. Рувье за границей продолжали давать свои плоды. Осенью 1804 г. он вернулся в Россию с двумя виноградарями из Малаги. Тогда же губернатор Д. Б. Мертваго писал министру внутренних дел: «Я лично объяснился здесь (в Крыму) со знающими людьми. Они удостоверяют, что испанские лозы требуют теплейшего климата нежели в Судак, где основано училище из французских и природных крымских лоз. Поэтому считаю, что следует сделать некоторое заведение на полуденном берегу Крыма. Там есть места, которые весьма походят на окрестности Малаги» [3, л. 41–43]. Министр внутренних дел посчитал дополнительные траты на покупку земли на Южном берегу Крыма невозможными. Тем не менее руководитель Таврической губернии не оставлял свои попытки убедить начальника в своей правоте: «Необходимо поспешить с покупкой хорошего участка более к югу, по взморью в окрестностях Алушты, Ялты, Кучук и Биюк Ламбата. Именно эти земли весьма походят на окрестности Малаги. Там легко могут произрастать виноградные лозы, миндальное дерево, шелковица и американский хлопчатник и оттуда всякие произведения могут доставляться в Москву по рекам Дону и Волге» [2, л. 121–123].

Несмотря на все недостатки и проблемы, уже в 1809 г. образцы сделанного вина были посланы в Санкт-Петербург на пробу. Об этом сообщал В. П. Кочубей таврическому губернатору А. М. Бороздину в мае 1809 г.: «Посланные при отношении господина вице-губернатора от 8-го марта с прапорщиком губернской роты Абрамовым сделанные в Крымском виноградном училище виноградные вина в пяти бочонках, минувшего апреля в 29 день мною получены» [4, л. 135]. По всей видимости, вина в это время были невысокого качества. Посетивший в 1806 г. П. С. Палласа английский путешественник Реджинальд Хебер отметил хорошую организацию виноградников ученого и училища по сравнению с насаждениями

крымских татар. Производимые же напитки по оценке вояжера являлись низкого качества [18, р. 267].

После отъезда в 1810 г. П. С. Палласа в Берлин вся тяжесть управления заведением легла на плечи таврических гражданских губернаторов. Министр внутренних дел А. Б. Куракин в обращении от 4 мая 1809 г. к губернатору А. М. Бороздину писал: «В Крыму виноградное училище, состоявшее под присмотром господина действительного статского советника Палласа, по случаю отбытия его оттоль остается без надлежащего попечения. Оно состоит в ведении особого чиновника, но по незнанию его вино из лучшего винограда делается низкого качества» [4, л. 136]. В этом же письме министр просил своего подчиненного обратить пристальное внимание на работу заведения. А. М. Бороздин занимал должность губернатора с 1807 по 1816 гг., был крупным крымским помещиком, занимался организацией экспериментальных виноградников в собственных имениях Саблы и Кучук-Ламбате.

После П. С. Палласа смотрителями училища были иностранец Фирфор, рекомендованный на эту должность самим ученым [4, л. 139], затем титулярный советник Катауров. Оба занимали пост не дольше года. Последний не имел никакого отношения к виноделию и был смещен так же быстро, как и его предшественник. Оценивая деятельность Катаурова, херсонский военный губернатор 9 июля 1810 г. писал: «Человек с давнего времени трудился в училище и мало в этом преуспел» [5, л. 165]. Новым руководителем учреждения стал француз, бежавший от режима Наполеона Бонапарта во Франкфурт – Пьер-Анри (Петр Андреевич) Мари. Он был приглашен в Крым при содействии немецкого ботаника и шелководы Ф. К. Маршала фон Биберштейна и А. М. Бороздина. А. Э. Ришелье в этой связи писал таврическому губернатору: «Согласно отношению ко мне вашего превосходительства, я предоставляю вам выписать иностранца Мари в Крым. На проезд выслать четыреста рублей. А об определении его смотрителем виноградного училища с жалованием коего господин Мари спрашивает и с пожалованием небольшого участка земли отнесся я к товарищу министра внутренних дел» [5, л. 91]. В 1811 г. Катауров был смещен [5, л. 165–165 об.]. Новому смотрителю назначили высокое ежегодное жалование в размере 800 рублей (оклад таврического губернатора в это время составлял 1800 рублей), 400 рублей выделили в качестве единовременного пособия [5, л. 186]. Также со временем ему планировалось предоставить земли для создания собственного виноградного хозяйства [5, л. 165].

П.-А. Мари предпринял ряд мер, направленных на улучшение состояния дел во вверенном ему заведении. Первым его шагом стало увольнение всех работников, привлеченных П. С. Палласом. А. Э. Ришелье в феврале 1811 г. докладывал по этому поводу министру внутренних дел: «Работников при виноградном в Судак училище находящихся, которых смотритель господин Мари описывает со стороны худого поведения и коих считает он вовсе там ненадобными и бесполезными, следует отправить туда, отколь они взяты были. Удовлетворив тем, что заслужили» [8, л. 63]. Кроме того, новый смотритель считал необходимым продать уже сделанное в 1810 и 1811 гг. вино, считая его низкого качества.

Рис. 1. Вид на Судакскую долину первой половины XIX в.

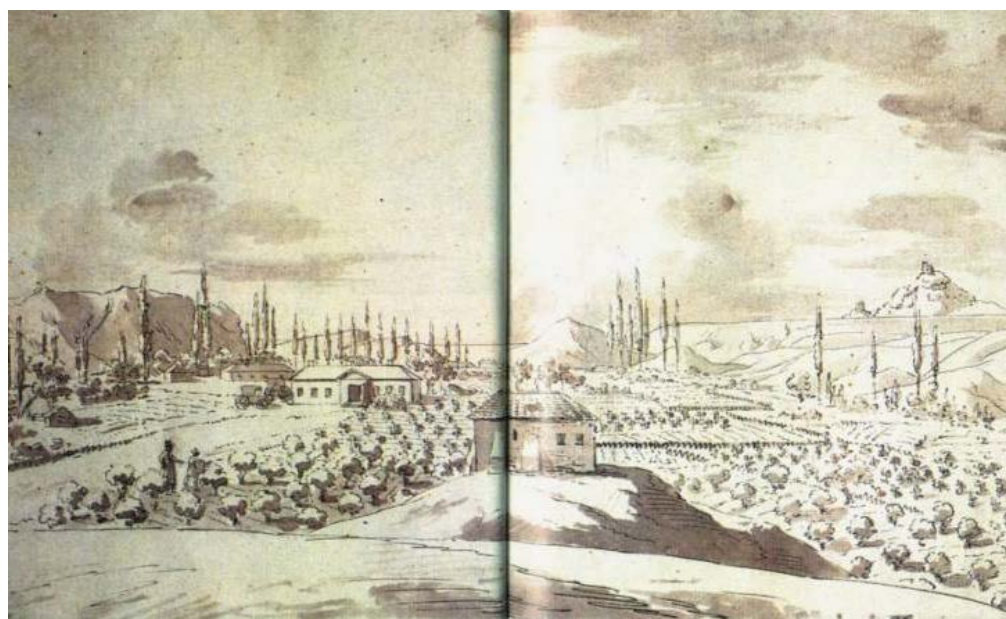

Рис. 2. Корнеев Е. М. Вид Судакской долины. 1804 г.

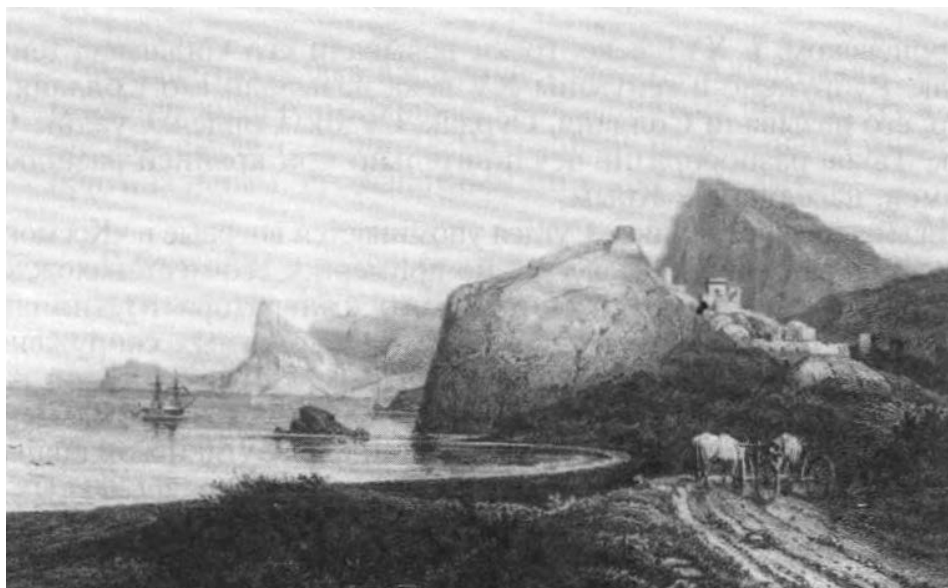

Рис. 3. Гравюра Эмиля Берндта из альбома «Воспоминание о Крыме». 1868 г.

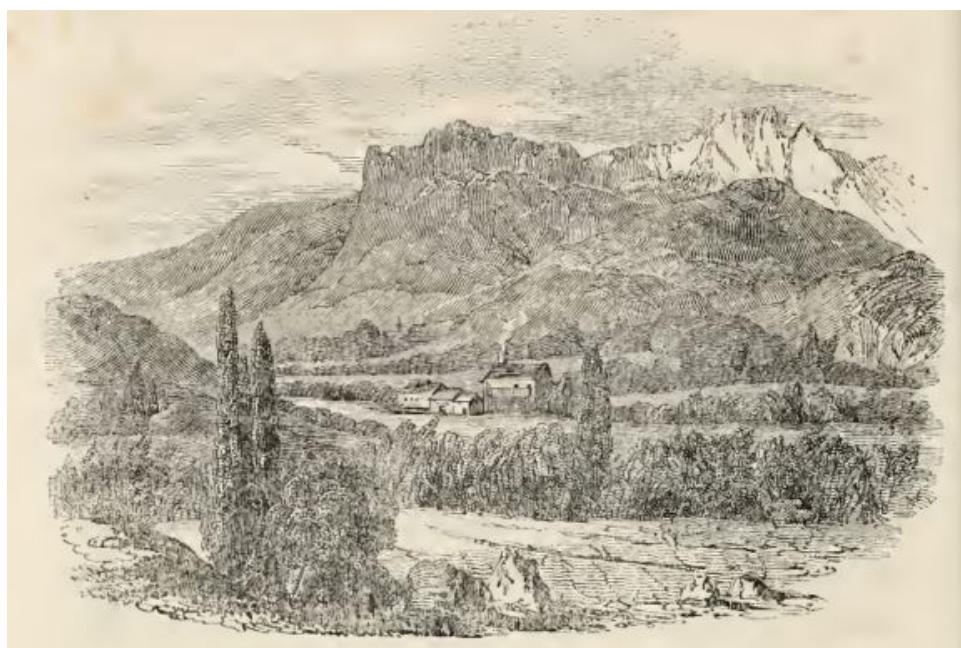
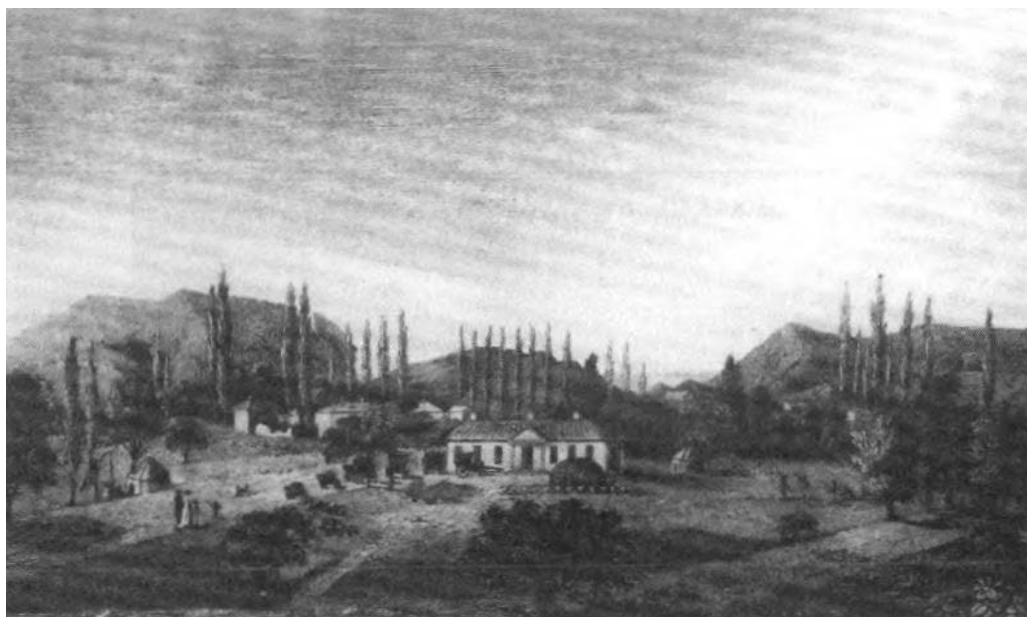

Рис. 4. Вид на Крымское виноградное училище. Литография из книги Р. Лайелла «Путешествие в Россию...». 1825 г.

Рис. 5. Судак. Литография П. Францева. Начало XIX в.

*Рис. 6. Часть Судакской долины Раласова.
Гравюра по рисунку А. де Палдо. 1805.*

По мнению П.-А. Мари, одним из ключевых недостатков училища являлось отсутствие качественного винного погреба. В письме от 5 июля 1812 г. министр внутренних дел уведомлял А. Э. Ришелье: «Ваше Превосходительство от 3 июня сего года (1812 г.) изволили сообщить мне, что при Судацком виноградном училище имеется вина выделанного в 1810 и 1811 годах триста шестьдесят девять ведер. И что по непрочности вообще крымских вин, особенно выделанного при училище от молодых еще лоз, начинает оно портиться. Хранить его негде, по неимению при училище погреба. Мари признает необходимым обратить вино в продажу. В уважение таковой необходимости соглашаюсь на распоряжение сие и прошу вас, милостивый государь мой, дать кому следует приказание о приведении оного в действие на законном основании. Уведомить меня сколько будет выручено денег за сие вино, и не можно ли будет выстроить на оные погреба» [9, л. 29]. Строительство важнейшего для училища сооружения было завершено только в 1815–1816 гг. при смотрителе Вандершкруфе [1, л. 5–6].

Несмотря на пристальное внимание к училищу со стороны центра и местных органов власти, а также значительные финансовые вложения, существенный прогресс в развитии учреждения достигнут не был. В этой связи А. Б. Куракин просил А. М. Бороздина разобраться в причинах неудач, в 1812 г. он писал губернатору: «Цель заведения виноградного училища в Крыму была усовершенствовать тамошние вина. На сей предмет выписаны были из чужих краев лучшие виноградные лозы и мастера виноделия. На это были употреблены важные издержки. Но вина, сделанные в училище, большею частью из тех лоз, которые давно уже высажены были. Я желаю знать, какая причина столь малого еще успеха в сем деле и можно ли впредь ожидать лучших успехов, кои соответствовали бы издержкам на училище употребленным. Покорно прошу ваше превосходительство сообщить мне о всем том надлежащие сведения с вашим мнением» [9, л. 27].

Кроме нового смотрителя, в училище был приглашен опытный купор из Франкфурта. А. Б. Куракин 5 января 1811 г. писал А. М. Бороздину: «Главный инспектор над шелководством барон Маршал Биберштейн доносил мне, что для Крымского виноградного училища купор братом его во Франкфурте договорен уже с платою по 700 руб. в год и будет отправлен так, чтобы мог прибыть в Крым непременно до наступления весны. Он будет снабжен моделями и рисунками потребной для виноделия посуды. Главный инспектор находит нужным занять его работой непосредственно по приезду на место. Так как по многим опытам он знает, что иностранные ремесленники, в Россию приезжающие, быв оставлены некоторое время без дела, легко привыкают к праздности. И потому весьма полезно было бы, дабы в течении зимы приготовлены были мастеровая изба и при ней для купора и учеников жилище, а также некоторое количество леса. Особенно сухих дубовых брусьев и досок к немедленному начатию бондарских работ нужных» [7, л. 16]. Купор прибыл в Крым весной следующего года [6, л. 140]. На его плечи ложилась задача по подготовке специалистов в области хранения и выдержки вина.

П.-А. Мари, как и его предшественники, недолго оставался во главе училища. Оказавшись в Крыму, новый смотритель достаточно быстро осознал, какие выгоды можно извлечь из выращивания винограда в Судацкой долине. В течение короткого

промежутка времени он скупил обширные участки земли под Судакком и стал крупным землевладельцем. Это стало возможным благодаря женитьбе на одной из дочерей известного крымского промышленника В. Рувье. Это позволило П.-А. Мари отказаться от занимаемой должности в 1817 г. [7, л. 16]. При нем объемы производимого вина незначительно выросли. Так, в 1816 г. было изготовлено 360 ведер, в 1817 году – 560, а в 1818 году – 339 [1, л. 7–8].

Следующим смотрителем стал немец по происхождению, надворный советник Иван Израилевич Гзель (1770–?). Он руководил учреждением с 4 августа 1817 по 1823 гг. Как и некоторые из его предшественников на этом посту, И. И. Гзель имел опыт административной работы, однако был далек от виноградарства и виноделия. В Новороссийском крае он служил сначала смотрителем шведских (1805–1809 гг.), затем крымских колоний (1809–1816 гг.), был одним из организаторов борьбы с чумой в Феодосии в 1812–1814 гг. [1, л. 43–46]. Его назначение во многом было вынужденным: виноградное училище испытывало острую нехватку опытных виноградарей. Воспоминания о И. И. Гзеле оставил британский путешественник Р. Лайелл, посетивший его в 1822 г. Пилигрим высоко оценил качество производимых вин, большинство из которых выделяли из иностранных лоз [19, р. 336–339].

Несмотря на все сложности и проблемы, местной администрацией и руководителями училища была проделана значительная работа. Объезжая Крым в ноябре 1823 г., генерал-губернатор новороссийского края М. С. Воронцов писал министру внутренних дел В. С. Ланскому: «При обозрении мною Крымского полуострова нашел я, что существующее в Судакской долине казенное виноградное училище находится ныне довольно в хорошем порядке и дает лучшее во всем Крыму вино. Если будет училище усовершенствовано, то послужит образцом к улучшению виноделия всеми частными владельцами. Чтобы достигнуть сей цели, необходимо определить смотрителем опытного и знающего человека. Содержание смотрителя так скудно, что занимающий эту должность надворный советник Гзель оставляет службу и переходит в надзиратели частных садов только потому, что не может себя содержать средствами, от казны получаемыми. Я предлагаю пригласить на его место живущего давно в Крыму и имеющего сведения и опытность в виноделии барона Боде и определить для его содержания 2000 рублей в год» [1, л. 20–21]. Схожие оценки производимому в училище вину дал путешественник по Крыму в 1828 г. Т. Б. Армстронг, который отметил, что оно было лучшим в Крыму [17, р. 44–45].

Мнение новороссийского генерал-губернатора было учтено и в 1824 г. И. И. Гзеля на посту смотрителя Крымского училища виноделия сменил агроном и писатель Александр Карлович Боде (1790–1861). Новый смотритель после своего назначения в январе 1824 г. представил М. С. Воронцову служебную записку, в которой содержались следующие предложения: «Чтобы облегчить жизнь владельцам виноградных садов как в Судакке, так и в окрестностях и прославить крымские вина, необходимо завести в Судакке торговую контору. Она должна скупать вина за свой счет во время уборки винограда и отправлять вино во внутренность России. На заведение таковой конторы потребуется капитала не менее миллиона рублей. Она должна давать прибыли до 25 тыс. рублей в год. Для того чтобы организовать

торговую контору предлагаю при помощи таврического губернатора создать общество акционеров» [1, л. 28–30]. Дороговизна проекта препятствовала его реализации. Тем не менее А. К. Боде обратил внимание чиновников на одну из важнейших проблем виноградарей и виноделов полуострова того времени – сложность сбыта готовой продукции.

Новый смотритель на основе данных, содержащихся в архиве канцелярии таврического губернатора, изложил историю Крымского училища виноделия, рукопись которой хранится в Государственном архиве Одесской области [1]. В период его руководства заведением повсеместно начали использовать подвязывание виноградных лоз. До этого продолжали широко применять турецкий способ выращивания винограда, при котором лозы стелились по земле, что делало одновременное вызревание гроздей невозможным и ухудшало качество винного материала. Из двадцати первых учеников, поступивших в училище при его основании в 1804 г., 25 лет отслужили лишь 13 человек. В 1830 г. они получили отставку и земельные наделы на прилегающих к училищу территориях. Анализ отчетной финансовой документации показал, что к 1820-м гг. училище перестало быть убыточным заведением и давало доход приблизительно равный 8 тыс. рублям в год при расходах в 6 тыс. рублей.

В годы генерал-губернаторства М. С. Воронцова начинается интенсивное развитие виноградарства на Южном берегу Крыма. Впервые выращивание там виноградных лоз с использованием современных для того времени технологий предпринял смотритель Никитского ботанического сада Х. Х. Стевен. Однако ученый склонялся к мнению, что окрестности Судака являлись наиболее подходящим районом для промышленного разведения винограда. По инициативе М. С. Воронцова в 1838 г. правительством предпринимаются первые попытки продать Крымское виноградное училище. В это время заведению принадлежало 35 дес. 75 саж. земли, под виноградниками находилось 8 дес. с 70 000 кустами, строения и двор занимали 2 дес. 100 саж. Был большой сад с 628 фруктовыми деревьями. Дом смотрителя с 12 комнатами и 5 подвалами, 5 флигелей для рабочих и различных сельскохозяйственных инструментов. Общая стоимость составляла 120 000 рублей [12, с. 5]. Желавших приобрести учреждение за такую сумму не нашлось. Местная администрация попыталась продать училище в рассрочку с выплатой в течение 10 лет при условии сохранения сооружений и виноградных насаждений. Впрочем и это предложение никого не заинтересовало. В таких условиях в 1841 г. новороссийский генерал-губернатор принял решение о ликвидации Крымского виноградного училища. Большинство учеников перевели в Кишиневское училище садоводства, виноградные сады и здания отдавались на откуп [15, л. 131–141].

Таким образом, учреждение просуществовало почти 40 лет. За этот период оно так и не стало центром виноградарства и виноделия в Крыму. Тем не менее именно благодаря его существованию в юго-восточной части полуострова были распространены французские и немецкие сорта винограда, а местные земледельцы познакомились с современными технологиями ведения хозяйства и научились основам виноделия. Одной из ключевых проблем, сдерживающих развитие этой отрасли хозяйства, была неразвитость логистики на полуострове. В районе Судака

отсутствовали дороги, а до ближайшего порта, располагавшегося в Феодосии, было немалое расстояние, которое нужно было преодолевать по горному бездорожью. Идеи сооружения местной торговой гавани выдвигались губернской администрацией, однако объемы производимого вина ставили под сомнение рентабельность такого проекта. При участии М. С. Воронцова в 1828 г. в урочище Магарач был создан новый центр развития виноградарства. Ликвидация аналогичного заведения в юго-восточной части полуострова стала лишь вопросом времени. Тем не менее Крымское виноградно-училище сыграло важную роль в воссоздании виноделия на полуострове и было первым заведением такого рода на территории Российской империи. Сорта, завезенные в Крым в начале XIX в., и сейчас занимают важное место в виноградарстве и виноделии на полуострове.

Список использованных источников и литературы

1. Государственный архив Одесской области, ф. 1, оп. 190, д. 68 (1823).
Gosudarstvennyi arkhiv Odesskoï oblasti [State Archives of Odessa Region], f. 1, op. 190, d. 68 (1823) (In Russian).
2. Государственный архив Республики Крым (ГАРК), ф. 26, оп. 1, д. 542.
Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym (GARK) [State Archive of the Republic of Crimea]. – F. 26. – Op. 1. – D. 542 (In Russian).
3. ГАРК, ф. 26, оп. 1, д. 567.
GARK. – F. 26. – Op. 1. – D. 567 (In Russian).
4. ГАРК, ф. 26, оп. 1, д. 714.
GARK, f. 26, op. 1, d. 714 (In Russian).
5. ГАРК, ф. 26, оп. 1, д. 736.
GARK, f. 26, op. 1, d. 736 (In Russian).
6. ГАРК, ф. 26, оп. 1, д. 737.
GARK, f. 26, op. 1, d. 737 (In Russian).
7. ГАРК, ф. 26, оп. 1, д. 747.
GARK, f. 26, op. 1, d. 747 (In Russian).
8. ГАРК, ф. 26, оп. 1, д. 749.
GARK, f. 26, op. 1, d. 749 (In Russian).
9. ГАРК, ф. 26, оп. 1, д. 807.
GARK, f. 26, op. 1, d. 807 (In Russian).
10. Кравчук А. С. Вильгельмин (Гильом) Рувье и его проект развития Крыма [Электронный ресурс] / А. С. Кравчук // Электронное научное издание Альманах Пространство и время. – 2017. – Т. 14. Вып. 1.: Крымоведение: пространство и время Крыма. – URL: 2227-9490e-aprov_e-ast14-1.2017.23 (дата обращения – 5. 02. 2018).
Kravchuk A. S. Vil'gel'min (Gil'om) Ruv'e i ego proekt razvitiya Kryma [Elektronnyi resurs] [Guillaume Rouvier and His Project for Development of the Crimea] // Elektronnoe nauchnoe izdanie Al'manakh Prostranstvo i vremya, 2017, T. 14. Vyp. 1.: Krymovedenie: prostranstvo i vremya Kryma, URL: 2227-9490e-aprov_e-ast14-1.2017.23 (data obrashcheniya – 5. 02. 2018) (In Russian).
11. Непомнящий А. А. Подвижники крымоведения / А. А. Непомнящий. – Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография», 2008. – Т. 2: TAURICA ORIENTALIA. – 600 с. – Сер.: Библиография крымоведения; Вып. 12.
Nepomnyashchii A. A. Podvizhniki krymovedeniya [Devotees of Crimea studies], Simferopol', ОАО «Simferopol'skaya gorodskaya tipografiya», 2008, T. 2: TAURICA ORIENTALIA, 600 p., Ser.: Bibliografiya krymovedeniya, vyp. 12 (In Russian).
12. О продаже Крымского училища виноделия // Таврические губернские ведомости. – 1838. – 23 декабря.
O prodazhe Krymskogo uchilishcha vinodeliya [About the sale of Crimean grape School], Tavricheskie gubernskie vedomosti, 1838, 23 dekabrya (In Russian).

13. Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года: в 48 т. – СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. – Т. 28.

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii: Sbranie pervoe: S 1649 po 12 dekabrya 1825 goda: v 48 t. [Complete laws collection of the Russian Empire], SPb.: Tip. II Otd-niya sobstv. E. I. V. kantselyarii, 1830, T. 28.

14. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1281, оп. 5, д. 50.

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA) [State Archive of Russian Federation], f. 1281, op. 5, d. 50 (In Russian).

15. РГИА, ф. 1281, оп. 11, д. 131.

RGIA, f. 1281, op. 11, d. 131 (In Russian).

16. РГИА, ф. 1305, оп. 1, д. 5.

RGIA, f. 1305, op. 1, d. 5 (In Russian).

17. Armstrong T. B. Journal of travels in the seat of war, during the last two campaigns of Russia and Turkey; intended as an itineary through the south of Russia, the Crimea, Georgia, and through Persia, Koordistan, and Asia Minor, to Constantinople. With map expressly drawn up, and illustrative of the author's tour. – London: A. Seguin Publ., 1831. – 242 p.

18. Life of Reginald Heber, D.D. Lord Bishop of Calcutta. By his widow: in 2 vol. – London: Jon Murray Publisher, 1830. – Vol. 1. – 685 p.

19. Lyall R. Travels in Russia, the Krimea, the Caucasus and Georgia: in 2 vol. – London, 1825. – Vol. 1. – 527 p.

Kravchyk A. S. From the history of Crimean grape school (1804–1841)

In my article, I considered the history of Crimean grape school. I used archival data, which stored in State Archive of Russian Federation, The State Archives of Odessa Region and The State Archives of Republic of Crimea. Crimean grape School was located in Sudak and was a first school of winemaking in the Russian Empire. The government sought to create an industry in Taurida province and the base of the vine school was the first step in this case. G. A. Potemkin was the first who began to rebuild winemaking in Crimea after its annexation to the Russian Empire in 1783. At the beginning of the nineteenth century in the Taurida province was devastation, there was no industrial enterprise. Climatic conditions in the Crimea is suitable for growing grapes. In the Russian Empire was not a single enterprise, which produced wine at this time. That is why the Crimean grape school was to become an important enterprise. P. S Pallas played an important role in the creation of the school. He drafted, provides comprehensive support in the early years of the institution. P. S. Pallas was an academician and renowned scientist, he knew the local conditions, and his support was important. The Government invited the foreigners to work in the school. They were heads of the school and worked in it as winemakers. Pupils at the school were orphans. Soldier's orphans were pupils at the school. School existed for almost 40 years. M. S. Vorontsov believed that the best place for grape school was the Southern coast of Crimea. He established a new school in Magarach Valley and Crimean grape school ceased to exist in 1841.

Keywords: Crimean grape School, Crimea, Taurida province, Sudak, Crimea winemaking, viticulture in Crimea, P. S. Pallas.

УДК (015:902:908)(47)КРЫМ

ВТОРАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ АРХЕОЛОГОВ СССР В ХЕРСОНЕСЕ: ИЗ ИСТОРИИ КОММУНИКАЦИЙ В КРЫМОВЕДЕНИИ

Непомнящий А. А.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
Email: dr.aan@mail.ru*

Восстановлена история организации одного из двух наиболее знаковых научных форумов крымоведов довоенного периода в СССР – Второй конференции археологов СССР в Херсонесе, созданной по инициативе К. Э. Гриневича в сентябре 1927 года. На основе эпистолярия крымоведов из академических центров и местных деятелей, воспоминаний и опубликованных отчетов академиков и профессоров, участвовавших в форуме, раскрыты установившиеся научные коммуникации в среде исследователей истории Крыма. Освещены неизвестные страницы научной биографии академика С. Ф. Платонова, возглавлявшего конференции. В научный оборот введены неизвестные ранее его публикации в местной научной литературе и периодической печати. Резолюции конференции, призывавшие к усилению памятникоохранной работы, так и остались на бумаге в связи с начавшимся вскоре сворачиванием краеведческого движения, сменой руководителя Главнауки Наркомпроса РСФСР.

Ключевые слова: Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе, К. Э. Гриневич, Херсонесский археологический музей, С. Ф. Платонов, крымоведение.

Удачное возобновление досоветской практики созыва археологических съездов – проведение Всесоюзной конференции археологов СССР 1926 года в Керчи – получило широкий положительный резонанс в СССР и в Европе [1]. Вот почему стало возможным созвать следующий аналогичный форум уже в следующем году. Амбициозный директор Государственного Херсонесского археологического музея, крупный крымовец К. Э. Гриневич предложил провести аналогичное собрание в Севастополе на базе возглавляемого им учреждения. Поводом обозначалось столетие начала раскопок в Херсонесе. Археологический съезд был намечен на 10–13 сентября 1927 года. Изначально К. Э. Гриневичу удалось уговорить руководителя Главнауки Наркомпроса РСФСР Ф. Н. Петрова только на проект созыва Научного совещания по вопросам археологии Херсонеса. Лишь позже решили все же проводить именно всесоюзную конференцию. Здесь, безусловно, сказались натянутые отношения К. Э. Гриневича с главным координатором всех археологических исследований в стране – Государственной академией истории материальной культуры, восходящие ко времени, когда К. Э. Гриневич возглавлял Керченский музей древностей, подчиненный академии [2].

Значение Второй конференции археологов СССР в Херсонесе для развития как крымоведения, так и советской археологии в целом отмечено историками науки (В. Т.

И. Н. Бороздин.

С. П. Григорова, К. Э. Гриневича, Б. Н. Засыпкина, Н. И. Новосадского, Н. Д. Протасова и Б. В. Фармаковского. Симферопольская организационная комиссия была создана соответствующим решением коллегии Наркомата просвещения Крымской АССР 5 марта 1927 года в составе И. П. Бирзгала, У. А. Боданинского,

В. П. Бузескул.

П. И. Голландского, К. Э. Гриневича, А. Н. Деревницкого, А. И. Маркевича, Ю. Ю. Марти, Д. С. Спиридонова и Н. Л. Эрнста. Так как Крымнаркомпрос брал на себя все расходы по проведению конференции, то именно здесь составлялась ее программа, которая потом утверждалась в Москве. Аналогичная комиссия в Севастополе, созданная решением местного райисполкома, занималась исключительно организационными делами: Х. К. Циммер (зам. председателя исполкома – председатель комиссии), К. И. Гриневич, К. Э. Гриневич, В. В. Красникова, В. С. Торопов [8].

Илларионов [3, с. 180–181], В. Ф. Геннинг [4, с. 31–32], А. Д. Пряхин [5, с. 86], В. М. Зубарь [6, с. 216–217; 7, с. 17–18]). В названных исследованиях обозначена роль данного ученого собрания для дальнейшего исследования Херсонеса. Авторы обошли вниманием научные коммуникации крымоведов, которые выстраивались во время работы конференции и продолжались в дальнейшем как ее результат.

По опыту проведения съезда в Керчи в начале 1927 года в Москве, Симферополе и Севастополе были созданы специальные комиссии по организации Конференции археологов СССР в Херсонесе. Московская комиссия, организованная по распоряжению Главнауки Наркомата просвещения РСФСР 15 февраля 1927 года, состояла из наиболее авторитетных специалистов – Б. С. Жукова (председатель), Д. В. Айналова, В. А. Городцова, П. И. Голландского, К. Э. Гриневича, А. Н. Деревницкого, А. И. Маркевича, Ю. Ю. Марти, Д. С. Спиридонова и Н. Л. Эрнста. Так как Крымнаркомпрос брал на себя все расходы по проведению конференции, то именно здесь составлялась ее программа, которая потом утверждалась в Москве. Аналогичная комиссия в Севастополе, созданная решением местного райисполкома, занималась исключительно организационными делами: Х. К. Циммер (зам. председателя исполкома – председатель комиссии), К. И. Гриневич, К. Э. Гриневич, В. В. Красникова, В. С. Торопов [8].

Основная организационная работа по отбору и приглашению участников легла на плечи директора Государственного Херсонесского музея Константина Эдуардовича Гриневича. На фирменном бланке музея каждому из приглашенных на форум

Фердинандовича Вальдгауера [9], Василия Алексеевича Городцова [10], Сергея Федоровича Платонова [11]. В Научном архиве Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» отложилась переписка, которую вел К. Э. Гриневич с учреждениями и отдельными учеными, приглашенными к участию в конференции [12]. Эти документы помогли воссоздать объемы проводимой Константином Эдуардовичем организационной работы, ход переговоров со столичными учеными, этапы составления программы конференции и дискуссию по темам докладов и сообщений [13].

Въезд в Херсонесский музей и площадь раскопок Херсонеса Таврического.

Несложившиеся отношения К. Э. Гриневича с коллегами из ГАИМК, безусловно, сказались негативно на организации съезда [14]. В этой связи директор Государственного Херсонесского музея пытался выстроить диалог с председателем Академии Николаем Яковлевичем Марром, с которым состоял в постоянной переписке уже много лет [15]. 16 мая 1927 года К. Э. Гриневич в письме к ленинградскому коллеге предложил издать материалы предстоящей конференции в виде продолжающегося издания «Херсонесского сборника» под грифом ГАИМК [16]. А 20 июля 1927 года директор Херсонесского музея официально приглашал Н. Я. Марра на Херсонесскую конференцию: «Глубокоуважаемый Николай Яковлевич. Очень прошу почтить личным присутствием Херсонесский съезд,

которому Вы, – я лично от Вас это слышал, – сочувствуете. Невзирая на множество тренировок, мне удалось добиться его организации и теперь нужно добиться полного и хорошего проведения съезда. Мы все надеемся, что Вы приедете на съезд с докладом» [17].

Однако в Севастополь, в отличие от Керчи, Н. Я. Марр не поехал. Ощущая безразличное, скорее прохладное отношение к конференции Н. Я. Марра и холодное – со стороны иных ученых ГАИМК, К. Э. Гриневич предпринимал шаги к обязательному участию в форуме другого ленинградца – главного куратора крымоведческих исследований в Академии наук СССР Сергея Федоровича Платонова.

Первое из сохранившихся писем К. Э. Гриневича своему академическому коллеге в Ленинград датировано 20 июля 1927 года. Оно написано на бланке «Херсонесского музея и площади раскопок Херсонеса Таврического». В это время директор активно занимался организацией приезда в Севастополь на Вторую конференцию археологов СССР именитых гостей из академических центров. Он сообщал: «Глубокоуважаемый Сергей Федорович. Очень прошу почтить своим присутствием наш Съезд, в создании которого было так много препятствий.

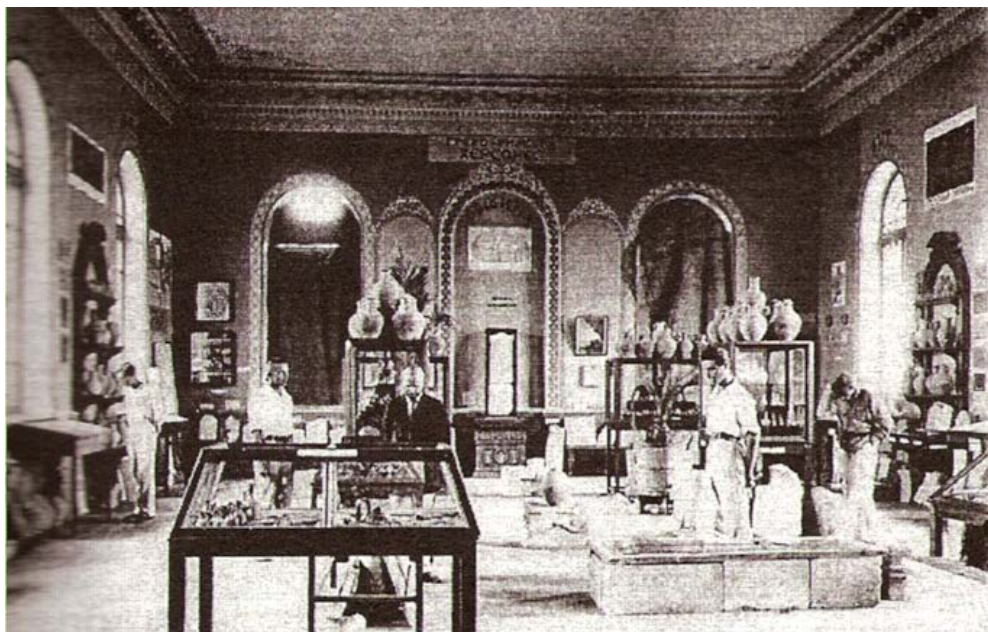
Я знаю, что Вы так благожелательно отнеслись к Керченскому съезду и мы все надеемся, что Вы поддержите и Херсонес. От имени коллектива выражаю надежду, что Вы приедете на Съезд и привезете доклад.

С искренним уважением и признательностью К. Гриневич» [18].

С. Ф. Платонов ответил, что заинтересован приехать на столь авторитетное собрание и попросил выслать ему последние издания музея, для того чтобы быть в курсе научных разработок этого учреждения. Такую посылку К. Э. Гриневич подготовил и отправил в Ленинград 4 августа [19]. 6 августа он вновь написал С. Ф. Платонову с благодарностью за решение академика посетить Севастополь. В этом письме директор музея ознакомил ленинградского ученого с проектом разыскания им материалов о раскопках в Херсонесе Крузо в 1827 году [20].

*Городцов В. А. в зале его имени в
Историческом музее. 1923 г.*

К. Э. Гриневич и Г. Д. Белов в Херсонесском музее.

17 августа 1927 года К. Э. Гриневич вновь писал С. Ф. Платонову с разъяснением деталей его пребывания в Херсонесе:

«Глубокоуважаемый Сергей Федорович.

Приезжайте в Севастополь и на вокзале увидите плакат, в котором будет указано, где нужно зарегистрироваться и проч. (10-го и 11-го на вокзале будут встречающие, которые укажут все). Устроим Вас с возможными удобствами в Херсонесе. Будет сообщение с городом автобусом и катерами. Прошу Вас убедить А. А. Спицына приехать к нам. Я почему-то от него до сих пор не получил ответа. Печатаем Херсонесский Сборник в 35 листов и занят ужасно! Простите за спешность письма.

Искренне преданный К. Гриневич» [21].

В организации конференции, подготовительных мероприятиях, кроме К. Э. Гриневича, активно участвовало Таврическое общество истории, археологии и этнографии, возглавляемое А. И. Маркевичем и Н. Л. Эрнстом [22, с. 104–111]. В самой конференции Николай Львович, не занимавшийся непосредственно изучением древностей Херсонеса, принял участие с оговоркой. Он сообщал специальной запиской в оргкомитет: «Принося искреннюю благодарность за приглашение меня на празднование юбилея Херсонесских раскопок и на

К. Э. Гриневич.

Совещание, сообщаю, что я приму участие в Совещании и, если будут читаться доклады не относящиеся непосредственно к Херсонесу, то прочитаю доклад под заглавием “Неаполь Скифский”. Приеду я женой. С искренним приветом, Н. Эрнст» [23].

Таврическое общество истории, археологии и этнографии получило из Херсонеса отдельное официальное приглашение для участия в конференции. В ответ А. И. Маркевич и Н. Л. Эрнст отписали в Севастополь 1 сентября 1927 года:

«Херсонесскому музею.

Таврическое общество истории, археологии и этнографии приносит искреннюю благодарность КрымНарКомПросу и Херсонесскому Музею за приглашение принять участие в праздновании столетнего юбилея раскопок Херсонеса и в работах научного Совещания в Херсонесе, и сообщает, что представителями Общества на праздновании и Совещании будут члены Общества: 1) Маркевич, Арс. Ив., 2) Филоненко, Вик. Иос., 3) Эрнст, Ник. Льв., 4) Жирицкий, Леон. Вл., 5) Василевский, Ник. Ник., 6) Никольский, Петр Вас., 7) Забнин, Сер. Ив.» [24].

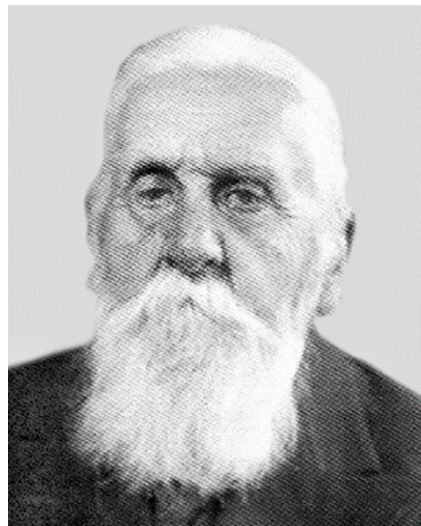
Позже А. И. Маркевич в письме к директору Херсонесского музея К. Э. Гриневичу назвал и другие фамилии участников:

«Дорогой Константин Эдуардович. Наконец я имею возможность послать Вам благодарность нашего Общества за приглашение на Съезд и сообщить, кто будет его представлять. Конечно, приедут Голландский, Акчокраклы и др. Я очень хочу приехать 8-го числа и, конечно, с Анной Николаевной, если ничто не помешает. На всякий случай держите за нами комнатку в Херсонесе или в городе.

С сердечным приветом, А. Маркевич» [25].

К открытию конференции Н. Л. Эрнст опубликовал в севастопольской газете «Маяк Коммуны» небольшую заметку о проведенных им совместно с Г. А. Бонч-Осмоловским исследованиях Сюреньской пещеры и раскопках у деревни Уркуста [26].

Работал и Предварительный комитет по организации конференции, который, как и при подготовке Керченского съезда, возглавлял Василий Алексеевич Городцов, а секретарем был К. Э. Гриневич. В. А. Городцов позже вспоминал: «С 6 по 17 сентября я выполнил последнюю в этом году командировку в Херсонес в качестве делегата, направленного от Исторического музея, Института археологии и искусствознания и 1 Моск[овского] университета, для участия в работах в Археологической конференции по случаю столетия раскопок развалин древнегреческого города Херсонеса. Из Москвы мы выехали вдвоем с проф. Н. И. Новосадским. По пути к нам присоединились еще два московских депутата. Переезд от Москвы до Севастополя

А. И. Маркевич.

казался приятной прогулкой. В Херсонесский музей (близ Севастополя) мы прибыли ранее других и тотчас принялись за работу. Так как я состоял председателем Предварительного комитета, то, естественно, вся работа по подготовке к съезду членов упала на меня. К счастью, секретарем был директор музея К. Э. Гриневич, человек умный и энергичный, который успел подготовить очень многое.

Меня просили быть председателем конференции, но я решительно отказался, так как это могло быть неприятно начальнику Главнауки РСФСР, с которым у меня на Керченской конференции произошло неприятное столкновение. Решили избрать проф. Платонова. Меня же избрали председателем Археологической секции, чем я был очень доволен» [27].

Посадка в машину делегатов Конференции.

Местная печать отдельно отметила приезд в Севастополь на конференцию академика С. Ф. Платонова из Ленинграда и члена-корреспондента АН СССР А. И. Маркевича из Симферополя [28]. Арсений Иванович, который во многом благодаря протекции С. Ф. Платонова получил высокое научное звание (избран по Отделению исторических наук и филологии 15 января 1927 года), с особым трепетом ждал этой встречи [29, с. 188–189].

Мандатной комиссией было зарегистрировано 88 членов конференции, которые представляли четыре союзные республики СССР: РСФСР (76 делегатов, в том числе из Крыма – 48), УССР (8 представителей), БССР (1 делегат) и Закавказскую ССР (1 ученый). Было представлено двадцать городов Советского Союза. Наибольшим числом делегатов выделялись Симферополь (19 человек), Севастополь (18), Москва

(16), Ленинград (10). Посредством своих делегатов в Конференции приняли участие 57 учреждений и организаций. Полный список участников был опубликован. В Президиум конференции были избраны начальник Главнауки Ф. Н. Петров, нарком просвещения Крымской АССР У. В. Балич, академики С. Ф. Платонов и В. П. Бузескул, профессора И. Н. Бороздин, О. Ф. Вальдгауер, В. А. Городцов, Ю. В. Готье, А. Н. Деревецкий, Н. Е. Макаренко, А. И. Маркевич, Н. И. Новосадский, Н. Д. Протасов, А. С. Федоровский, а также Г. Д. Белов, Я. П. Бирзгал, К. Э. Гриневич, В. М. Зуммер, Ю. Ю. Марти, Н. Л. Эрнст. Председателем конференции был избран С. П. Платонов, его заместителями К. Э. Гриневич и А. И. Маркевич, а генеральным секретарем – А. С. Федоровский.

Председателем Херсонесской секции был предложен академик В. П. Бузескул. В связи с его отказом избрали Н. И. Новосадского, а заместителем – О. Ф. Вальдгауера. Председателем секции Общей археологии стал В. А. Городцов, а его заместителем – И. Н. Бороздин [30, с. 6–8].

Таким образом, работа конференции была разделена между двумя секциями – Херсонесской и Общей археологии. Для делегатов были устроены подробные экскурсии на развалины Херсонеса и по залам музея.

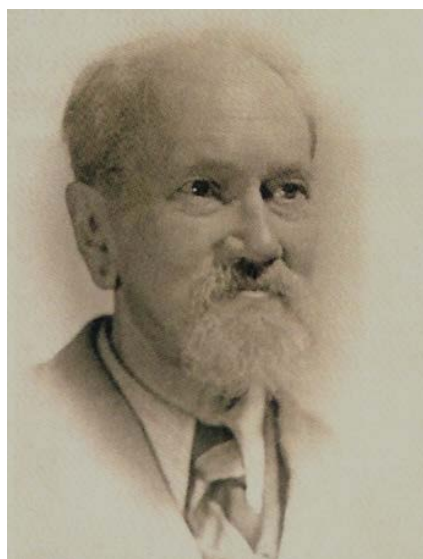
В. И. Филоненко.

С. Ф. Платонов.

Конференция торжественно открылась 10 сентября в 18 часов в актовом зале Севастопольского горсовета. Кроме ученых там присутствовали многочисленные партийные, советские и профсоюзные функционеры, представители Черноморского флота. Из многочисленных приветствий, прозвучавших на открытии научного собрания, выделим выступление представителя Крымского обкома ВКП(б) Ф. М. Левина, который озвучил «требования партии к деятелям крымоведения» [31]. После приветствий был заслушан доклад К. Э. Гриневича «Сто лет херсонесских раскопок». Среди выступавших были Ф. Н. Петров, открывавший конференцию [32, с. 9], и академик С. Ф. Платонов, который озвучил приветствие от АН СССР. Это выступление ученого,

опубликованное в материалах конференции, малоизвестно. Оно напечатано со ссылками на источники литературы, что свидетельствует о том, что академик передал в редакцию сборника полный текст. Мы имеем дело с цельной работой, а не с тезисами в пересказе редколлегии, как в случае с другими выступавшими. Ученый остановился на основных моментах, связанных с инкорпорацией Крыма в экономическую и внутривластную жизнь Российской империи. В докладе он проследил, как постепенно росло внимание к истории полуострова среди русского образованного общества и иностранных вояжеров. Записки путешественников по Крыму историк одним из первых в отечественной историографии выделил как отдельный интереснейший корпус крымоведческой литературы. Он продемонстрировал хорошее знание исследований по истории крымоведения, подробно остановившись на обзоре сочинений А. Л. Бертье-Делагарда, П. И. Кеппена, П. И. Сумарокова. Хорошо осведомленным докладчик оказался и о ходе археологических изысканий на полуострове. Анализируя состояние дел в крымоведении XIX века, академик выразил надежду на скорейшее аналитическое осмысление и дальнейших периодов изучения Крыма [33, с. 11–15]. Речь С. Ф. Платонова, произнесенная на открытии съезда, произвела сильное впечатление на

Н. П. Анциферов.

Президиум Конференции археологов СССР в Херсонесе. 1927 г.

участников собрания. Так, сотрудник Центрального бюро краеведения из Ленинграда Николай Павлович Анциферов (1889–1958) именно с цитирования высказываний этого выступления академика начал свой очерк «Особенности краеведного движения в Крыму», опубликованного в следующем году [34, с. 203].

Сотрудники Государственного Херсонесского музея. 1927 год.

11 сентября 1927 года севастопольская газета «Маяк Коммуны» опубликовала статью С. Ф. Платонова «Крым и археологические съезды» [35]. Материал, очевидно, был заранее подготовлен ученым и сразу по прибытии в Севастополь передан К. Э. Гриневичу. Эта публикация, выявленная и введенная в научный оборот нами [36], оставалась неизвестной исследователям творчества ученого. Само название четко определяло, что научная элита страны видит в Керченской (1926 г.) и Севастопольской (1927 г.) конференциях археологов СССР – продолжение зародившейся в досоветское время практики всероссийских археологических съездов. Собрания в Керчи и Севастополе, по мнению академика, «это восстановление общественности нашей археологии, возобновление прежних форм широкого общения» различных регионов [37]. Автором четко определялось, что именно научные коммуникации являлись приоритетом для подобных собраний научной общественности.

В изданных по окончании работы форума материалах были опубликованы также небольшие выступления на первом заседании конференции В. А. Городцова, выступившего от имени Российской ассоциации научно-исследовательских институтов, А. И. Маркевича, зачитавшего приветствие Таврического общества

истории, археологии и этнографии, и Н. Д. Протасова, огласившего приветственный адрес от Государственного исторического музея [38, с. 20].

Наиболее знаковые доклады, первоначально отнесенные Подготовительным комитетом к отдельным секциям, ввиду общего интереса к затронутым ими общим вопросам по постановлению президиума были заслушаны на пленарных заседаниях. Это доклад К. Э. Гриневича «Древнейшая оборонительная стена в Херсонесе, обнаруженная разведкой в 1927 году», прочитанный непосредственно на месте раскопок с демонстрацией полученных результатов. Профессор Н. Л. Эрнст ознакомил коллег с докладом «Неаполь Скифский: к столетию со времени первых раскопок», где восстановил историю изучения памятника. В отдельном докладе К. Э. Гриневич сообщил «О плане дальнейшей научно-исследовательской работы Государственного Херсонесского музея». Руководитель музея очертил два направления будущих работ: ликвидация, образовавшаяся еще с досоветского времени, «залежи материала по раскопкам Херсонеса, до сих пор остающиеся не опубликованными», и исследования Гераклеяского полуострова в связи с активным заселением этих территорий. В этой связи стал вопрос о подготовке археологической

карты Юго-западного Крыма. Докладчик остановился на вопросах финансирования и кадрового обеспечения работ. Логическим продолжением этого доклада стало выступление П. И. Голландского «О мерах технической охраны памятников Херсонеса».

Среди докладов на Херсонесской секции участники выделяли совместный доклад евпаторийских исследователей В. Ф. Штифтара и П. Я. Чепуриной «Евпатория-Каркинитиды как часть Херсонесского округа», профессора А. Н. Деревницкого «Херсонесские коропласты», Н. И. Новосадского «Критические и экзегетические заметки к некоторым Херсонесским надписям», А. С. Федоровского «Средневековая бронзовая статуэтка, найденная в Херсонесе».

Реклама Государственного Херсонесского музея из газеты «Маяк Коммуны».

Участники конференции в Херсонесе.

Из сообщений секции «Общая археология» большой интерес вызвал доклад Г. А. Бонч-Осмоловского «Предварительные данные о раскопках Крымской экспедиции Зоологического музея Академии наук СССР в 1927 году», где ученый остановился на результатах исследования стоянки Кукрек и скалистого навеса Сюрень, В. А. Городцова «Каменные орудия, найденные в почве древнего Херсонеса и его окрестностей», А. А. Фомина «Обзор предварительных разведочных работ в Судак», который был продолжен Ю. В. Готье – «Расчистка базилики в «Георгиевской» башня Судакской крепости». Собрание заслушало и ряд небольших докладов (Ю. Ю. Марти, А. А. Захарова, Н. А. Захарова) о ходе археологических разведок в разных частях юга СССР.

Ход пленарного и секционных заседаний подробно освещала севастопольская газета «Маяк Коммуны» [39; 40; 41]. Наиболее обстоятельные очерки о мероприятиях конференции были подписаны псевдонимом «Старый». Очевидно, автор являлся музейным работником, непосредственным участником съезда [42–46]. Живые воспоминания о конференции оставил один из организаторов – Василий Алексеевич Городцов: «Работы конференции начались при благоприятных условиях и пошли очень энергично. Севастопольские власти и жители относились к членам конференции весьма предупредительно и предоставляли для нас все удобства, какие можно было предоставить. Помещение прибывшие члены имели в так называемом архиерейском доме. Мне, как председателю Предварит[ельного] комитета и

прибывшему ранее других, предлагалось занять роскошное помещение во втором этаже, но я отказался и поместился втроем в небольшой келье нижнего этажа. Со мной поместились Н. И. Новосадский и А. Н. [Деревицкий – (А. Н.)].

К сожалению, келья наша оказалась не очень покойною: внутри помещения, в коридоре, рядом с нею поместили буфет, а снаружи, прямо перед окнами, устроили на крытой террасе столовую, в которой собирались для завтраков и чаепития. Обедали мы в Севастополе в лучшем ресторане, где для нас предоставлялись ежедневно обеды на всех членов. Обеды подавались очень хорошие. Тяжеловато было ездить для обедов, но за нами ежедневно в определенные часы высылались из города автобусы, а это значительно сглаживало неудобства. Секционные заседания производились в залах архиерейского дома, пленарные же в городских учреждениях в Севастополе. На последнее обыкновенно собиралось очень много посетителей. Зато секционные заседания производились почти исключительно в составе одних делегатов, без посторонней публики.

Интересно заметить, что в Керчи, где я был председателем конференции, у меня ни одной минуты не было свободного времени, тогда как здесь, в Херсонесе, оказались свободными целые часы, пользуясь которыми по утрам я купался в море, а по вечерам гулял в монастырской усадьбе. Купанье в Херсонесе не очень приятно благодаря отсутствию пляжа, прогулки же великолепны. В запустевшем обширном владении упраздненного монастыря всюду разрослись полыньки, кустарники и целые деревья. Вечером все это благоухало каким-то особенным ароматом. На прогулки я чаще всего уходил один, но по пути ко мне подходили знакомые делегаты, завязывались разные беседы, и время проходило незаметно. Однажды вечером подошел ко мне начальник Главнауки Петров. Я сидел на скамейке, чтобы отдохнуть. Ко мне подсел и Петров. Мы разговорились. “Почему Вы отказались быть председателем конференции?” – вдруг задал он мне вопрос. Я смутился, но потом откровенно сказал: “Я полагал, что Вам это будет неприятно”. – “Почему? Вот вздор какой... А я был уверен, что Вы согласитесь”.

Это примирило нас, мы прошли по берегу моря и расстались друзьями» [47, с. 233–234].

Истоки сложных взаимоотношений В. А. Городцова и Ф. Н. Петрова восходят к прошедшей в 1926 году Конференции археологов СССР в Керчи, где Василий Алексеевич был председателем [48].

В дни работы форума произошло и известное землетрясение, разрушившее значительную часть построек на Южном берегу Крыма. Толчки чувствовались и в Севастополе. Эти события подробно описал В. А. Городцов [49, с. 233–235]. Информацию о землетрясении, которое в Херсонесе «было слабее, чем, напр[имер], в Ялте», мы находим в письме Владислава Петровича Бузескула к профессору Софийского университета Гавриилу Илиеву Кацарову, написанном уже по возвращении в Харьков 20 сентября 1927 года [50, с. 317]. К сожалению, землетрясение свело на нет идею издать в полном объеме доклады, заслушанные на конференции. Природная катастрофа потребовала перераспределения средств в крымском бюджете и поэтому свет увидел только сборник тезисов, но в гораздо более

репрезентативной форме, чем издаваемые в предыдущем году ежедневно бюллетени Керченской конференции [51].

Заключительное заседание съезда состоялось в зале Севастопольского городского совета вечером 13 сентября. Председательствовал академик С. Ф. Платонов. В высотуплении он отметил особые причины, которыми была вызвана конференция, ознаменовавшая собой празднования столетнего юбилея изучения Херсонеса. С. Ф. Платонов выделил роль К. Э. Гриневича в организации форума – то его «редкое умение, энергию и любовь к делу», которые позволили провести собрание на достойном уровне. От имени всех делегатов он выразил директору музея благодарность. Отдельно академик поблагодарил Главнауку Наркомпроса РСФСР в лице Ф. Н. Петрова и Исполком Севастопольского горсовета в лице Х. К. Циммера – «за сочувственное и предупредительное отношение к задачам» конференции [52, с. 59–60]. Ф. Н. Петров в кратком выступлении очертил основные итоги работы съезда, назвав их «весьма плодотворными», он отметил, что поддерживает идею созыва в Москве Всесоюзного археологического съезда. Относительно резолюции конференции начальник Главнауки заметил, что для их реализации необходима «помощь советской общественности, содействие местных организаций» [53, с. 60]. Академик С. Ф. Платов объявил конференцию закрытой. На следующий день для участников форума состоялась обширная экскурсия по Гераклейскому полуострову, в котором приняло участие 35 делегатов.

Уезжая из Севастополя, С. Ф. Платонов попросил К. Э. Гриневича подготовить ему фотоснимки производимых раскопок и несколько видов зданий бывшего монастыря – Херсонесского музея – для его отчета в Академии наук.

30 сентября К. Э. Гриневич писал С. Ф. Платонову в Ленинград:

«Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Простите за задержку высылке резолюций: мой отъезд в Симферополь на Пленум ЦК ОПИКа, затем срочный вызов КрымЦИКом на Научное совещание по вопросу о землетрясении, – все это заставило отложить дело о конференции. Но сейчас в Херсонесе Н. Л. Эрнст и А. Н. Деревницкий, то есть вся редакционная коллегия. Я думаю, что через 2–3 недели я буду иметь удовольствие переслать Вам брошюру о конференции с многочисленными рисунками и планами.

Считаю долгом еще раз сердечно поблагодарить Вас за Ваш приезд и за то дружеское и благожелательное отношение к нам и к нашей работе, которое вы проявили здесь, в наши юбилейные дни.

Здесь вокруг паника и бегство. Но я ей не поддаюсь. С 26 начал раскопки и полным ходом идет работа.

Ольга Климентьевна не выдержала и уехала. Правда, нас ежедневно и еженощно трясет, но к чему не привыкает человек. Алексей Николаевич и Николай Львович шлют вам привет.

Искренне преданный и готовый к услугам К. Гриневич» [54].

История с фотографиями, заказанными академиком, имела продолжение в письме С. Ф. Платонова в Херсонес от 10 декабря, адресованном заместителю К. Э. Гриневича Григорию Дмитриевичу Белову (1898–1979), где Сергей Федорович

недоумевал по поводу невыполнения его просьбы. 16 декабря 1927 года Г. Д. Белов вынужден был оправдываться в письме, направленном в Ленинград:

«Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

В ответ на Ваше письмо от 10 декабря сего года сообщаем, что фотографические снимки, заказанные Вами, были взяты студентом-практикантом Ленинградского университета Виктором Францевичем Гайдукевичем, для доставки Вам лично, еще в октябре месяце, при отъезде его в Ленинград.

Выражая свое глубокое извинение по поводу такого невнимательного отношения к Вам, одновременно с сим Музей запрашивает В. Ф. Гайдукевича, чем объясняется такое странное обстоятельство?

В случае если Вы, для ускорения выяснения этого вопроса, пожелаете лично написать В. Ф. Гайдукевичу, то его адрес: 2-я улица Деревенской бедноты, 9, кв. 59.

Еще раз не откажите принять наше глубокое извинение» [55].

Академик С. Ф. Платонов опубликовал небольшой отчет о командировке в Севастополь в «Известиях Академии наук СССР», который вынужден был поместить без предполагаемых к печати в этом журнале фотографий Херсонеса. Их так и не прислали к концу года. Академик лишь перечислил основные направления в работе конференции [56, с. 1721–1722].

Н. Л. Эрнст и его супруга С. Н. Олтаржевская.

Более обширный отчет в этом же номере журнала о поездке на конференцию в Херсонес опубликовал академик В. П. Бузескул, также командированный туда Президиумом АН СССР. Историк выделил совместный доклад В. Ф. Штифтера и

П. Я. Чепуриной, однако обозначил его как «элементарный». Он отметил, что вместо заявленной характеристики Евпатории как фемы Херсонеса, речь шла лишь о раскопках. Значительно большего внимания, по его мнению, заслуживает исследование Г. А. Бонч-Осмоловского о результатах работ Крымской экспедиции АН СССР, которая занималась раскопками стоянок палеолита на полуострове. В. П. Бузескул также положительно отметил доклады П. И. Голландского, А. Н. Деревницкого, Н. И. Новосадского и Н. Л. Эрнста [57].

С итогами работы Второй конференции археологов СССР в Херсонесе лидер крымских краеведов А. И. Маркевич ознакомил членов Таврического общества истории, археологии и этнографии на заседании третьего октября 1927 года, где прочел доклад «Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе». Он особенно выделил значение докладов Г. А. Бонч-Осмоловского, В. А. Городцова, Ю. В. Готье, К. Э. Гриневича, Ю. Ю. Марти, Н. Л. Эрнста.

Интересны замечания о конференции профессора Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе Виктора Иосифовича Филоненко (1884–1977), высказанные им в письме в Ленинград к академику-арабисту Игнатию Юлиановичу Крачковскому [58]. Ругая общую ситуацию в пединституте, кадровый состав новоявленных преподавателей, В. И. Филоненко сообщал 19 сентября 1927 года: «С горя уехал в Херсонес на конференцию, которая, нужно сказать, прошла очень вяло. Мало было приезжих, человек 60, не более, неинтересные доклады, более восхваляли Гриневича, так, что можно было подумать, что проходит не столетний юбилей раскопок Херсонеса, а юбилей Гриневича» [59].

Организатор наиболее масштабных экспедиций по изучению тюркских памятников на полуострове в 20-е годы XX века профессор Илья Николаевич Бороздин подвел итоги конференции в интервью газете «Красный Крым». Он отметил, что «тот факт, что вслед за столь удавшейся прошлогодней археологической конференцией в Керчи последовала Херсонесская, показывает, какое общественное научное внимание привлекают памятники, обильно насыщающие территорию Крымской республики» [60].

По уровню представительства и зачитанных докладов севастопольская Конференция археологов СССР в Херсонесе 1927 года была на порядок ниже аналогичного форума 1926 года, состоявшегося в Керчи. Причиной тому, прежде всего, встало неприятие в ГАИМК К. Э. Гриневича. Вместе с тем очередной и, как оказалось, последний для той эпохи археологический съезд сыграл значительную роль для систематизации и дальнейшей активизации изучения Юго-Западного Крыма. Установились новые линии коммуникации между местными учеными и их коллегами из академических центров. В частности, имела продолжение и переписка К. Э. Гриневича с С. Ф. Платоновым по поводу организации следующего, так и не состоявшегося археологического съезда. При подготовке конференции и в ходе ее проведения К. Э. Гриневич сумел произвести благоприятное впечатление на начальника Главнауки Ф. Н. Петрова и других московских деятелей, что послужило поводом к скорому переводу его в Москву на должность заместителя заведующего Музейным отделом Наркомпроса РСФСР.

Список использованных источников и литературы

1. Непомнящий А. А. «Мы стремимся к тому, чтобы это было продолжение прежних археологических съездов»: Керченская археологическая конференция [Электронный ресурс] // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. – 2017. – Т. 14. – Вып. 1: Крымоведение: пространство и время Крыма. – Стационарный сетевой адрес: 2227-9490eaprov_e-ast14-1.2017.31.
Nepomnyashchii A. A. «My stremimsya k tomu, chtoby eto bylo prodolzhenie prezhnikh arkheologicheskikh s"ezdov»: Kerchenskaya arkheologicheskaya konferentsiya [Elektronnyi resurs] // Elektronnoe nauchnoe izdanie Al'manakh Prostranstvo i Vremya. – 2017. – T. 14. – Vyp. 1: Krymovedenie: prostranstvo i vremya Kryma. – Statsionarnyi setevoi adres: 2227-9490eaprov_e-ast14-1.2017.31.
2. Непомнящий А. А. «Я собираюсь приват-доцентствовать в Таврическом университете»: К. Э. Гриневич в Крыму (1919–1921) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: «Исторические науки». – 2016. – Т. 3(69), № 2. – С. 111–122.
Nepomnyashchii A. A. «Ya sobirayus' privat-dotsentstvovat' v Tavricheskom universitete»: K. E. Grinevich v Krymu (1919–1921) // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Ser.: «Istoricheskie nauki». – 2016. – T. 3(69), № 2. – S. 111–122.
3. Илларионов В. Т. Опыт историографии палеолита СССР. II: Обзор исследований палеолитического периода научными учреждениями и обществами СССР. – Горький: Горьковское обл. изд-во, 1947. – 208 с.
Illarionov V. T. Opyt istoriografii paleolita SSSR. II: Obzor issledovaniy paleoliticheskogo perioda nauchnymi uchrezhdeniyami i obshchestvami SSSR. – Gor'kii: Gor'kovskoe obl. izd-vo, 1947. – 208 s.
4. Генинг В. Ф. Очерки по истории советской археологии: у истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии, 20-е – первая половина 30-х годов. – Киев: Наукова думка, 1982. – 226 с.
Gening V. F. Ocherki po istorii sovetskoï arkheologii: u istokov formirovaniya marksistskikh teoreticheskikh osnov sovetskoï arkheologii, 20-e – pervaya polovina 30-kh godov. – Kiev: Naukova dumka, 1982. – 226 s.
5. Пряхин А. Д. История советской археологии (1917 – середина 30-х гг.). – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1986. – 288 с.
Pryakhin A. D. Istoriya sovetskoï arkheologii (1917 – seredina 30-kh gg.). – Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta, 1986. – 288 s.
6. Зубарь В. М. Археологическое изучение Херсонеса Таврического и его окрестностей между двумя Мировыми войнами (1914–1941 гг.) // Боспорские исследования=Bosporos Studies / Крымское отд. Ин-та востоковедения НАН Украины. – Симферополь; Керчь, 2007. – Вып. 17. – С. 199–277.
Zubar' V. M. Arkheologicheskoe izuchenie Khersnesa Tavricheskogo i ego okrestnostei mezhdv dvumya Mirovymi voynami (1914–1941 gg.) // Bosporskie issledovaniya=Bosporos Studies / Krymskoe otd. In-ta vostokovedeniya NAN Ukrainy. – Simferopol'; Kerch', 2007. – Vyp. 17. – S. 199–277.
7. Зубарь В. М. Летопись археологических исследований Херсонеса – Херсона и его окружи (1914–2005) // Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии: Supplementum. – Симферополь, 2009. – Вып. 6. – 495 с.
Zubar' V. M. Letopis' arkheologicheskikh issledovaniy Khersonesa – Khersona i ego okrugy (1914–2005) // Materialy po istorii, arkheologii i etnografii Tavrii: Supplementum. – Simferopol', 2009. – Vyp. 6. – 495 s.
8. Непомнящий А. А. К истории Второй всесоюзной конференции археологов СССР в Херсонесе: новые документы // Матеріали 11-ї Всеукраїнської наукової конференції «Актуальні питання історії науки і техніки». 4–6 жовтня 2012 р., м. Київ / Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПІК. – Київ, 2012. – С. 74–76.
Nepomnyashchii A. A. K istorii Vtoroi vsesoyuznoi konferentsii arkheologov SSSR v Khersonese: novye dokumenty // Materiali 11-i Vseukraïns'koï naukovoï konferentsii «Aktual'ni pitannya istorii nauki i tekhniki». 4–6 zhovtnya 2012 r., m. Kiïv / Tsent' pam'yatkoznavstva NAN Ukraïni i UTOPIK. – Kiïv, 2012. – S. 74–76.
9. Архив Государственного Эрмитажа, ф. 6, оп. 1, д. 372, л. 1–4.
Arkhir Gosudarstvennogo Ermitazha, f. 6, op. 1, d. 372, l. 1–4.
10. Государственный исторический музей, отдел письменных источников, ф. 431, оп. 1, д. 315.
Gosudarstvennyi istoricheskii muzei, otdel pis'mennykh istochnikov, f. 431, op. 1, d. 315.

11. Российская национальная библиотека, отдел рукописей (далее – РНБ ОР), ф. 585, оп. 1, д. 659, л. 10–11.
Rossiiskaya natsional'naya biblioteka, otдел rukopisei (dalee – RNB OR), f. 585, op. 1, d. 659, l. 10–11.
12. Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», научный архив (далее – ГИАМЗХТ), д. 264, 265.
Gosudarstvennyi istoriko-arkheologicheskii muzei-zapovednik «Khersones Tavricheskii», nauchnyi arkhiv (dalee – GIAMZKhT), d. 264, 265.
13. ГИАМЗХТ, д. 266.
GIAMZKhT, d. 266.
14. Непомнящий А. А. «Хочу поделиться с Вами некоторыми важными для меня соображениями»: письмо К. Э. Гриневица к Н. Я. Марру // Отечественные архивы. – 2015. – № 4. – С. 65–70.
Nepomnyashchii A. A. «Khochu podelit'sya s Vami nekotorymi vazhnymi dlya menya soobrazheniyami»: pis'mo K. E. Grinevicha k N. Ya. Marru // Otechestvennye arkhivy. – 2015. – № 4. – С. 65–70.
15. Непомнящий А. А. Николай Марр и крымоведение 1920-х // Крымское историческое обозрение. – 2014. – № 1. – С. 46–67.
Nepomnyashchii A. A. Nikolai Marr i krymovedenie 1920-kh // Krymskoe istoricheskoe obozrenie. – 2014. – № 1. – С. 46–67.
16. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее – СПФАРАН), ф. 800, оп. 3, д. 276, л. 3.
Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva RAN (dalee – SPFARAN), f. 800, op. 3, d. 276, l. 3.
17. СПФАРАН, ф. 800, оп. 3, д. 276, л. 5.
SPFARAN, f. 800, op. 3, d. 276, l. 5.
18. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 2732, л. 1.
RNB OR, f. 585, op. 1, d. 2732, l. 1.
19. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 2732, л. 3.
RNB OR, f. 585, op. 1, d. 2732, l. 3.
20. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 2732, л. 4–5.
RNB OR, f. 585, op. 1, d. 2732, l. 4–5.
21. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 2732, л. 7–8.
RNB OR, f. 585, op. 1, d. 2732, l. 7–8.
22. Непомнящий А. А. Профессор Николай Эрнст: страницы истории крымского краеведения. – Киев: Стилос, 2012. – 464 с. – (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 15).
Nepomnyashchii A. A. Professor Nikolai Ernst: stranitsy istorii krymskogo kraevedeniya. – Kiev: Stilos, 2012. – 464 s. – (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 15).
23. ГИАМЗХТ, д. 266, л. 74.
GIAMZKhT, d. 266, l. 74.
24. ГИАМЗХТ, д. 266, л. 68.
GIAMZKhT, d. 266, l. 68.
25. ГИАМЗХТ, д. 266, л. 72.
GIAMZKhT, d. 266, l. 72.
26. Эрнст [Н. Л.] Крупнейшая археологическая находка // Маяк Коммуны. – 1927. – № 210. – 11 сент. – С. 3.
Ernst [N. L.] Krupneishaya arkheologicheskaya nakhodka // Mayak Kommuny. – 1927. – № 210. – 11 sent. – С. 3.
27. Городцов В. А. Дневники, 1928–1944: в 2-х кн. / сост. И. В. Белозерова, С. В. Кузьминых. – Москва: Триумф принт, 2015. – Кн. 1.: 1928–1935. – 687 с., 15 л. ил.
Gorodtsov V. A. Dnevniky, 1928–1944: v 2-kh kn. / sost. I. V. Belozerova, S. V. Kuz'minykh. – Moskva: Triumf print, 2015. – Kn. 1.: 1928–1935. – 687 s., 15 l. il.
28. Накануне открытия конференции // Маяк Коммуны. – 1927. – № 209. – 10 сент. – С. 3.
Nakanune otkrytiya konferentsii // Mayak Kommuny. – 1927. – № 209. – 10 sent. – С. 3.
29. Непомнящий А. А. Арсений Маркевич: страницы истории крымского краеведения. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2005. – 432 с., ил. – (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; Вып. 3).
Nepomnyashchii A. A. Arsenii Markevich: stranitsy istorii krymskogo kraevedeniya. – Simferopol': Biznes-Inform, 2005. – 432 s., il. – (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; Vyp. 3).

30. Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе 10–13 сентября 1927 года: по случаю столетия Херсонесских раскопок / Херсонесский музей; под ред. А. Н. Деревницкого, К. Э. Гриневича, Н. Л. Эрнста. – Севастополь, 1927. – 67 с.

Vtoraya konferentsiya arkheologov SSSR v Khersonese 10–13 sentyabrya 1927 goda: po sluchayu stoletiya Khersonesskikh raskopok / Khersonesskii muzei; pod red. A. N. Derevitskogo, K. E. Grinevicha, N. L. Ernsta. – Sevastopol', 1927. – 67 s.

31. Левин Ф. М. [Приветственное выступление на Второй конференции археологов СССР в Херсонесе 10 сентября 1927 года] // Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе 10–13 сентября 1927 года: по случаю столетия Херсонесских раскопок / Херсонесский музей; под ред. А. Н. Деревницкого, К. Э. Гриневича, Н. Л. Эрнста. – Севастополь, 1927. – С. 10.

Levin F. M. [Privetstvennoe vystuplenie na Vtoroi konferentsii arkheologov SSSR v Khersonese 10 sentyabrya 1927 goda] // Vtoraya konferentsiya arkheologov SSSR v Khersonese 10–13 sentyabrya 1927 goda: po sluchayu stoletiya Khersonesskikh raskopok / Khersonesskii muzei; pod red. A. N. Derevitskogo, K. E. Grinevicha, N. L. Ernsta. – Sevastopol', 1927. – S. 10.

32. Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе...

Vtoraya konferentsiya arkheologov SSSR v Khersonese...

33. Платонов С. Ф. [Речь на торжественном заседании II Конференции археологов СССР в Херсонесе 10 сентября 1927 года] // Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе 10–13 сентября 1927 года: по случаю столетия Херсонесских раскопок / Херсонесский музей; под ред. А. Н. Деревницкого, К. Э. Гриневича, Н. Л. Эрнста. – Севастополь, 1927. – С. 11–15.

Platonov S. F. [Rech' na torzhestvennom zasedanii II Konferentsii arkheologov SSSR v Khersonese 10 sentyabrya 1927 goda] // Vtoraya konferentsiya arkheologov SSSR v Khersonese 10–13 sentyabrya 1927 goda: po sluchayu stoletiya Khersonesskikh raskopok / Khersonesskii muzei; pod red. A. N. Derevitskogo, K. E. Grinevicha, N. L. Ernsta. – Sevastopol', 1927. – S. 11–15.

34. Анциферов Н. П. Особенности краеведного движения в Крыму // Краеведение. – 1928. – Т. 5, № 4. – С. 203–212.

Antsiferov N. P. Osobennosti kraevednogo dvizheniya v Krymu // Kraevedenie. – 1928. – Т. 5, № 4. – S. 203–212.

35. Платонов С. Ф. Крым и Археологические съезды // Маяк Коммуны. – 1927. – № 210. – 11 сент. – С. 3.

Platonov S. F. Krym i Arkheologicheskie s"ezdy // Mayak Kommuny. – 1927. – № 210. – 11 sent. – S. 3.

36. Непомнящий А. А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945). – Симферополь: Антиква, 2015. – 936 с. – (Серии: «Крым в истории, культуре и экономике России»; «Биобиблиография крымоведения»; вып. 25).

Neponnyashchii A. A. Istoriya i etnografiya narodov Kryma: bibliografiya i arkhivy (1921–1945). – Simferopol': Antikva, 2015. – 936 s. – (Serii: «Krym v istorii, kul'ture i ekonomike Rossii»; «Biobibliografiya krymovedeniya»; вып. 25).

37. Платонов С. Ф. Крым и Археологические съезды // Маяк Коммуны. – 1927. – № 210. – 11 сент. – С. 3.

Platonov S. F. Krym i Arkheologicheskie s"ezdy // Mayak Kommuny. – 1927. – № 210. – 11 sent. – S. 3.

38. Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе...

Vtoraya konferentsiya arkheologov SSSR v Khersonese...

39. II Всесоюзная археологическая конференция: торжественное открытие конференции // Маяк Коммуны. – 1927. – № 211. – 12 сент. – С. 3.

II Vsesoyuznaya arkheologicheskaya konferentsiya: torzhestvennoe otkrytie konferentsii // Mayak Kommuny. – 1927. – № 211. – 12 sent. – S. 3.

40. II Всесоюзная археологическая конференция // Маяк Коммуны. – 1927. – № 213. – 15 сент. – С. 3.

II Vsesoyuznaya arkheologicheskaya konferentsiya // Mayak Kommuny. – 1927. – № 213. – 15 sent. – S. 3.

41. Хроника съезда // Маяк Коммуны. – 1927. – № 210. – 11 сент. – С. 3.

Khronika s"ezda // Mayak Kommuny. – 1927. – № 210. – 11 sent. – S. 3.

42. Старый. В Херсонесе // Маяк Коммуны. – 1927. – № 210. – 11 сент. – С. 3.

Staryi. V Khersonese // Mayak Kommuny. – 1927. – № 210. – 11 sent. – S. 3.

43. Старый. Вторая Всесоюзная конференция археологов // Красный Крым. – 1927. – № 211(2031). – 13 сент. – С. 2.
Saryi. Vtoraya Vsesoyuznaya konferentsiya arkheologov // Krasnyi Krym. – 1927. – № 211(2031). – 13 sent. – S. 2.
44. Старый. 2-я Всесоюзная конференция археологов // Красный Крым. – 1927. – № 212(2032). – 14 сент. – С. 3.
Saryi. 2-ya Vsesoyuznaya konferentsiya arkheologov // Krasnyi Krym. – 1927. – № 212(2032). – 14 sent. – S. 3.
45. Старый. Второй Всесоюзный съезд археологов // Красный Крым. – 1927. – № 214(2034). – 16 сент. – С. 3.
Saryi. Vtoroi Vsesoyuznyi s"ezd arkheologov // Krasnyi Krym. – 1927. – № 214(2034). – 16 sent. – S. 3.
46. Старый. Накануне юбилея Херсонесского музея // Красный Крым. – Симферополь, 1927. – № 195(2015). – 25 августа. – С. 3.
Saryi. Nakanune yubileya Khersonesskogo muzeya // Krasnyi Krym. – Simferopol', 1927. – № 195(2015). – 25 avgusta. – S. 3.
47. Городцов В. А. Дневники, 1928–1944...
Gorodtsov V. A. Dnevniky, 1928–1944...
48. Непомнящий А. А. «Мы стремимся к тому, чтобы это было продолжение прежних археологических съездов»: Керченская археологическая конференция [Электронный ресурс] // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. – 2017. – Т. 14. – Вып. 1: Крымоведение: пространство и время Крыма. – Стационарный сетевой адрес: 2227-9490eaprov_e-ast14-1.2017.31.
Nepomnyashchii A. A. «My stremimsya k tomu, chtoby eto bylo prodolzhenie prezhnikh arkheologicheskikh s"ezdov»: Kerchenskaya arkheologicheskaya konferentsiya [Elektronnyi resurs] // Elektronnoe nauchnoe izdanie Al'manakh Prostranstvo i Vremya. – 2017. – T. 14. – Vyp. 1: Krymovedenie: prostranstvo i vremya Kryma. – Statsionarnyi setevoi adres: 2227-9490eaprov_e-ast14-1.2017.31...
49. Городцов В. А. Дневники, 1928–1944...
Gorodtsov V. A. Dnevniky, 1928–1944...
50. Письма профессора Харьковского университета Владимира Петровича Бузескула к профессору Софийского университета Гаврилу Илиеву Кацарову (1904–1929 гг.) / Подг., комм. В. И. Кадиева, А. Н. Токарева // Древности 2005: Харьковский историко-археологический ежегодник: Материалы. Статьи. Публикации. Заметки. Рецензии. Хроника / Харьковское историко-археологическое об-во. – Харьков, 2005. – С. 310–320.
Pis'ma professora Khar'kovskogo universiteta Vladimira Petrovicha Buzeskula k professoru Sofiiskogo universiteta Gavrilu Ilievu Katsarovu (1904–1929 gg.) / Podg., komm. V. I. Kadieva, A. N. Tokareva // Drevnosti 2005: Khar'kovskii istoriko-arkheologicheskii ezhegodnik: Materialy. Stat'i. Publikatsii. Zametki. Retenzii. Khronika / Khar'kovskoe istoriko-arkheologicheskoe ob-vo. – Khar'kov, 2005. – S. 310–320.
51. Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе...
Vtoraya konferentsiya arkheologov SSSR v Khersonese...
52. Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе...
Vtoraya konferentsiya arkheologov SSSR v Khersonese...
53. Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе...
Vtoraya konferentsiya arkheologov SSSR v Khersonese...
54. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 2732, л. 23.
RNB OR, f. 585, op. 1, d. 2732, l. 23.
55. РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 5101, л. 1.
RNB OR, f. 585, op. 1, d. 5101, l. 1.
56. Платонов С. Отчет С. Ф. Платонова о командировке на Археологическую конференцию в Севастополь и Херсонес в сентябре 1927 г. // Известия Академии наук СССР. – 1927. – № 18. – С. 1721–1722.
Platonov S. Otchet S. F. Platonova o komandirovke na Arkheologicheskuyu konferentsiyu v Sevastopol' i Khersones v sentyabre 1927 g. // Izvestiya Akademii nauk SSSR. – 1927. – № 18. – S. 1721–1722.
57. Бузескул В. Отчет В. П. Бузескула о командировке на Археологическую конференцию в Севастополь и Херсонес в сентябре 1927 г. // Известия Академии наук СССР. – 1927. – № 18. – С. 1723–1726.

Buzeskul V. Otchet V. P. Buzeskula o komandirovke na Arkheologicheskuyu konferentsiyu v Sevastopol' i Khersonese v sentyabre 1927 g. // Izvestiya Akademii nauk SSSR. – 1927. – № 18. – S. 1723–1726.

58. Непомнящий А. А. Академик Крачковский и крымоведение 20-х гг. XX в.: две малоизвестные командировки // Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории. – 2015. – № 2(06). – С. 130–140.

Nepomnyashchii A. A. Akademik Krachkovskii i krymovedenie 20-kh gg. KhKh v.: dve maloizvestnye komandirovki // Peterburgskii istoricheskii zhurnal: issledovaniya po rossiiskoi i vseobshchei istorii. – 2015. – № 2(06). – S. 130–140.

59. СПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922, л. 219 об.

SPFARAN, f. 1026, op. 3, d. 922, l. 219 ob.

60. [Бороздин И. Н.] Итоги археологического съезда в Херсонесе: беседа с И. Н. Бороздиным // Красный Крым. – 1927. – № 214(2034). – 16 сент. – С. 3.

[Borozdin I. N.] Itogi arkheologicheskogo s"ezda v Khersonese: beseda s I. N. Borozdinym // Krasnyi Krym. – 1927. – № 214(2034). – 16 sent. – S. 3.

Nepomnjashij A. A. The Second conference of USSR's archaeologists in Chersonesus: from the history of communications in Crimean regional studies

In my article, I restored the history of the organization of The Second conference of USSR's archaeologists in Chersonesus, which took place in September 1927. It was one of the most the pre-war significant scientific forums in Crimean regional studies. K. E. Grinevich was an initiator of the conference. I have studied epistolary sources of scientists from academic centers and local personalities, memories, and published reports of participants. I pay special attention to the resolutions of the conference and proposals of the delegates, because they allowed me to identify the most promising areas of research of various scientific schools of archeology and philology. The previously unknown archival, epistolary and newspaper materials, which for the first time are introduced into scientific circulation, allowed me to reveal intellectual and interpersonal tension between several Crimean scholars from various academic centers. Moreover, I have reconstructed unknown biography pages of the header of this conference S. F. Platonov. The participants of the conference appealed to the preservation of historical monuments and their study. Sooner after that a new Chief of Glavnauka Commissariat changed this direction in scientists work.

Keywords: The Second conference of USSR's archaeologists in Chersonesus, K. E. Grinevich, Chersonesus Archaeological Museum, S. F. Platonov, Crimea.

УДК 910.4(091):912(1-924.71):929де Бай"1905"

**КРЫМ В ОПИСАНИИ И НА ФОТОГРАФИЯХ
ФРАНЦУЗСКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА ЖОЗЕФА ДЕ БАЯ (1905 Г.).
ЧАСТЬ 2. ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ КРЫМ¹**

Петрова Э. Б.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: petrova_eleonora@mail.ru*

Среди сочинений путешественников по Крыму начала XX в. представляет исторический и этнографический интерес книга «В Крыму» французского ученого (археолога, этнографа, историка), путешественника, коллекционера, фотографа, много сделавшего для установления связей Франции с Россией, барона Жозефа де Бая (Joseph de Baye; 1853–1931). Книга опубликована в Париже в 1906 г. и никогда не издавалась в русском переводе. Путешествие де Бая состоялось в августе–октябре 1905 г. Он посетил Симферополь, Бахчисарай и его округ, Евпаторию, Ялту, Алупку, Никиту, Гурзуф, Алушту, Инкерман, Балаклаву, Севастополь, в Юго-Восточном Крыму – Феодосию, Старый Крым, Отузы, Судак, Новый Свет. Интерес Жозефа де Бая к Крымскому полуострову был профессиональным. Его книга и фотографии дополняют наши знания о Крыме начала XX в., облике и быте населявших его народов, памятниках истории и культуры. Данная статья – продолжение публикации книги Жозефа де Бая.

Ключевые слова: путешественники по Крыму начала XX в., барон Жозеф де Бай, Феодосия, Карагоз, Старый Крым, Отузы, Судак, Новый Свет.

После посещения Южного берега Крыма барон Жозеф де Бай (Амур-Огюст-Луи-Жозеф Бертелло де Бай; 1853–1931) вернулся в Симферополь (откуда начинал свое путешествие по Крыму), чтобы оттуда поездом отправиться в Феодосию, из Феодосии в экипаже – в Старый Крым, Отузы, Судак, Новый Свет. Его путешествие по Юго-Восточному Крыму пришлось на октябрь 1905 г.

Феодосия привлекала всех вояжеров своей богатой историей и памятниками старины. Однако исторический очерк получился у Ж. де Бая кратким. Рассказ о прошлом города начинается с основания в Феодосийском заливе эллинской колонии. Автор отнес это событие к V в. до н. э. – времени более позднему, чем это было в действительности, а именно: в середине – второй половине VI в. до н. э. Упоминаются руины генуэзской крепости и захват Каффы турками в 1475 г.

Внимание французского археолога привлек Феодосийский музей древностей – один из старейших в России, а также его заведующий – «очень милый человек, господин Колли, швейцарец, родители которого имеют французское

¹См. часть 1: Петрова Э. Б. Крым в описаниях и на фотографиях французского путешественника Жозефа де Бая (1905 г.). Часть 1. Южный берег Крыма // Учёные записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: «Исторические науки». – 2017. – Т. 3(69). – № 4.

происхождение». Людвик Петрович Колли заступил на пост смотрителя музея в 1900 г.; будучи единственным сотрудником музея, он выступал во многих ролях, в том числе и в роли экскурсовода. Только он мог познакомить де Бая с музейной коллекцией. Надо полагать, Людвигу Петровичу было особенно приятно вести экскурсию коллеге, да еще и земляку. Музей показался де Баю довольно претенциозным, что неудивительно, ведь здание музея на холме Митридат, построенное на средства Ивана Константиновича Айвазовского по проекту академика архитектуры Александра Ивановича Резанова, напоминало античный храм, гордо возвышавшийся над маленькой и малоэтажной Феодосией. Жозеф де Бай отметил, что с места расположения музея «открывается панорама на жилые кварталы Феодосии, развалины генуэзской крепости, мечети, церкви... и, конечно, на море».

Интерес де Бая вызвали старые культовые постройки. Дважды он повторил, что православный собор (Александро-Невский) построен на месте бывшей мечети. Несколько подробнее описал армянскую церковь свв. архангелов Гавриила и Михаила, построенную в 1408 г., что следует из сохранившейся надписи, а не в XIII в., как сказано в книге де Бая. Армянская церковь св. Сергия (Сурб Саркиса) напомнила путешественнику о встрече с Иваном Константиновичем Айвазовским, состоявшейся в более ранний приезд де Бая в Феодосию. Третий из упомянутых им армянских храмов – церковь Успения Богородицы – в прошлом мечеть, переданная Екатериной II армянам-католикам Феодосии (с конца XX в. это вновь действующая мечеть Муфти-Джами).

Но самого пристального внимания путешественника удостоились караимская кенаса и в особенности ее «бесценные рукописи, написанные на пергаменте», которые ему показал феодосийский газзан Бабаджан Моисеевич Бабай (Бабаев).

Здесь же де Бай не преминул охарактеризовать известного общественно-политического деятеля Крыма родом из Феодосии – Соломона Самойловича Крыма, которого назвал «интеллигентнейшим человеком», много полезного сделавшего для Феодосии. Ж. де Бай оказался в Феодосии в тревожное время. На октябрь 1905 г. пришлось главные события первой русской революции – Всероссийская политическая стачка. Они не обошли Крым, в том числе Феодосию. И де Бай заметил, что Соломон Крым «смог уберечь феодосийцев от возможного агрессивного поведения взбунтовавшегося броненосца “Потемкин”», когда тот ненадолго подошел к Феодосии (22 июня 1905 г.), и «остановить революционные погромы в городе». Создается впечатление, что в ходе первой русской революции Феодосия испытала больше бед, чем иные города и поселения Крыма. Возможно, так и было в действительности.

Интересны сделанные Ж. де Баем фотографии¹. Здесь и культовые постройки, и городские виды, несколько снимков с накрученными на валики рукописями из караимской кенасы, содержащие Пятикнижие Моисея, есть и типы караимов.

¹ Фотографии, представленные в данной статье, взяты из книги Ж. де Бая «В Крыму», а также из альбомов со снимками Ж. де Бая, хранящихся в Музее на набережной Бранли (Le musée du quai Branly) в Париже и представленные в общедоступных ресурсах Интернета, не содержащих ограничений для их заимствования.

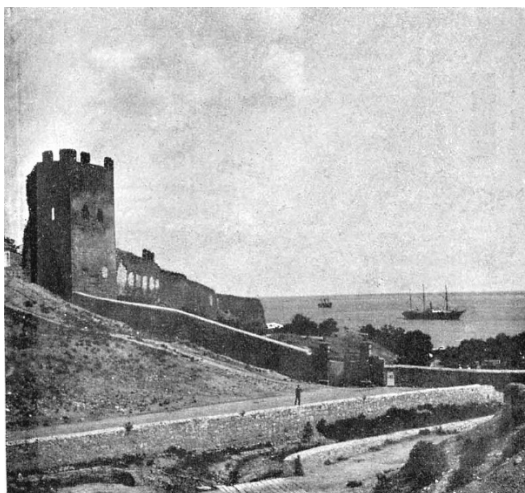
По пути из Феодосии в Старый Крым путник осмотрел купольную мечеть в деревне **Карагоз** (Карагёз; ныне с. Первомайское, *Кировск.*), дату постройки которой он назвал такую, которая была принята в науке в те времена: XIV в. Крымский археолог А. В. Гаврилов датировал ее XV или, что вероятнее, началом XVI в.¹ Нужно сказать, что во время пребывания в Крыму Ж. де Бая мечеть нуждалась в срочном ремонте, о чем свидетельствуют многочисленные обращения Л. П. Колли в разные инстанции и протоколы заседания Таврической ученой архивной комиссии 1903–1910 гг. До нашего времени мечеть не сохранилась.

Следующий пункт на пути французского путешественника – **Старый Крым**. Жозеф де Бай вспомнил далекое прошлое, когда это был «крупный город», окруженный длинными крепостными стенами. Вспомнил и то, каким значительным выглядел Старый Крым в описаниях арабских путешественников и в каком запустении его застали польский дипломат Мартин Броневский в 1578 г. и настоятель армяно-католической церкви в Карасубазаре Минас Медици в 20-х гг. XIX в. Как и другие путешественники, де Бай обратил внимание на «множество развалин», в том числе монетного двора. Нужно сказать, что остатки «монетного двора» до сих пор не обнаружены, и за монетный двор де Бай с чьих-то слов принял руины так называемой мечети Бейбарса. В особенности привлекла нашего путешественника так называемая мечеть Узбека, которая «во всей своей красе пока еще стоит». Отметил он, что мечеть недавно отреставрирована. Это так, но реставрация была частичной, и уже довольно скоро потребовались новые ремонтные и реставрационные работы. В Старом Крыму де Бай фотографирует «мечеть Узбека», руины примыкающего к ней медресе, остатки «мечети Бейбарса».

Не могла не заинтересовать Ж. де Бая легендарная история с графиней Жанной де ла Мотт-Валуа (Ламотт-Валуа) – французской авантюристкой, прославившейся благодаря скандалу с кражей бриллиантового ожерелья королевы Франции Марии Антуанетты, супруги Людовика XVI. Считалось, что именно она под именем графини Жанны де Гаше некоторое время жила в Старом Крыму и была похоронена на его армянском кладбище. Находясь в Феодосии, де Бай мог услышать эту историю от Л. П. Колли, который вместе со своим другом Луи Алексисом Бертреном (литературный псевдоним – Луи де Судак) давно и безуспешно искали могилу графини. Но тогда де Бай не мог знать, что они все-таки ее нашли – в 1913 г.

По дороге в Судак Жозеф де Бай сделал остановку в деревне **Отузы**. Здесь его принимала в своем доме многодетная татарская семья, угощали «кофе, хлебом, обжаренными кусочками бараньего жира и виноградом». Француза привлекают типы местных татар, и он фотографирует хозяев гостеприимного дома, местного муллу, крестьянина у его простенького жилища. Де Бай заметил, что Отузы – значит «тридцать», и в деревне действительно насчитывается три десятка домов. Но не сказал, что есть и другое объяснение этому названию, а именно: некогда здесь было тридцать деревень.

¹Это мне известно из устной беседы с А. В. Гавриловым, который намерен опубликовать имеющиеся материалы по этой мечети. Фотографию с каменной архитектурной деталью с орнаментом от карагозской мечети см.: [8, с. 179].

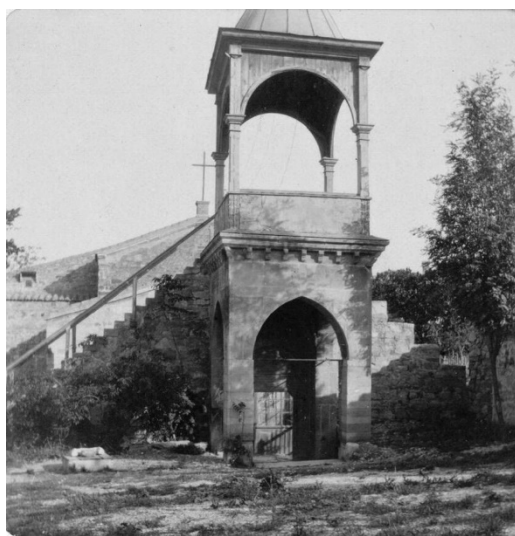
*Рис. 1. Феодосия.
Генуэзские укрепления.*

*Рис. 2. Феодосия. Армянская церковь
свв. архангелов Гавриила и Михаила.*

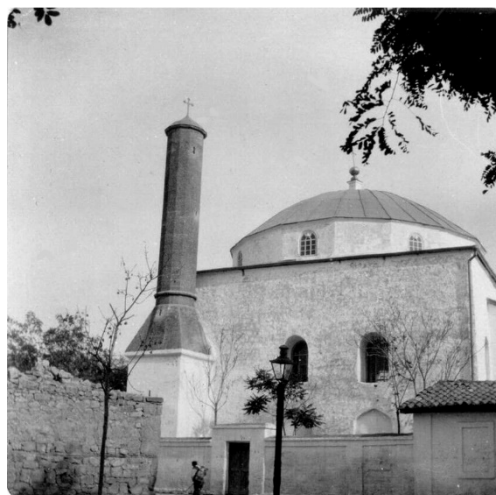
*Рис. 3. Деревянные двери из армянской
церкви свв. архангелов Гавриила
и Михаила.*

*Рис. 4. Феодосия. Звонница армянской
церкви св. Сергия (Сурб Саркиса).*

*Рис. 5. Феодосия.
Армянский храм св. Георгия.*

*Рис. 6. Феодосия. Древняя мечеть,
переделанная в армянскую
католическую церковь.*

*Рис. 7. Феодосия. Фонтан у караимской
кенасы.*

*Рис. 8. Феодосия. Древняя рукопись
на пергаменте, в футляре, хранящаяся
в караимской кенасе.*

Рис. 8б. Феодосия. Древняя рукопись на пергаменте, в футляре, хранящаяся в караимской кенасе

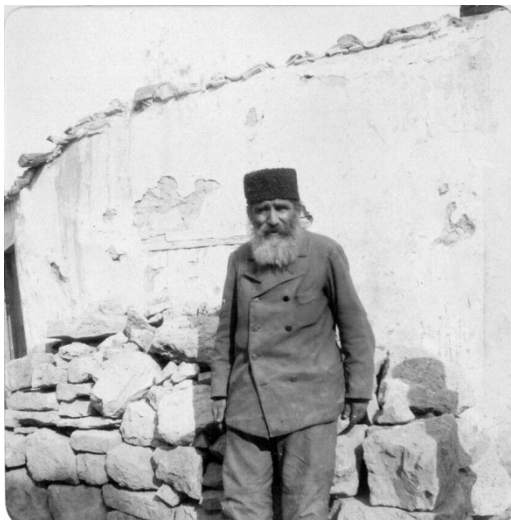

Рис. 9. Феодосия. Караим, проживающий рядом с кенасой.

Рис. 10. Феодосия. Караимка, проживающая рядом с кенасой.

Рис. 11. Дома с аркадами в Феодосии.

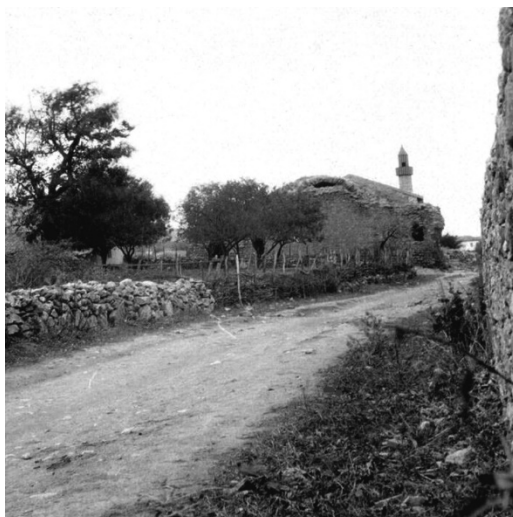

Рис. 12. Старый Крым. Вдали – руины медресе и минарет так называемой мечети Узбека.

Рис. 13. Старый Крым. Так называемая мечеть хана Узбека.

Рис. 13б. Старый Крым. Так называемая мечеть хана Узбека.

Рис. 14. Старый Крым. У входа в мечеть хана Узбека.

Рис. 15. Старый Крым. Руины медресе, примыкающего к мечети хана Узбека.

Рис. 16. Старый Крым. Руины так называемой мечети Бейбарса.

Рис. 17. Отузы. Вид из дома, в котором Жозеф де Бай останавливался на ночлег.

Рис. 18. Татары, у которых гостил Жозеф де Бай в Отузах.

Рис. 19. Отузы. Местный житель демонстрирует Жозефу де Баю женский пояс, украшенный жемчугом и драгоценными камнями.

Рис. 20. Дома крестьян в Отузах.

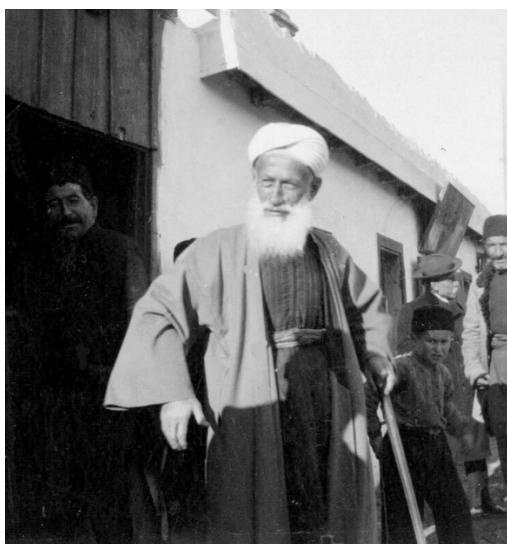

Рис. 21. Мулла из деревни Отузы.

Рис. 22. Новый Свет. Имение князя Льва Сергеевича Голицына.

Рис. 23. Новый Свет. Князь Л. С. Голицын и его гости на дороге, вырубленной в скале.

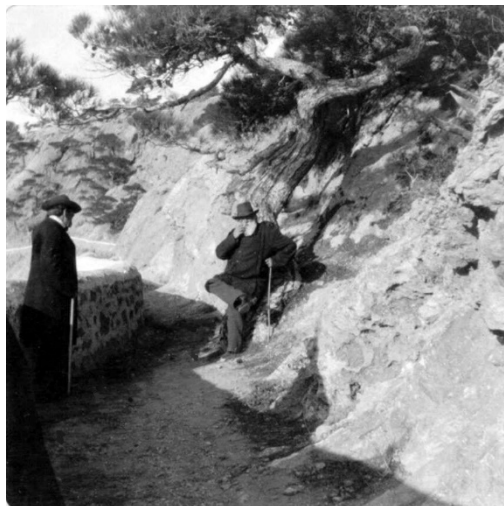

Рис. 24. Новый Свет. Господин Хайн и князь Л. С. Голицын на дороге, вырубленной в скале.

Дорога в **Судак** восхитила путешественника «резко меняющимися пейзажами», и он заметил: «...Это был самый живописный отрезок моего путешествия по Крыму». Сам Судак, бывший тогда небольшим поселком, не мог не впечатлить своей историей времени генуэзцев. Жозеф де Бай углубляется в прошлое поселка. У него генуэзцы заняли византийскую Сугдею в 1356 г., скорее всего, это опечатка – данное событие произошло в 1365 г. Краткий экскурс в историю завершается описанием неприступной с моря скалы, генуэзской крепости на ней и неподалеку расположенной немецкой колонии.

Последний пункт пребывания в юго-восточной части Крымского полуострова – поселок **Новый Свет** – представлен в книге Жозефа де Бая наиболее подробно. Это необыкновенное во всех отношениях место он посетил по приглашению князя Льва Сергеевича Голицына (видимо, прослышавшего о том, что в Феодосии находится известный французский путешественник и ученый) и не преминул заметить, что местный пейзаж – «лучшее, что могла создать природа Крыма», это «какая-то страна грез, где все вокруг сурово, дико, фантастично и грандиозно»: горы, бухта, девственный лес, вечнозеленая растительность.

Фантазия путешественника разыгралась настолько, что он связал окружающую красоту с древнегреческим мифом об Ифигении, «жившей именно в этом месте Тавриды, в огромном таинственном гроте, расположенном под горой Коба-Бурун (Коба-Кая, Хоба-Кая, гора Орел. – Э. П.), вершина которой имеет форму бараньей головы». Миф есть миф, и связать его можно с разными местами – что делали и путешественники, и профессионалы, когда речь заходила об Ифигении, Оресте и Пиладе, по воле богов заброшенных в Таврику – край варварский и негостеприимный. Попытки найти остатки храма Артемиды в земле тавров, того

храма, в котором, по свидетельству мифа, служила жрицей Ифигения, оказались безуспешными. Очевидно то, что тавры не могли построить греческий храм, а ведь в драме Еврипида «Ифигения в Тавриде» он выглядит как типично греческая постройка, которую можно датировать не ранее VI в. до н. э. Кроме того, храм посвящен чужой для тавров греческой богине. Если храм был в действительности, то, вероятнее всего, он принадлежал Херсонесу Таврическому, где главным полисным божеством была Артемида-Дева (Партенос), и находился он на юго-западе, а не на юго-востоке Крыма.

Между тем де Бай силой собственного воображения местом пребывания Ифигении сделал не храм Артемиды, а грот, которым славится гора Коба-Кая (в переводе с *кр.-тат.* – «Пещерная гора»), что у поселка Новый Свет. А сравнение вершины горы с бараньей головой возникло у него, по-видимому, не случайно. В сочинениях античных авторов встречается название мыса, который воспринимался греками как крайняя южная точка Крыма, – Кriu Метопон (Криуметопон), что в переводе с *греч.* означает «Бараний лоб». Авторы нового времени отождествляют Кriu Метопон с разными местами: с мысом Сарыч, мысом Ай-Тодор, с горой Аюдага – все они (а не новосветовская бухта) расположены на крайнем юге Крымского полуострова. Для жителей же Крыма более позднего времени Коба-Кая напоминала не баранью голову, а большую птицу, потому эту гору они называли «Орел». Можно ли упрекать де Бая за ошибку? Конечно, нет. Ведь он фантазировал, а не проводил научное исследование.

Далее наш автор переводит внимание читателя на князя Льва Сергеевича Голицына – «неутомимого путешественника», «винного короля», у которого он был в гостях и восхитился его «самопожертвованием», «сверхчеловеческими усилиями» ради того, чтобы за без малого два десятилетия добиться «поразительных результатов, не нанеся ни малейшего вреда красоте окружающей природы». Лев Сергеевич познакомил гостя со своими виноградниками, погребями, заполненными винами – крымскими, кавказскими, лучшими французскими. С бокалом шампанского в руке хозяин продемонстрировал «свои блестящие познания в области виноделия». Обедали в одном из винных погребов, украшенном античными расписными вазами, мраморными и бронзовыми фигурами, дегустировали хорошие вина, в которых де Бай, по его собственному признанию, был профаном. Между тем князь Голицын оказался знатоком не только вин, он обладал богатейшей коллекцией севрского фарфора, предстал пред гостем также ценителем древнегреческой керамики и французского искусства XVIII в.

Рассказ Жозефа де Бая кое-что добавляет к нашим знаниям о Льве Сергеевиче Голицыне – и как о человеке, и как об основоположнике крымского виноделия. Кажется, пребывание в Новом Свете, как и отдых в Сууксу («самом очаровательном курорте на всем Южнобережье»), произвели на французского путешественника наибольшее впечатление и оставили по себе особенные воспоминания. На фотографиях, сделанных им в Новом Свете, – красивые пейзажи, виноградники Л. С. Голицына, умело вписанные в природу башенки построек его имения, а также сам князь на своей знаменитой тропе, прорубленной в скале.

Жозеф де Бай возвращается в **Феодосию**, «дымящуюся от пожарищ». «Здесь, – говорит он, – пронесся ураган безумия, принесший с собой кровопролитие и пожары». Это были революционные беспорядки октября 1905 г., и де Бай оказался их невольным свидетелем. С тяжелыми мыслями покидает он Феодосию.

Завершилось его знакомство с Юго-Восточным Крымом. Впереди был последний этап путешествия – Инкерман, Балаклава, Херсонес и Севастополь.

ИЗ КНИГИ «В КРЫМУ» ЖОЗЕФА ДЕ БАЯ¹

/24/² Из Симферополя мне повезло поездом прибыть в **Феодосию**. Повезло, потому что в тот же день была объявлена всеобщая забастовка и весь транспорт остановился.

Феодосия – это очень древний город. Еще в V веке до нашей эры греки основали здесь свою колонию³. В 500 году нашей эры гунны razорили этот город. К середине XIII века Феодосия, вернее, Каффа возродилась, окрепла и стала генуэзской столицей Крыма⁴. В 1475 году турки захватили Каффу, превратили ее в мусульманский город и переименовали в Кучук-Стамбул, что значит Малый Стамбул. Сегодня в Феодосии проживает 3200 татар и 1700 караимов, не считая русских⁵.

На небольшом холме разместился археологический музей довольно претенциозного вида⁶. Его директором является очень милый человек, господин Колли, швейцарец, родители которого имеют французское происхождение⁷. С места расположения музея открывается панорама на жилые кварталы Феодосии, развалины

¹ Baye de Joseph. En Crimée. – Paris: Librairie Nilsson, 1906. – P. 24–33. (Пер. с французского Г. И. Беднарчика).

² Цифры в скобках – номера страниц в оригинальном издании книги Ж. де Бая.

³ Феодосия – древнегреческая (милетская) колония, основанная в середине – второй половине VI в. до н. э.

⁴ Основание генуэзской Каффы на месте античной Феодосии относится к 70-м гг. XIII в.

⁵ Это данные на 1897 г. Тогда в Феодосии проживало: русских – ок. 16 тыс., татар – 3200, евреев – 3 тыс., караимов – 2700, армян – 1500, представителей других этносов – 1800. К 1905 г. несколько выросла общая численность населения, при этом количество русских увеличилось, татар и караимов немного уменьшилось. [См. например: 4, с. 422; 32, с. 918; 10, с. 34–35.]

⁶ Феодосийский музей древностей основан в 1811 г. Поначалу он располагался в здании старой мечети, в 1871 г. переехал в красивое здание, построенное на холме Митридат на средства И. К. Айвазовского по проекту академика, архитектора Министерства двора и уделов А. И. Резанова. Здание выстроено из местного известняка, в античном стиле. В годы Великой Отечественной войны оно было разрушено. [См. подробнее: 21, с. 62–64.]

⁷ Людвик Петрович Колли (1849 – 28. 12. 1917 / 10. 01. 1918) прибыл в Феодосию в 1879 г. и оставался там до конца жизни. Преподавал французский язык в местной гимназии, с 1900 по 1917 г. заведовал Феодосийским музеем древностей. Его научная деятельность, в особенности труды по истории генуэзских колоний Крыма, была известна в России и за границей. [См. подробнее например: 24.]

генуэзской крепости, мечети, церкви, высящиеся над городскими крышами, и, конечно, на море.

Давайте спустимся отсюда к центру города, к его генуэзским оборонительным башням. Одна из них была возведена в 1345 году в память о папе Клименте VI¹.

/25/ На месте бывшей большой татарской мечети построен православный собор². Сегодня в Феодосии действуют четыре мечети, православная церковь, построенная на месте татарской мечети, две синагоги, одна из них караимская, и три армяно-григорианские церкви³.

¹ Генуэзскую колонию Каффа (70-е гг. XIII в. – 1475 г.), возникшую на месте античной Феодосии, защищали мощные оборонительные сооружения. От цитадели до нашего времени сохранились несколько куртин, ворота, калитка и две башни (из 16-ти). Одна из них – трёхъярусная башня папы Климента VI – защищала юго-восточный угол цитадели. Есть мнение (с которым не все исследователи согласны), что в нише на стене этой башни крепилась закладная мраморная плита 1348 г. (сейчас она находится в экспозиции Феодосийского музея древностей). На плите изображены: герб Генуи, папский герб, родовой герб папы Климента VI и тамга Джучидов. В надписи на плите говорится, что башня посвящена Христу, что римский папа Климент VI призывал к крестовому походу для защиты христианской Каффы от нашествия кыпчаков. [См. например: 5, с. 86–117; 1, с. 41–42, табл. 3, 1; 7, с. 44–51, № 3.]

² Главной в Кефе (и в Феодосии после присоединения Крыма к России) была мечеть Биюк-Джами, которая называлась также мечетью Шахзаде-Сулейман-хан-Джами. Турецкий путешественник XVII в. Э. Челеби писал, что её построил шахзаде (принц крови) Сулейман-хан во время своего правления в Кефе [34, с. 181]. Сулейман I Великолепный – турецкий султан в 1520–1566 гг.; до восхождения на престол был наместником-бейлербеем в Кефе [34, с. 172]. С XVIII в. мечеть стали называть Султан Селим Джаме – по имени Селима I (отца Сулеймана I), турецкого султана в 1512–1520 гг. (до того как стать султаном, он также был бейлербеем в Кефе). Мечеть соорудили в начале XVI в., скорее всего, до 1520 г. Её авторство приписывают турецкому зодчему Ходжи Синану (ок. 1489 – 1588). Однако Синан начал активно работать как архитектор ближе к 40-м гг. XVI в., да и Э. Челеби упомянул бы имя Синана, если бы знал, что именно он был автором главной мечети в Кефе. Мечеть описал академик П. С. Паллас, видевший её в 1793 г. [20, с. 117]. Есть план мечети, снятый архитектором В. Эсти (Гести, Хейсти) в 1798 г. [Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1872. – Т. 8. – Табл. 7. См. также: 33, с. 188–190]. Обветшавшее здание мечети разобрали в первой половине XIX в. В 1871–1873 гг. на месте разрушенной мечети возвели главный феодосийский православный собор – Александро-Невский. Это была трёхнефная базилика, построенная с использованием мотивов византийского и древнерусского зодчества. До нашего времени собор не сохранился – его снесли в 1933 г.

³ До настоящего времени в Феодосии сохранилось восемь христианских (греческих и армянских) храмов средневекового времени, из мусульманских памятников османского периода – только мечеть Муфти-Джами. «Это лишь небольшая часть культовых построек, возведённых некогда в богатой и благополучной Каффе. Средневековый город украшали христианские (православные, католические, армяно-григорианские, армяно-католические) храмы и монастыри, молитвенные дома иудеев и караимов, мечети»; «Письменные источники свидетельствуют о наличии в Каффе-Кефе около трёх десятков (и даже несколько более) армянских культовых зданий – церквей, монастырей, часовен. Греческих – тринадцать (некоторые европейские путешественники увеличивали эту цифру до шестнадцати)» [9, с. 157, 158. См. также: 36; 12, с. 58 слл., 129 слл.; 2; 17; 28].

Одна из армянских церквей, церковь Святых архангелов, датируется XIII веком. Она выглядит очень симпатично, но, к сожалению, вид портала портит недавно сделанная к храму пристройка. Деревянная входная двухстворчатая дверь украшена тонкой резьбой. Судя по всему, она относится к эпохе, предшествующей постройке данной церкви. Мне сказали, что дверь была привезена сюда выходцами из армянского города Ани, развалины которого до сих пор почитаются на Кавказе¹.

Считается, что именно генуэзцы способствовали приезду армян в Каффу². Сформировавшаяся здесь армянская община дала миру знаменитого художника-мариниста Айвазовского. Кисти этого мастера были подвластны все секреты Черного моря. Я познакомился с ним еще во время моего самого первого путешествия по Крыму. Сегодня он спит вечным сном в ограде одной армянской церкви, такой же древней, как и та, о которой я рассказал ранее³.

¹ Храм свв. архангелов Гавриила и Михаила сооружён, что ясно из сохранившейся надписи, в 1408 г.: «Сей храм построен во имя небесных воинов Гавриила и Михаила, служителей бога-слова, на праведные средства Астватцатура, супруги Ахут-Хатун, родителей Садата и Хатун, детей Хачатура, Леона, Иоанесса, магдусиМелика. Лета 857» (1408 г. н. э.) [36, с. 25]. Эту церковь обычно считают армяно-католической. В 1858 г. архиепископ Гавриил Айвазовский перенес в неё епископскую кафедру.

Е. А. Катюшин следующим образом описал архитектуру этого храма: он «состоит из двух основных частей: большого зала – нефа и поперечного объёма – транспта. По сторонам большого зала проходят узкие коридоры, имитирующие боковые нефы. В средокрестии, на месте пересечения осей центрального нефа и транспта, установлен восьмигранный барабан с невысоким куполом. Интерьер храма крайне лаконичен. Основной его декор – арки стрельчатого профиля и детали свода, наделённого в боковых крыльях транспта ложно-готическими нервюрами. Наружным объёмам церкви придан вид латинского креста. Над входом в неё изначально размещалась рельефная композиция с изображениями Богородицы, архангела Гавриила и агнца с лабарумом... Полагают, что создатели этой церкви без каких-либо существенных отступлений воспроизвели в ней собственно генуэзскую архитектуру, образцы которой, несомненно, существовали в самой Каффе» [12, с. 86].

В 1927 г. церковь пострадала от землетрясения и в 1930-м была закрыта. В 1967–1970 гг. в ней велись реставрационные работы. Религиозные службы сейчас в ней не проводятся. [См. подробнее: 9, с. 162–164.]

Деревянная дверь, о которой пишет Ж. де Бай, первоначально находилась в феодосийской церкви св. Сергия, потом была перенесена в церковь свв. архангелов Гавриила и Михаила, а в первые годы советской власти отправлена в Москву.

² В 1330 г. по договору с генуэзцами в Каффу переселилось довольно большое количество армян.

³ Армянский храм св. Сергия (Сурб Саркиса) построен, скорее всего, в XIV в. (есть и другие даты, более ранние, нуждающиеся в обосновании) [1, с. 150; 36, с. 36; 17, с. 12, 13]. Здание неоднократно перестраивалось, существенные ремонтно-реставрационные работы проводились в 1965–1970 гг.

Самое древнее сооружение, по-видимому, было однефным, с выступающей из общего прямоугольника апсидой [36, с. 36]. Позже оно достраивалось. Сейчас включает основной зал, притвор-гавит и ризницу. «Главная часть церкви представляет собой простую прямоугольную в плане базилику с двумя внутренними боковыми и одной вынесенной наружу центральной апсидами. Большой зал и гавит перекрыты полуциркульными сводами. Ризница делится на два смежных помещения – маленькое, перекрытое сводом с ложными

Армяно-католическая церковь Успения Богородицы в прошлом была мечетью дервишей. Екатерина Вторая, посетившая Каффу в 1786 году, передала здание мечети феодосийским армянам-католикам, коих проживало тогда в этом городе около 400 семей¹. Начиная с того времени, здесь постоянно проводят службу монахи-мхитаристы из венецианского монастыря Святого Лазаря.

Феодосийская кенаса, древняя караимская синагога, после реставрации выглядит вполне современно². Мимоходом отмечу, что у женщин в кенасе есть своя специальная трибуна, закрытая решеткой. У дверей кенасы нас очень любезно встречает караимский священник – газан Бабаев³. Он показывает нам хранящиеся в храме бесценные рукописи, написанные на пергаменте. /26/ Самые древние были вывезены из Старого Крыма около двух веков назад, когда караимы покидали этот город. Возраст одной из рукописей – 631 год. Другие, менее древние священные писания накручены на два валика, разворачивая и сворачивая которые священнослужители находят нужные им главы. Эти свитки, содержащие

нервюрами, и несколько большее по размеру, несущее коробовый свод» [12, с. 88–89]. Стены храма сложены из крупных блоков известняка. Крыша двускатная. В стены здания вмурованы хачкары – памятные плиты (мраморные и известняковые) с резным изображением креста и орнаментами. В прошлом храм украшали фрески. Близ храма – звонница с резным орнаментом. Рядом с храмом находилось кладбище.

С этой церковью связаны важные события в жизни И. К. Айвазовского: здесь в 1817 г. его крестили, здесь в 1882 г. он венчался с Анной Никитичной Саркизовой, в 1900 г. здесь его отпевали. В ограде церкви находится усыпальница Ивана Константиновича и Анны Никитичны, над ней возвышается памятник – саркофаг из белого мрамора работы итальянского скульптора Л. Бюджоли.

Церковь св. Сергия закрыли в 1930 г. Ныне она действующая, принадлежит общине армянской апостольской церкви. [См. подробнее: 9, с. 159–162.]

¹ Эта мечеть построена в 1622/3 – 1638/9 гг. По сообщению Э. Челеби, в ней были красивые двери, с двух сторон которых имелись надписи, купол мечети крыт свинцом [34, с. 181–182]. Здание похоже на мечети Константинополя. Оно квадратное в плане, занимает 40 кв. м, возведено из бутового камня с чередованием кирпичной кладки. Сферический купол покоится на двенадцатигранном световом барабане. Минарет, сложенный из плит тесаного известняка, восьмигранной формы, с резным балконом. В 1787 г. здание мечети, оставшейся без прихожан, было передано католикам и освящено католическим епископом Станиславом Сестерцевичем-Богушем во имя Успения Богородицы. В начале 1930-х гг. церковь закрыли, в 1970-е гг. здание подверглось реставрации. В конце XX в. мечеть Муфти-Джами вернули верующим. [См. подробнее: 9, с. 173–174.]

² Караимский молитвенный дом – кенаса – находился на Фонтанной площади Караимской слободы. Он, по преданию, был построен на древних фундаментах. П. И. Сумароков уверяет, что ей 800 лет [29, с. 91]. В. Х. Кондараки пишет, что здание кенасы сложено на глине – материале непрочном; он же сообщает: «Из цифры, начерченной на одной из балок этой синагоги, и именно 5052 (1292 г. по нашему летосчислению. – Э. П.), мы можем заключить, и то только в таком случае, если она обозначает время постройки здания и год от сотворения мира, что храму этому (судя по числению караимов) около 575 лет» [14, с. 133–134]. В 1933 г. кенасу решили снести по причине её ветхости. [См.: 9, с. 174.]

³Бабаджан Моисеевич Бабай (Бабаев) (1846–?) в 1888–1889 гг. исполнял обязанности старшего газана (газзана) Феодосии; в 1889–1910 гг. был старшим газаном [26, с. 319].

Пятикнижие Моисея, заключены в деревянные искусно расписанные футляры, в верхней части которых проделаны отверстия для серебряных наконечников валиков. Одним из самых выдающихся представителей караимской знати является в высшей степени интеллигентнейший человек – Соломон Крым¹. Он сделал очень много полезного для Феодосии и, без сомнения, еще послужит на благо своего родного города. Именно этот человек смог уберечь Феодосию от возможного агрессивного поведения взбунтовавшегося броненосца «Потемкин»², а также сумел остановить революционные погромы в городе.

А теперь мы направляемся в Старый Крым, ранее называвшийся Солхат. По пути насладимся видом древней мечети в **Кара-Гёзе** (Черный глаз), датируемой XIV веком³. Между Феодосией и Старым Крымом проложено шоссе.

Старый Крым еще раньше Бахчисарая являлся первой столицей Крымского ханства. Это был крупный город, поддерживавший прочные экономические связи со всеми странами Азии. Наместник Старого Крыма носил титул эмира Солхата. Мегаполис был окружен крепостными стенами такой протяженности, что, судя по воспоминаниям арабских путешественников, для того, чтобы всаднику объехать все эти укрепления, потребовалось бы целых полдня!⁴

Когда Бахчисарай стал столицей ханства, /27/ Старый Крым пришел в упадок. Уже в 1578 году путешественник Мартин Броневский обнаружил здесь одни руины⁵. В 1820 году армянский путешественник, кюре из Карасу-Базара Вертанес Медици сообщал, что в Старом Крыму он видел обширное пространство, покрытое остатками

¹Соломон Самуилович (Самойлович) Крым (ок. 1864 (1868) – 1936) – представитель зажиточного караимского рода Крымов из Феодосии; известный общественно-политический деятель Крыма; один из тех, для кого Феодосия была любимой и опекаемой малой родиной. В историю Крыма вошёл, в первую очередь, как глава второго Крымского краевого правительства (ноябрь 1918 – апрель 1919) и как инициатор создания Таврического университета (ныне Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского), открытого 14 октября 1918 г. [см. например: 11].

² Бунт на броненосце «Князь Потёмкин-Таврический» вспыхнул стихийно в середине июня 1905 г. Матросы захватили корабль, из своей среды избрали судовую комиссию, отправились в Одессу. По возвращении к берегам Крыма корабль дошёл до Феодосии 22 июня 1905 г., чтобы пополнить запасы продовольствия и угля. В дальнейшем по ряду причин «потёмкинцы» вынуждены были направиться в Румынию и сдаться.

³ В те времена мечеть нуждалась в ремонте и реставрации. Отремонтировать её смогли только в 1917 г., но уже в 1920-х гг. она числилась среди «наиболее угрожаемых памятников». Здание сильно пострадало в годы Великой Отечественной войны, его остатки окончательно разобрали после войны. Сейчас от него сохранился лишь фундамент, покрытый дерном и почти не видимый на поверхности. А. В. Гаврилов датировал мечеть XV или, скорее, началом XVI в. (что мне известно из устной беседы с ним). Фотография каменной архитектурной детали с орнаментом от карагозской мечети опубликована в книге: [8, с. 179]. [См. подробнее: 23, с. 202–205.]

⁴ О крепостных стенах Солхата см.: [8, с. 105–115].

⁵ Мартин Броневский – посланник польского короля Стефана Батория к крымскому хану Мухаммед Гирею в 1578–1579 гг., автор сочинения «Описание Крыма» [6, с. 170].

развалившихся древних строений¹. Он также отметил наличие там развалин ханского дворца, древнего мусульманского монастыря Кемаль-Ата, роскошных бань, богатых захоронений и т. д. Сегодня от всего этого не осталось и следа.

В 1787 году во время своего путешествия по Крыму совместно с князем Фалькенштейном (императором Иосифом Вторым) Екатерина Вторая остановилась на ночь в Старом Крыму. В связи с тем, что в этом городе не оказалось ни одного помещения, достойного для приема августейших особ, князь Потемкин предварительно переделал местную армянскую церковь в гостевой дворец, а также построил фонтан в восточном стиле и над ним беседку, окна которой выходили на Восток, позволяя Императрице созерцать огромную долину, простиравшуюся до самого Каффинского залива². Впрочем, этот исторический фонтан был снесен в 1890 году с целью расширения городского рынка³.

Сегодня население Старого Крыма составляет 3500 жителей, среди которых есть даже болгары⁴. Повсюду – множество развалин: остатки монетного двора, караван-сарая, руины медресе...⁵ Однако во всей своей красе пока еще стоит совсем недавно отреставрированная очень древняя мечеть Старого Крыма. Ее портал и внутренний михраб искусно декорированы. Это – мечеть Узбека начала XIV века⁶.

Здесь, в этом городе, я тщетно искал могилу знаменитой графини де Ламотт, ведь известно, что эта загадочная женщина умерла именно в Старом Крыму. Она была похоронена на кладбище вблизи армянской церкви. Реконструкция этой церкви привела к тому, что порядок на кладбище был нарушен, /28/ и я не нашел ни одной могильной плиты с именем госпожи де Ламотт. Тайна, окружавшая графиню в течение всей ее жизни, ушла вместе с ней в могилу⁷.

¹ Минас (Минай) Бжшкянц Медици – уроженец Трапезунда, монах армяно-католического монастыря мхитаристов на острове св. Лазаря в Венеции; долго жил в Крыму, в 1826–1846 гг. был настоятелем армяно-католической церкви в г. Карасубазаре (ныне Белогорск) [3; 13].

² Эта армянская церковь, перестроенная во дворец в связи с приездом Екатерины II, в дальнейшем была преобразована в православную церковь во имя Успения Божией Матери. Здание не сохранилось – оно сгорело в 1825 г.

³ В конце XIX в. в Старом Крыму было уничтожено много древних построек, в том числе фонтанов. Так называемый Екатерининский фонтан тогда не был снесен целиком, однако значительную его часть разобрали. Этот недействующий фонтан сохранился до нашего времени, но в сильно руинированном виде и без беседки. [См.: 8, с. 178–179.]

⁴ Перепись начала XX в. зарегистрировала в Старом Крыму 5752 жителя [см. например: 25, с. 57].

⁵ Руины караван-сарая и медресе (примыкающего к так называемой мечети Узбека) сохранились до нашего времени. А за монетный двор, остатки которого до сих пор не найдены, Ж. де Бай принял (наверняка с чьих-то слов) руины так называемой мечети Бейбарса. [См. например: 8, с. 116–140, 150–159.]

⁶ Многолетние археологические работы экспедиции Государственного Эрмитажа показали, что здание построено не ранее второй половины XV в. [8, с. 116–133; 16, с. 137–182; 23, с. 212–218].

⁷ Могила не сохранилась, но предполагаемое место захоронения графини и сейчас показывают местные жители. Есть фотография надгробия, некогда венчавшего могилу. Оно описано Л. П. Колли. Французский консул в Феодосии, писатель Луи Бертрен (Луи де Судак)

Все в том же экипаже я проделываю путь из Феодосии в Судак. Первая часть этого маршрута не вызывает особого интереса. Мы делаем остановку в татарской деревне **Отузы**, насчитывающей всего тридцать домов. Кстати, название деревни с татарского так и переводится: тридцать домов¹. Один молодой татарин, известный своей геркулесовой силой, Умер Мемет Оглу, младший из семнадцати сыновей одних и тех же родителей, следуя местному обычаю, угощает нас кофе, хлебом, обжаренными кусочками бараньего жира и виноградом. В этой деревне я сделал несколько фотографий.

По дороге из Отуз в **Судак** путешественник наслаждается восхитительными, резко меняющимися пейзажами. То он пересекает горную цепь, поросшую густым лесом, то вдруг наталкивается на скопления абсолютно голых скал, то оказывается в глубоких диких ущельях, одним словом, это был самый живописный отрезок моего путешествия по Крыму. Длинная Судакская долина, вначале довольно узкая, заметно расширяется по мере приближения к морю, на берегу которого и расположился маленький одноименный городок, в котором живет полторы тысячи человек². Здесь есть и татары, которых мы вправе считать потомками генуэзцев, завладевших греческим Судакком в 1356 году³. К VII веку нашей эры Судак был переименован в Солдайю; русские называли его Сурожем. Судак так же, как и Пантикапей, был точкой соприкосновения Востока и Запада. Город-эмпорий, куда торговые караваны, прибывшие с Востока, доставляли индийские и китайские товары, которые затем перегружали на корабли, /29/ плывшие в Европу.

Город-порт тавро-скифов, греческий укрепленный пункт, вотчина Крымской Готии, Судак сегодня в качестве подтверждения своего бывшего могущества располагает всего лишь величественными развалинами генуэзской крепости⁴. Абсолютно неприступная с моря островерхая пирамидальная эрратическая скала несет на себе трехэтажную крепость⁵. Со стороны долины, начиная с определенной высоты, склоны скалы мягко спускаются вниз. Перед входной крепостной дверью, защищенной специальным оборонительным сооружением, протянулись строения

полагал, что в конце жизни поселившаяся в Старом Крыму и умершая там некая графиня Жанна де Гаше – это графиня Жанна де Ла Мотт-Валуа, прославившаяся кражей ожерелья французской королевы. С этим согласился Колли, ближайший друг Бертрена. Два десятка лет они вместе искали могилу графини и нашли её в июне 1913 г. на армянском кладбище Старого Крыма (ныне несуществующем). [См. например: 22; 31; 19.]

¹ По другой версии (со ссылкой на старожилов) название Отузы произошло от того, что здесь некогда было три десятка деревень [4, с. 424; 18, с. 107].

² По данным дореволюционных путеводителей в начале XX в. в посёлке Судак проживало от одной до двух тысяч человек, но эти цифры, скорее всего, не основаны на каких-либо точных материалах.

³ Генуэзцы заняли византийскую Сугдею в 1365 г. и переименовали в Солдайю.

⁴ Прим. Ж. де Бая: «Последним консулом Судака (Солдаи) с 1471 по 1475 г. был Христофор ди Негро».

⁵ Первые оборонительные сооружения на склонах 150-метровой Крепостной горы (на юго-западной окраине современного Судака) возвели византийцы в VI в., при Юстиниане I. В 70-х гг. XIV в. – первой половине XV в. генуэзцы создали здесь неприступную крепость. (Ныне это Музей-заповедник «Судакская крепость».)

немецкой колонии, обосновавшейся на месте бывшей татаро-турецкой деревни, возведенной, в свою очередь, на развалинах генуэзского квартала Солдаи¹.

Направляясь в расположенный в семи километрах от Судака поселок **Новый Свет**, куда князь Лев Голицын любезно пригласил меня в гости, я еще раз бросаю взгляд на величественные генуэзские развалины и на новенькие чистенькие домики немецких колонистов. В Новый Свет ведет Шайтанова долина, *Шайтандере*, что в переводе с татарского означает долина Дьявола. Благодаря титаническим усилиям, тяжелой и опасной для жизни физической работе, здесь, среди лабиринта крутых диких скал, была прорублена дорога в Новый Свет. Она проходит над морем и огибает гору Куш-Кая, что по-татарски значит Сокол (Сокол-гора). Прибыв на место, мы сразу же почувствовали, что оказались совсем в другом мире, то есть в Новом Свете. Когда вы попадаете сюда, вам кажется, что вы перенеслись в какую-то страну грез, /30/ где все вокруг сурово, дико, фантастично и грандиозно.

Окружающий вас пейзаж – это лучшее, что могла создать природа Крыма. Между мысами Куш-Кая и Коба-Бурун², чьи выступы далеко вдаются в море, расположена бухта, которая ранее служила Судаку портом. Эта бухта, вдоль которой тянется песчаный пляж, омывается тихими, спокойными волнами Черного моря и, благодаря своей большой глубине, представляет собой надежное убежище для морских судов. Куш-Кая и Коба-Бурун окружены восхитительного вида горами, которые, кажется, делают все возможное для того, чтобы навсегда отделить оба мыса от всего остального Крыма.

Сразу же возле пляжа земля начинает медленно подниматься вверх и уже вскоре переходит в труднодоступные горы. Там, наверху, царствует по-настоящему девственный лес. В Новом Свете иногда можно встретить растущие в диком виде сосну Палласа *Pinus Pallasi* и олеандр Стевена *Oleander Steveni*. Но лучше всего здесь растет можжевельник двух видов: *Juniperus excelsa* и *Juniperus oxicedrus*. Это совсем не те кустарники, которые встречаются во Франции, а настоящие деревья, имеющие какие-то особо кривые, можно сказать, конвульсивные формы. Такая фантастического вида растительность хорошо гармонирует с окружающим ее миром. Вполне естественно вспоминаются различные мифы, и сразу же представляешь себе Ифигению, жившую именно в этом месте Тавриды, в огромном таинственном гроте, расположенном под горой Коба-Бурун, вершина которой имеет форму бараньей головы³. Когда-то проникнуть в этот грот можно было только со стороны моря, волны которого, разбиваясь о порог пещеры, оставляли на черной скалистой стене /31/ свой пенный след. Находясь в этом мрачном логове через широко зияющее входное отверстие приятно полюбоваться горой Куш-Коба и полетами соколов над ней, суровыми развалинами генуэзской крепости, белыми домиками Судака, а также

¹ Немецкая колония основана близ Судака (недалеко от генуэзской крепости) в 1805 г. Сейчас это территория г. Судака.

² Это Коба-Кая (Хоба-Кая), то есть «пещерная гора»; её ещё называют горой Орёл. Бурун – *кр.-тат.* «мыс». Обе горы – Куш-Кая и Коба-Кая – вдаются в море мысами.

³ По мифу Ифигения обитала не в гроте, а в таврском храме Артемиды – главной богини Херсонеса Таврического. Если храм был в действительности, то его, скорее всего, построили херсонеситы (но никак не тавры) и не вдали от своего государства.

окрашенными в розово-голубой цвет горами на фоне опаленного яркими солнечными лучами крымского неба.

В древних генуэзских хрониках Новый Свет называли Парадиз¹. У всех создается впечатление, что это место благодаря своей таинственной удаленности от мира и своему волшебному очарованию является чем-то неправдоподобным, невозможным. Ранее здесь находилось труднодоступное имение грузинского князя Херхеулидзе, рядом с которым проживало несколько греческих рыбацких семей². И только около двадцати лет назад князь Лев Голицын, соблазненный красотой Нового Света, сделал этот чудный уголок вполне доступным для его посещения³. Я бы сказал, что это были сверхчеловеческие усилия; и все же после двадцати лет самопожертвования князь добился поразительных результатов, не нанеся ни малейшего вреда красоте окружающей природы. Для прогулок вдоль моря и вокруг гор, для следования вдоль трех бухт и для спуска в гроты, где по сигналу хозяина одновременно вместе с тысячами свечей вспыхивают тысячи бенгальских огней, в скалах были прорублены тропинки.

Не довольствуясь наличием естественных гротов, князь Голицын, которого можно было бы назвать винным королем, так как он был первым крупным виноделом России, решил прорубить под скалами три с половиной километра винных погребов. И надо отметить, что сегодня все эти погреба заполнены отличным вином! Здесь хранятся не только крымские и кавказские вина, но также присутствуют все лучшие марки французских вин; /32/ а наш князь способен безошибочно указать года их производства. Он разбирается в винах, как настоящий профессионал. Князь Голицын обладает недюжинной силой и является неутомимым путешественником.

Он, исколесивший всю Европу вдоль и поперек, стоит сейчас на балконе своего дворца в Новом Свете и, пригубив бокал шампанского, демонстрирует мне свои блестящие познания в области виноделия; а в это время над его столом порхают синички, поклеывая ореховые крошки, разбросанные щедрой рукой хозяина. Но не только вопросы виноделия поглощают внимание князя. Он собрал самую богатую коллекцию северского фарфора, какую я когда-либо видел. Осмотрев эту коллекцию, я отправился вместе с князем знакомиться с различными видами виноградной лозы, растущей на голицынских виноградниках. После дневной прогулки мы спускаемся в чрево земли. Дело в том, что обед нам накрыли в одном из винных погребов. Здесь,

¹ Что значит «парк», «сад», «рай».

² Захарий Семёнович Херхеулидзе (Херхеулидзе; 1797/8 – 1856) – князь, генерал-майор (с 1844 г.). В молодости служил в лейб-гвардии Преображенском полку; в 1823–1832 гг. состоял адъютантом новороссийского и бессарабского генерал-губернатора графа М. С. Воронцова в Одессе. Участник русско-турецкой войны 1828–1829 гг., Крымской войны 1853–1856 гг. В 1833–1850 гг. – керч-еникальский градоначальник. Имение «Парадиз» он купил, по-видимому, ещё в 1920-х гг., когда служил у М. С. Воронцова, и назвал его «Новым Светом». Уже при Захарии Семёновиче здесь закладывались виноградники. Имение наследовали его дети. [См. например: 27; 30, с. 568 (имен. указ.).]

³ В 1878 г. князь Лев Сергеевич Голицын (1845–1915) купил у наследников З. С. Херхеулидзе часть новосветовского имения (36 десятин). В дальнейшем он выкупил у них оставшиеся 60 десятин и ещё добавил к ним соседние земли. [См. о нём например: 35; 15; 30, с. 547 (имен. указ.).]

как на библиотечных полках, выстроились в ряд бутылки разных возрастов из разных стран. От нас только требуется продегустировать и оценить это богатство. Еще никогда в своей жизни я не чувствовал себя таким профаном и таким недостойным исследователем. Я был вынужден признаться в своей полной безграмотности в данной области науки. Меня этому не учили... Бронзовые амурсы, люстры стиля рококо, висят над нашими головами, мраморные фавны и вакханки, украшающие стены погребка, иератические персонажи, изображенные на греческих вазах, были молчаливыми свидетелями моей некомпетентности. И все же именно эти свидетели пришли мне на помощь, предоставив возможность воздать должное князю, как просвещенному любителю французского искусства XVIII века, увлеченному поклоннику древнегреческих керамических изделий, /33/ образцы которых так часто встречаются в Крыму.

Но вот пришло время попрощаться с гостеприимным хозяином, а также с солнцем и розами Нового Света. Я возвращаюсь в **Феодосию**, дымящуюся от пожарищ, к ее жителям, погруженным в подавленное состояние. Здесь пронесся ураган безумия, принесший с собой кровопролитие и пожары¹. В этой грустной атмосфере вид кипарисов, призванных в Крыму радовать глаз, а не скорбеть о смерти, как во Франции, вдруг предстал предо мной в своем истинно погребальном облике. Я подумал о бессмертной судьбе этих деревьев в солнечном Крыму. Из их ценной, благовонной, нетленной древесины человек создает иконы. Перед этими иконами зажгутся лампы и свечи, легкими облачками распространится аромат ладана, слабые и сильные мира сего склонят свои головы и запечатлеют на священной иконе свой поцелуй надежды и любви. Грузинский поэт Акакий Церетели, воспевая в стихах таинственное причастие, существующее между свечой и иконой, однажды воскликнул:

«Эта свеча – моя плоть;
Этот огонь – моя жизнь;
Этот свет – моя душа;
Этот алтарь – моя вселенная;
Эта икона – моя родина,
Перед ней и ради нее
Я готов полностью сгореть»².

Список использованных источников и литературы

1. Айбабина Е. А. Декоративная каменная резьба Каффы XIV–XVIII вв. / Е. А. Айбабина. – Симферополь: СОНАТ, 2001. – 280 с.
Aibabina E. A. Dekorativnaja kamennaja rez'ba Kaffy XIV–XVIII vv. / E. A. Aibabina. – Simferopol': SONAT, 2001. – 280 s.
2. Айбабина Е. А., Бочаров С. Г. Греческие православные церкви средневековой Каффы / Е.А. Айбабина, С. Г. Бочаров // Православные древности Таврики : сб. материалов по церковной археологии. – Киев: Стилос, 2002. – С. 159–168.

¹ Революционные беспорядки в Феодосии в октябре 1905 г.

² Пер. с французского Г. И. Беднарчика.

Aibabina E. A., Bocharov S. G. Grecheskie pravoslavnye cerkvi srednevekovoi Kaffy / E. A. Aibabina, S. G. Bocharov // *Pravoslavnye drevnosti Tavriki : sb. Materialov po cerkovnoi arheologii.* – Kiev: Stilos, 2002. – S. 159–168.

3. Армянские древности Таврического полуострова (извлечение из сочинения: Медици (Бжшкянц) М. Путешествие по Польше и другим местам, обитаемым армянами, переселившимися из древнего столичного города Ани, опубликованного в Венеции в 1830 г.) / пер. с армян. Х. Кушнерева // *Записки Одесского общества истории и древностей.* – Одесса, 1877. – Т. 10. – С. 441–451.

Armjanskije drevnosti Tavricheskogo poluostrova (izvlechenie iz sochinenija: Medici (Bzhshkjanec) M. Puteshestvie po Pol'she i drugim mestam, obitaemym armjanami, pereselivshimisja iz drevnego stolichnogo goroda Ani, opublikovannogo v Venecii v 1830 g.) / per. S armjan. H. Kushnereva // *Zapiski Odesskogo obshestva istorii i drevnostei.* – Odessa, 1877. – Т. 10. – С. 441–451.

4. Безчинский А. Я. Путеводитель по Крыму / А. Я. Безчинский. – М.: Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1901. – 471 с.

Bezchinskii A. Ja. Putevoditel' poKrymu / A. Ja. Bezchinskii. – М.: Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1901. – 471 с.

5. Бочаров С. Г. Фортификационные сооружения Каффы : конец XIII – вторая половина XV в. / С. Г. Бочаров // *Причерноморье в средние века.* – СПб.: Алетея, 1998. – Вып. 3. – С. 82–116.

Bocharov S. G. Fortifikacionnye sooruzhenija Kaffy : konec XIII – vtoraja polovina XV v. / S. G. Bocharov // *Prichernomor'e v srednie veka.* – SPb.: Aleteja, 1998. – Вып. 3. – С. 82–116.

6. Бронеvский М. Описание Крыма / М. Бронеvский / подгот. текста М. Мачинской, А. Г. Герцена // *Историческое наследие Крыма.* – Симферополь, 2005. – № 10. – С. 157–200.

Bronevskii M. Opisanie Kryma / M. Bronevskii / podgot. teksta M. Machinskoi, A. G. Gercena // *Istoricheskoe nasledie Kryma.* – Simferopol', 2005. – № 10. – С. 157–200.

7. Вальков Д. В. Памятники генуэзской эпиграфики Крыма /Д. В. Вальков. – М.: Книжный дом «Университет», 2009. – 186 с.

Val'kov D. V. Pamjatniki genuyezskoioy epigrafiki Kryma / D. V. Val'kov. – М.: Knizhnyi dom «Universitet», 2009. – 186 с.

8. Гаврилов А. В., Майко В. В. Средневековое городище Солхат-Крым: материалы к археологической карте города Старый Крым / А. В. Гаврилов, В. В. Майко. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2014. – 212 с.

Gavrilov A. V., Maiko V. V. Srednevekovoe gorodishe Solhat-Krym : materialy k arheologicheskoi karte goroda Staryi Krym / A. V. Gavrilov, V. V. Maiko. – Simferopol' : Biznes-Inform, 2014. – 212 с.

9. Евсеев А. А. Культовые сооружения Феодосии // Петрова Э. Б. «Исторический и художественный альбом Тавриды» Евгения де Вильнева и Викентия Руссена/ А. А. Евсеев. – Феодосия : ИД «Коктебель»; Симферополь : Н. Орианда, 2015. – С. 157–176.

Evseev A. A. Kul'tovye sooruzhenija Feodosii // Petrova E. B. «Istoricheskii i hudozhestvennyi al'bom Tavridy» Evgenija de Vil'nyova i Vikentija Russena / A. A. Evseev. – Feodosija : ID «Koktebel'»; Simferopol' : N. Orianda, 2015. – С. 157–176.

10. Евсеев А. А. Население Феодосии в конце XIX – начале XX в. / А. А. Евсеев // *Этнография Крыма XIX–XXI веков и современные этнокультурные процессы : IVмеждунар. науч.-практ. конф., посв. 25-летию Крымского этнографического музея (Симферополь, 28–30 сентября 2017 г.) : тез. докл.* – Симферополь : ООО «Антиква», 2017. – С. 34–35.

Evseev A. A. Naselenie Feodosii v konce XIX – nachale XX v. / A. A. Evseev // *Yetnografija Kryma XIX–XXI vekov i sovremennyye etnokul'turnye processy : IV mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posv. 25-letiyu Krymskogo yetnograficheskogo muzeja (Simferopol', 28–30 sentjabrja 2017 g.) : tez. dokl.* – Simferopol' : ООО «Antikva», 2017. – С. 34–35.

11. Зарубин В. Г. Соломон Крым и второе Крымское краевое правительство / В. Г. Зарубин // *Историческое наследие Крыма.* – Симферополь, 2005. – № 10. – С. 97–108.

Zarubin V. G. Solomon Krym i vtoree Krymskoe kraevoe pravitel'stvo / V. G. Zarubin // *Istoricheskoe nasledie Kryma.* – Simferopol', 2005. – № 10. – С. 97–108.

12. Катюшин Е. А. Феодосия, Каффа, Кефе : исторический очерк / Е. А. Катюшин. – Феодосия : ИД «Коктебель», 1998. – 160 с.

Katyushin E. A. Feodosija, Kaffa, Kefe : istoricheskii ocherk / E. A. Katyushin. – Feodosija : ID «Koktebel'», 1998. – 160 с.

13. Колли Л. П. Из «Путешествия по Южной России» о. Минаса Медици / Л. П. Колли // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – Симферополь, 1910. – № 44. – С. 30–38.
- Kolli L. P. Iz «Puteshestvija po Juzhnoi Rossii» o. Minasa Medici / L. P. Kolli // Izvestija Tavricheskoj uchenoi arhivnoi komissii. – Simferopol', 1910. – № 44. – S. 30–38.
14. Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма / В. Х. Кондараки. – СПб. : Тип. В. Веллинга, 1975. – Ч. 15. – 235 с.
- Kondaraki V. H. Universal'noe opisanie Kryma / V. H. Kondaraki. – SPb.: Tip. V. Vellinga, 1975. – Ch. 15. – 235 s.
15. Ламан Н. К., Белоусова А. Н. Князь Лев Сергеевич Голицын : выдающийся русский винодел / Н. К. Ламан, А. Н. Белоусова. – М. : Наука, 1999. – 331 с.
- Laman N. K., Belousova A. N. Knjaz' Lev Sergeevich Golitsyn : vydayushisja russkii vinodel / N. K. Laman, A. N. Belousova. – M. : Nauka, 1999. – 331 s.
16. Ломакин Д. А. Мусульманские памятники Старого Крыма XIII–XV вв.: история изучения, современное состояние / Д. А. Ломакин. – Симферополь: Соло-Рич, 2015. – 240 с.
- Lomakin D. A. Musul'manskije pamjatniki Starogo Kryma XIII–XV vv.: istorija izuchenija, sovremennoe sostojanie / D. A. Lomakin. – Simferopol': Solo-Rich, 2015. – 240 s.
17. Микаелян В. А. История крымских армян / В. А. Микаелян. – Киев: Энергия-плюс, 2004. – 224 с.
- Mikaeljan V. A. Istorija krymskih armjan / V. A. Mikaeljan. – Kiev: Yenergija-plyus, 2004. – 224 s.
18. Москвич Г. Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Крыму / Г. Г. Москвич. – СПб. : Редакция «Путеводителей», 1912. – 287 с.
- Moskvich G. G. Illyustrirovannyi prakticheskii putevoditel' po Krymu / G. G. Moskvich. – SPb. : Redakcija «Putevoditelei», 1912. – 287 s.
19. Орехов В. В. В лабиринте крымского мифа / В. В. Орехов. – Симферополь; Нижний Новгород : ООО «Растр», 2017. – 579 с.
- Orehov V. V. V labirinte krymskogo mifa / V. V. Orehov. – Simferopol'; Nizhnii Novgorod : ООО «Rastr», 2017. – 579 s.
20. Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / П. С. Паллас / пер. с нем.; отв. ред. Б. В. Левшин; сост. Н. К. Ткачева. – М. : Наука, 1999. – 246 с.
- Pallas P. S. Nablyudenija, sdelannye vo vremja puteshestvija po yuzhnyim namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godah / P. S. Pallas / per. s nem.; otv. red. B. V. Levshin; cost. N. K. Tkachyova. – M. : Nauka, 1999. – 246 s.
21. Петрова Э. Б. Феодосийский музей древностей и охрана памятников Феодосии и ее округа в 70–90-х годах XIX в. / Э. Б. Петрова // Крымский архив. – Симферополь, 2014. – № 1(15). – С. 60–91.
- Petrova E. B. Feodosiiskii muzei drevnostei i ohrana pamjatnikov Feodosii i ey ookrugi v 70–90-h godah XIX v. / E. B. Petrova // Krymskii arhiv. – Simferopol', 2014. – № 1(15). – S. 60–91.
22. Петрова Э. Б. «Дом, где жила мадам де Ла Мотт» и воспоминания баронессы М. А. Бодэ / Э. Б. Петрова // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: «Исторические науки». – 2015. – Т. 1(67), № 3. – С. 13–31.
- Petrova E. B. «Dom, gde zhila madam de La Mott» i vospominanija baronessy M. A. Bode / E. B. Petrova // Uchyonye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. «Istoricheskie nauki». – 2015. – T. 1(67), № 3. – S. 13–31.
23. Петрова Э. Б. «Исторический и художественный альбом Тавриды» Евгения де Вильнева и Викентия Руссена / Э. Б. Петрова. – Феодосия : ИД «Коктебель»; Симферополь : Н. Орианда, 2015. 240 с.; ил.
- Petrova E. B. «Istoricheskii i hudozhestvennyi al'bom Tavridy» Evgenija de Vil'nyova i Vikentija Russena / E. B. Petrova. – Feodosija : ID «Koktebel»; Simferopol' : N. Orianda, 2015. 240 s.; il.
24. Петрова Э. Б. Феодосийский музей древностей и охрана памятников Феодосии и ее округа в начале XX века : к 165-летию со дня рождения Людвика Петровича Колли / Э. Б. Петрова // История и археология Крыма : сб. ст., посв. памяти А. Е. Пуздровского / Ин-тут археологии Крыма РАН. – Симферополь : Тип. «АРИАЛ», 2015. – Вып. 2. – С. 488–510.
- Petrova E. B. Feodosiiskii muzei drevnostei i ohrana pamjatnikov Feodosii i eyo okrugi v nachale XX veka : k 165-letiju so dnja rozhdenija Lyudvika Petrovicha Kolli / E. B. Petrova // Istorija i arheologija Kryma : sb.

st., posv. Pamjati A. E. Puzdrovskogo / In-tut arheologii Kryma RAN. – Simferopol' : tip. «ARIAL», 2015. – Вyp. 2. – С. 488–510.

25. Потенко А. А. Старый Крым: город музеев, город-музей: историко-краеведческие очерки / А. А. Потенко. – Симферополь : Изд-во ТОВ «Фирма “Салта” ЛТД», 2009. – 254 с.

Potienko A. A. Staryi Krym: gorod muzeev, gorod-muzei: istoriko-kraevedcheskie ocherki / A. A. Potienko. – Simferopol' : Izd-vo TOV «Firma “Salta” LTD», 2009. – 254 s.

26. Прохоров Д. А. Религиозно-правовые аспекты брачно-семейных отношений и демографическая статистика в караимских общинах Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. / Д. А. Прохоров // Новые исследования по еврейской истории : материалы XIX междунар. конф. по иудаике: Академическая серия. Вып. 42. – М., 2012. – Т. 3. – С. 306–331.

Prohorov D. A. Religiozno-pravovye aspekty brachno-semeinykh otnoshenii i demograficheskaja statistika v karaimskih obshinakh Rossiiskoi iimperii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. / D. A. Prohorov // Novye issledovaniya po evreiskoi istorii : materialy XIX mezhdunar. konf. Po iudaike: Akademicheskaja serija. Vyp. 42. – М., 2012. – Т. 3. – С. 306–331.

27. Санжаровец В. Ф. З. С. Херхеулидзе : новые факты биографии // Пантикапей – Боспор – Керчь – 26 веков древней столице: материалы междунар. конф. / В. Ф. Санжаровец. – Керчь : Керченский гос. историко-культурный заповедник, 2000. – С. 207–211.

Sanzharovets V. F. Z. S. Herheulidze : novye fakty biografii // Pantikapei – Bospor – Kerch' – 26 vekov drevnei stolice : materialy mezhdunar. konf. / V. F. Sanzharovets. – Kerch' : Kerchenskii gos. istoriko-kul'turnyi zapovednik, 2000. – С. 207–211.

28. Саргсян Т. Э. О численности армянских духовных центров Кафы-Феодосии / Т. Э. Саргсян // Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2008. – № 21. – С. 161–188.

Sargsjan T. E. O chislennosti armjanskikh duhovnykh centrov Kafy-Feodosii / T. E. Sargsjan // Istoricheskoe nasledie Kryma. – Simferopol', 2008. – № 21. – С. 161–188.

29. Сумароков П. И. Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду / П. И. Сумароков. – СПб. : Имп. тип., 1805. – Ч. 2. – 244 с., ил.

Sumarokov P. I. Dosugi krymskogo sud'i, ili Vtoroe puteshestvie v Tavridu / P. I. Sumarokov. – Spb. : Imp. tip., 1805. – Ch. 2. – 244 s., il.

30. Тимиргазин А. Д. Судак. Хроника российского периода : 1783–1917 / А. Д. Тимиргазин. – Симферополь : СГТ, 2015. – 576 с.

Timirgazin A. D. Sudak. Hronika rossiiskogo perioda : 1783–1917 / A. D. Timirgazin. – Simferopol' : SGT, 2015. – 576 s.

31. Фадеева Т. М. «Я люблю Побережье, и мой долг – сделать его цветущим!..». Южный берег русской аристократии: из истории освоения крымского Южного берега 1820–1830 гг. в неопубликованных письмах княгини А. С. Голицыной Александру I, М. С. Воронцову и другим лицам / Т. М. Фадеева. – М.: Прогресс-Традиция, 2016. – 416 с.

Fadeeva T. M. «Ja lyublyu Poberezh'e, i moidolg – sdelat' ego cvetushim!..». Yuzhnyi bereg russkoi aristokratii: iz istorii osvoenija krymskogo Yuzhnberezh'ja 1820–1830 gg. v neopublikovannykh pis'mah knjagini A. S. Golicynoi Aleksandru I, M. S. Voroncovu i drugim licam / T. M. Fadeeva. – М. : Progress-Tradicija, 2016. – 416 s.

32. Феодосия // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб. : Тип. Акц. общ. Брокгауз-Ефрон, 1904. – Т. 82. – С. 918–920.

Feodosija // Yenciklopedicheskii slovar' / F. A. Brokgauz, I. A. Efron. – SPb. : Tip. Akc. obsh. Brokgauz-Efron, 1904. – Т. 82. – С. 918–920.

33. Храпунов Н. И. Археологические и архитектурные памятники Крыма на рисунках Уильяма Хейсти (1798 г.) / Н. И. Храпунов // Археология Северо-Западного Крыма : материалы III междунар. науч.-практ. конф. – Симферополь, 2017. – С. 188–195.

Hrapunov N. I. Arheologicheskie i arhitekturnye pamjatniki Kryma na risunkah Uil'jama Heisti (1798 g.) / N. I. Hrapunov // Arheologija Severo-Zapadnogo Kryma : materialy III mezhdunar. nauch.-prakt. konf. – Simferopol', 2017. – С. 188–195.

34. Челеби Э. Книга путешествия: Крым и сопредельные области / Э. Челеби / 2-е изд.; пер., вступ. ст., комм. Е. В. Бахревского. – Симферополь : ДОЛЯ, 2008. – 272 с.

Chelebi E. Kniga puteshestvija : Krym i sopredel'nye oblasti / E. Chelebi / 2-e izd.; per., vstup. st., komm. E. V. Bahrevskogo. – Simferopol' : DOLJa, 2008. – 272 s.

35. Шольц-Куликов Е. П. Русский винодел князь Л. С. Голицын : жизнь и легенды / Е. П. Шольц-Куликов. – Симферополь : Крымская академия гуманитарных наук, 1995. – 156 с.

Shol's-Kulikov E. P. Russkii vinodel knjaz' L. S. Golicyn : zhizn' i legendy / E. P. Shol's-Kulikov. – Simferopol' : Krymskaja akademija gumanitarnyh nauk, 1995. – 156 s.

36. Якобсон А. Л., Таманян Ю. А. Армянская архитектура в Крыму / А. Л. Якобсон, Ю. А. Таманян. – Ереван : Айастан, 1990. – 60 с.

Jakobson A. L., Tamanjan Yu. A. Armjanskaja arhitektura v Krymu / A. L. Jakobson, Yu. A. Tamanjan. – Erevan : Aiastan, 1990. – 60 s.

Petrova E. B. The Crimea in the description and on the photos by French traveler Joseph de Baye (1905). Part 2. The South-East Crimea

Among the writings of travelers in the Crimea of the early XX century the book «In the Crimea» is of historical and ethnographic interest, written by the French scientist (archaeologist, ethnographer, historian), traveler, collector, photographer Baron Joseph de Baye (1853–1931), who has done much to establish the relations of France with Russia. His book was published in Paris in 1906, but has never been translated into Russian. His journey in the Crimea took place in August-October of 1905. He visited Simferopol, Bakhchisaray district, Evpatoria, Yalta, Alupka, Nikita, Gurzuf, Alushta, Inkerman, and then the South-Eastern Crimea – Feodosia, Sary Krym, Otuzy, Sudak, Novy Svet. De Baye had a professional curiosity about the Crimean peninsula. The book and pictures of Joseph de Baye complement our knowledge about the Crimea of the early XX century, the appearance and the life of its peoples, monuments of history and culture. This article continues the publication of Joseph de Baye's book.

Keywords: travelers in the Crimea in the beginning of XX century, Baron Joseph de Baye, Feodosia, Karagoz, Sary Krym, Otuzy, Sudak, Novy Svet.

УДК 908:910(1-924.71):929СИМПСОН

**ВОЗВРАЩЕНИЕ В КРЫМ: ВТОРОЙ ВЗГЛЯД НА КРЫМ
ХУДОЖНИКА УИЛЬЯМА СИМПСОНА (1869 Г.).
ДРЕВНОСТИ ИНКЕРМАНА И ХЕРСОНЕСА**

Прохорова Т. А.

**ФГБУК «Государственный историко-археологический
музей-заповедник Херсонес Таврический»,
г. Севастополь, Российская Федерация
e-mail: grejprut@mail.ru**

Рассматриваются отдельные страницы из жизни шотландского художника, рисовальщика, баталиста Уильяма Симпсона (1823–1899), связанные с его пребыванием в Крыму. На полуострове он побывал дважды – в разгар Крымской военной кампании (1854–1856 гг.) и 13 лет спустя, в 1869 г. Подробно описаны детали второй экспедиции Уильяма Симпсона в Крым, которая состоялась в апреле 1869 г. Ход и маршрут поездки восстановлены на основе сделанных художником рисунков с изображениями жителей, городов и ландшафтов Крыма и заметок, опубликованных на страницах лондонского издания «Illustrated London News» с 22 мая по 24 июля 1869 г. Особое внимание уделено заметкам о памятниках древней истории в Инкермане и древнем Херсонесе-Херсоне. В ходе работы над данной статьей был выполнен перевод заметок Симпсона о путешествии в Крым, опубликованных в «Illustrated London News», и отрывок из его «Автобиографии», что позволяет расширить источниковую базу по истории полуострова.

Ключевые слова: путешествие, Крымская война, древности, святые места, Инкерман, Херсонес, У. Симпсон.

В 1869 г. заметки о Крыме вновь оказались на страницах отдельных британских газет [64]. Поводом к тому стал высочайший визит в Крым принца и принцессы Уэльских в апреле 1869 г. Тогда же во второй раз – через 15 лет после начала Восточной (Крымской) войны – в Крым прибыл художник Уильям Симпсон, имевший на тот момент многолетний опыт натурных зарисовок и прославившийся своими рисунками с мест военных событий. Больше чем военный художник, Симпсон сопровождал принца Уэльского в его восточной поездке.

Имя Уильяма Симпсона хорошо известно во всем мире в связи с событиями Восточной (Крымской) войны (1853–1856 гг.). Изучение этого военного конфликта остается одним из наиболее важных направлений историко-краеведческих и геополитических штудий современной крымской историографии [10; 15; 29; 42–46; 51–53; 57; 58; 63]. Крымская война была итогом противостояния ведущих европейских держав, России и Турции, и стала, по выражению историка Е. В. Тарле, «переломным моментом в истории международных отношений и, в особенности, в истории внутренней и внешней политики России» [33, с. 11]. Особенно актуально (и в первую очередь те вопросы, что касаются итогов войны) эта тема звучит сегодня – ввиду недавнего 160-летия с момента подписания Парижского мирного договора и окончания Крымской военной кампании.

Подписанием Парижского мирного договора закончились открытые военные действия, но противостояние не закончилось. Напротив – с этого времени европейские державы старались усилить свой контроль над происходящим на пограничных с Россией территориях. Крымская война, сыгравшая решающую роль в истории Европы и России в частности, спровоцировала новый виток информационных атак европейских держав против России. На протяжении долгих лет Россия представлялась в образе могучего и страшного врага Европы, где царят дикость, произвол и жестокость. Задолго до Крымской кампании в сознании европейцев культивировалась идея о справедливой войне против России. Уже тогда был опробован действенный прием информационной войны – использовать плоды ума российских интеллектуалов, чтобы показать опасность врага со слов якобы внутренних наблюдателей. К примеру, накануне Крымской войны, во Франции охотно публиковались статьи Ф. И. Тютчева о пользе объединения славян под эгидой России, о возможном появлении российского самодержца в Риме как главы церкви. Эти материалы, выражавшие личное мнение автора, издатели анонсировали как тайную доктрину петербургской дипломатии [36, с. 125].

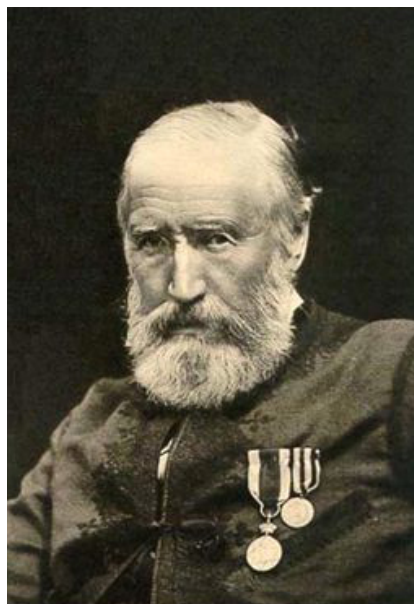
С началом Крымской войны разжигание европейскими СМИ русофобских настроений стало продолжением антироссийской информационной войны. Жители Британии у себя дома могли следить за военным процессом по сводкам в прессе. Самая популярная британская газета «Таймс» регулярно публиковала сведения из театра военных действий, собранные специальным корреспондентом газеты в Крыму Уильямом Расселлом (1821–1907). Во время Крымской войны британцы впервые стали применять фотофиксацию событий, и пионером в этой области выступил Роджер Фентон (1819–1869). Во время Восточной войны наряду с фотографом в Крыму работал шотландский художник Уильям Симпсон (1823–1899) (рис. 1).

Уильям Симпсон, как будет отмечено им в автобиографии, испытывал зависть к работе военных корреспондентов – один обладал силой слова, оружием другого была четкая фотография. Однако в условиях, когда технология получения фотографии не была доведена до совершенства, сами снимки были очень статичны, а сцены на них походили на постановочные, ценность живого рисунка, передающего действие в динамике, была очень велика. Именно это обусловило живой интерес издателей и редакторов газет к художникам-баталистам, делавшим зарисовки в местах военных событий.

Художник Уильям Симпсон добился значительных успехов в области батальной живописи, к тому же он делал прекрасные литографии на основе собственных рисунков и эскизов. Своими работами Симпсон привлек внимание королевской семьи и впоследствии рисовал лично для королевы Великобритании и принца Уэльского. Все это позволило ему называть себя «принцем изобразительной корреспонденции». Действительно, в деятельности Симпсона выразился расцвет батального изобразительного искусства и литографии и одновременно был подведен итог этого вида творчества.

География путешествий и творчества Симпсона охватывала территорию от Шотландии до Дальнего Востока, посему огромный интерес к личности художника проявляют исследователи по всему миру. Но даже несмотря на это основным

источником сведений о жизни и деятельности Уильяма Симпсона по сей день остается написанная им самим автобиография (рис. 2) [62]. Имя художника присутствует во многих трудах зарубежных авторов, посвященных Крымской войне [см. например: 50; 53, р. 22–24]; сведения о нем можно найти и в исследованиях, посвященных истории литографии в Великобритании [56, р. 121–122]. Специальные разыскания были проведены касательно влияния Крымской войны на британское искусство XIX в., и в данном случае литографии Уильяма Симпсона были рассмотрены в контексте отражения политики государства в творчестве конкретного автора и то, как это влияло на формирование общественного мнения [54, р. 68–72]. Литографии Симпсона как свидетельства событий Восточной войны вместе с

*Рис. 1. Уильям Симпсон
(1823–1899).*

*Портрет воспроизводится
по изданию: Simpson W. The
Autobiography of William
Simpson, R. I. (Crimean Simpson).
London, 1903.*

иллюстрациями других авторов – Роджера Фентона, В. Ф. Тимма и Ф. А. Рубо – печатались в «Иллюстрированной истории Крымской войны» [45]. При жизни Симпсона вышла биографическая статья о нем в «Иллюстрированном военно-морском и военном журнале», в которой Симпсон был признан «патриархом среди военных художников» наряду с «патриархом среди военных корреспондентов» Уильямом Расселом и Роджером Фентоном («патриарх военной фотографии») [65, р. 309]. О двух «патриархах» Р. Фентоне и У. Расселе, как полагает Е. Н. Деремедведь, незаслуженно забыли; эту историческую несправедливость исследовательница попыталась исправить в своей книге «Крым: По следам забытых путешествий» (Симферополь, 2013), посвятив им два пространных биографических очерка [7, с. 72–83]. О третьем «патриархе» исследовательница умолчала, вероятно, полагаясь на его живущую по сей день славу.

О жизненном пути Уильяма Симпсона хорошо известно благодаря многочисленным публикациям отечественных и зарубежных исследователей. Родился в Глазго 28 октября

1823 г.; детство и юность провел в Перте (графство Пертшир), родном городе его отца, морского инженера и механика Уильяма Симпсона старшего (1791–1879). В 13 лет попал в архитектурную мастерскую Глазго, где у него проснулся интерес к искусству. Уже через два года он поступил учеником в литографическую фирму Аллана и Фергюсона в Глазго. Дэвид Аллан проявил большой интерес к своему ученику и доверил ему подготовку эскизов многих старых зданий для альбома Роберта Стюарта (1812–1848) «Виды Глазго и заметки о городе прежних лет», который был опубликован в Эдинбурге в 1848 г.

В 1851 г. Симпсон перебрался в Лондон и был принят в фирму «Дэй и сын» (Day & Son). С началом Крымской войны Симпсон рисовал виды сражений на Балтике для фирмы Колнэги (Paul & Dominic Colnaghi & Co), а когда фирма решила выпустить большой иллюстрированный труд о Крымской кампании, именно Симпсону по рекомендации Дэя было поручено сделать эскизы на месте. Приезд Симпсона в Крым был мотивирован вполне четкой проблемой – по словам художника, в Англии не существовало ни одного плана или даже вида Севастопольской крепости. Перед художником была поставлена ответственная задача – представить картину падения Севастополя, в предвкушении которого находилась вся британская общественность. С целью собрать свое собственное портфолио с видами Крыма времен войны, Уильям прибыл в Балаклаву в ноябре 1854 г. – тогда и началась его личная «крымская кампания». Обстоятельства, побудившие Симпсона отправиться в опасное и далекое путешествие, описаны им самим в «Автобиографии». По воспоминаниям художника, Крымская война породила колоссальный интерес к полуострову. Европа жаждала новостей с полей сражений, охотилась за последними сведениями, но особым предметом вожделения были виды той далекой местности, где разворачивались события одной из самых громких военных кампаний середины XIX в. В общественном сознании Британии витала мысль, которая время от времени высказывалась на страницах периодической печати и в произведениях мемуарного характера, авторы которых рассуждали о судьбе крымской земли под протекторатом британской короны и даже о правомерности британских претензий на акваторию Черного моря. События Крымской войны расценивались как возможность переломить ситуацию в свою пользу и навсегда изменить расстановку сил в Черноморском регионе.

Симпсон оставался в Крыму с британской армией до окончания обороны Севастополя. Итогом его работы в Крыму стал альбом «Театр военных действий на Востоке», опубликованный в двух томах в 1855–1856 гг. [60]. В Лондоне Симпсон доработал свои эскизы и наброски, превратив их в восемьдесят рисунков и акварелей. Литографии, созданные на их основе, были представлены нации как живая история Крымской кампании и пользовались большой популярностью [49, р. 198].

Несмотря на развитие фотографии, работы Симпсона «Крымского» пользовались огромной популярностью, а литографии оставались востребованными. Интерес королевской семьи к его творчеству не позволял этой популярности угаснуть [61, р. 32–33].

Отдельного рассмотрения исследователями была удостоена экспедиция Уильяма Симпсона в Абиссинию в 1868 г. – Ф. А. Шарф совместно с профессором Института эфиопских исследований из Аддис-Абебы Ричардом Пенкхарстом и военным историком Питером Харрингтоном из Университета Брайна в Род-Айленде издали абиссинский дневник Уильяма Симпсона, признанный критиками настоящей энциклопедией эфиопской истории и культуры [61]. Дневнику Симпсона предшествуют две обстоятельные статьи исследователей, посвященные жизни художника, базирующиеся, главным образом, на сведениях из его автобиографии. Еще одна републикация работ У. Симпсона состоялась в 1986 г. – М. Арчер издал альбом рисунков У. Симпсона с видами Индии [41]. Но, несмотря на это,

исчерпывающего труда, посвященного его деятельности, в зарубежной историографии не существует; хотя автобиография Симпсона несколько раз переиздавалась на родине художника, русского перевода этого жизнеописания так и не было сделано. Лишь в 1904 г., через год после выхода «Автобиографии», в «Историческом вестнике» появилась критическая статья В. А. Тимирязина о сочинениях иностранцев о России. В числе прочих была упомянута «Автобиография» Симпсона, содержащая ряд интересных заметок автора о России. Критик дал сжатый пересказ основных событий из жизнеописания художника и охарактеризовал его крымские воспоминания как «не представляющие ничего нового или замечательного» [34, с. 1101].

Имя Уильяма Симпсона хорошо знакомо крымским исследователям – историкам, специалистам в области живописи и культуры. Н. А. Ищенко, избравшая основным предметом своей научной деятельности изучение Крымской войны, посвятила ряд популярных статей творчеству шотландского художника Симпсона в Крыму [14; 16; 17]. О пребывании Симпсона в Крыму, в частности в Балаклаве, писал А. А. Третьяков в своей монографии, посвященной военно-морской истории этого города [35, с. 97]. Помимо графических работ, Симпсон оставил воспоминания о пребывании в Крыму. В этой связи его труд представляет значительный интерес для библиографов и специалистов в области крымской историографии. В последние десятилетия под руководством заведующего кафедрой исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, доктора исторических наук, профессора А. А. Непомнящего активно разрабатываются вопросы становления и развития исторического крымоведения и источниковедения по истории Крыма [23; 24; 25]. За это время удалось обобщить и систематизировать многотысячный корпус известных на сегодняшний день источников по истории Крыма, составлена широчайшая библиография. Были в нее включены и альбом с изданными графическими работами Симпсона, и исторический очерк с пояснениями к рисункам художника [25, с. 665, 721]. На наш взгляд, вполне обоснованным видится включение в список важных источников по истории Крыма журналистских работ и мемуаров Уильяма Симпсона, написанных после его второго визита на полуостров.

Успех крымской экспедиции побудил компанию «Дэй и сын» продолжить работу по созданию литографий с рисунков из наиболее горячих и интересных публике регионов. В 1858 г. внимание общественности было приковано к Индостану, где разворачивалась первая война за независимость в Индии. Уильям Симпсон был отправлен в мятежную колонию делать наброски для большого иллюстрированного труда об Индии. Он оставался там в течение трех лет, побывал на востоке и западе страны, поднимался в Гималаи, посещал буддийские храмы Тибета. Подготовка рисунков заняла четыре года после его возвращения, но, когда он закончил работу над 250 акварелями, фирма «Дэй и сын» объявила себя банкротом. Именно после этой «катастрофы» Симпсон встретил мистера Герберта Ингрема, редактора и владельца «Illustrated London News» («Иллюстрированных Лондонских новостей», далее – ИЛН), сотрудничество с которым у него продолжалось более 30 лет. Среди событий, которые он освещал для ИЛН, были экспедиция Р. Нейпира в Магдалу (Абиссиния)

в 1868 г., открытие Суэцкого канала, прусская война 1870–1871 гг., бракосочетания китайского, российского императоров, путешествие принца Уэльского в Индию, раскопки Трои, проводимые доктором Шлиманном. Зарисовки, которые Симпсон делал на местах, пользовались большим успехом, что привело к созданию еще нескольких красочных альбомов [55, р. 345–347].

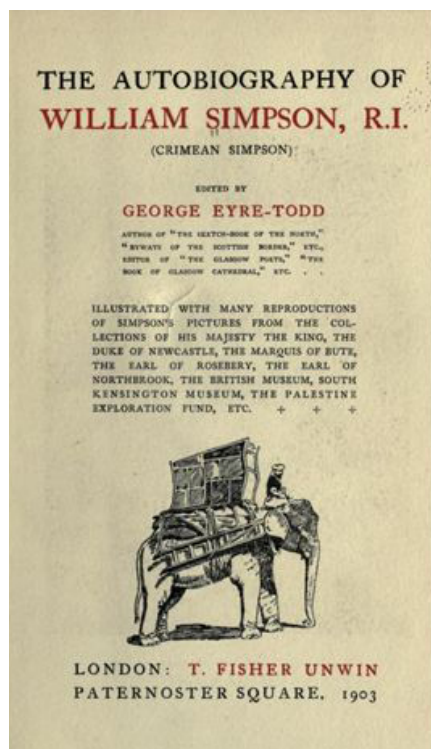
Основное внимание исследователей было приковано к первому путешествию Симпсона в Крым в 1854–1855 гг., в стороне оставался тот факт, что было и второе. Симпсону, которого прозвали «Крымским», суждено было вернуться на полуостров 15 лет спустя, чтобы увидеть и запечатлеть другой Крым – мирный, послевоенный. Литографии, созданные в ходе второго визита на полуостров, представляют собой не менее интересный источник по истории Крыма. Воспроизведенные в

художественной форме в «Автобиографии Уильяма Симпсона» и в его рисунках сведения о Крыме имеют большое значение и позволяют понять дух времени и эпохи.

Вторая экспедиция Уильяма Симпсона в Крым состоялась в апреле 1869 г. К тому времени он продолжал сотрудничество с лондонским изданием «Illustrated London News» и работал на них в качестве специального художника. Именно на страницах этого издания появились некоторые из его 44 рисунков, переведенных в литографии, с изображениями жителей, городов и ландшафтов Крыма. Под каждым из рисунков был комментарий автора, оставившего ценные замечания о виденных им объектах. Номера ИЛН с работами Симпсона выходили с 22 мая по 24 июля 1869 г. под общим названием «Возвращение в Крым». Были среди них и рисунки из Севастополя, иллюстрирующие разрушенное состояние города и его укреплений, кладбища и памятники французской и британской союзнических армий, захоронения русских солдат [66, р. 490].

В выпуске от 22 мая 1869 г. была опубликована статья У. Симпсона с описанием мест сражений под Балаклавой, которую он сопровождал рисунком комнаты в английском

штабе, где умер лорд Раглан [66, р. 511, 513]. 5 июня 1869 г. была опубликована статья о захоронениях британских солдат в Крыму [66, р. 574, 575]. В дополнение к этой зарисовке Симпсон подготовил рисунки общей могилы английских офицеров, потерянных в годы Крымской войны, а также рисунки Каткартова холма и памятника на месте ранения лорда Раглана, опубликованные 12 июня 1869 г. [66, р. 592, 593].

*Рис. 2. У. Симпсон.
«Автобиография».
Титульный лист.
Лондон, 1903 г.*

Выпуск от 19 июня 1869 г. содержал публикацию с размышлениями о разрушительности войн с описанием послевоенного Севастополя и встречи Симпсона с местным татаринном на руинах укреплений в 1869 г. [66, р. 622, 609]. В выпуск от 24 июня 1869 г. была включена статья Симпсона с описанием Малахова кургана – одного из центральных мест сражений во время осады Севастополя [66, р. 648, 649]. Обзор памятных мест Крымской войны под Севастополем был бы неполным без описания центра Севастополя и Инкерманского сражения – очерк и рисунки разрушенного Севастополя и памятника в Инкермане были помещены в выпуске от 29 мая 1869 г. (рис. 9) [66, р. 540–545]. 21 августа 1869 г. на страницах ИЛН появилась статья с описанием и рисунком русской мемориальной церкви на Северной стороне Севастополя.

Рис. 3. Балаклава. Рисунок У. Симпсона. Карандаш. 22 апреля 1869 г. Музей Виктории и Альберта, Лондон.

Крымская исследовательница Е. Н. Деремедведь, занимающаяся вопросами имагологии и изучением травелогов, сделавшая значительный вклад в обогащение библиотеки о Крыме переводами записок английских путешественников по Крыму в XVIII–XIX вв., составила авторский перевод сочинения Терезы Грей (1837–1901), которая, как и Симпсон, была в свите принца (будущий король Англии Эдуард VII) и принцессы Уэльских во время их восточного путешествия в 1869 г. Записки фрейлины принцессы Уэльской служат замечательным источником о Крыме конца 60-х гг. XIX в. [47, р. 173–189]. Путешественница со свойственной всем дамам увлеченностью подробно описала странствия английской делегации по Крыму, в отличие от У. Симпсона, который ограничился сжатыми комментариями и подписями к рисункам. Для нас важно то, что Крым, увиденный Терезой Грей, таким же предстал и перед Уильямом Симпсоном. А это, как отмечает Е. Н. Деремедведь,

была Русская Ривьера, уголок «мира и счастья», который превратился в наиболее посещаемое место русских и иностранных путешественников [8].

Во время путешествия в свите принца и принцессы Уэльских также был свой летописец, которому было поручено составить описание вояжа. Специальным корреспондентом был избран сотрудник газеты «London Times» Уильям Рассел, заслуживший себе всенародную славу во время Крымской войны. Его репортажи о путешествии публиковались в «Times», а позже были изданы в виде дневниковых заметок в отдельном труде Рассела «A diary in the East during the tour of the Prince and Princess of Wales» (Лондон, 1869). Таким образом, оба участника Крымской войны – Рассел и Симпсон – вновь встретились, но уже в послевоенном Крыму.

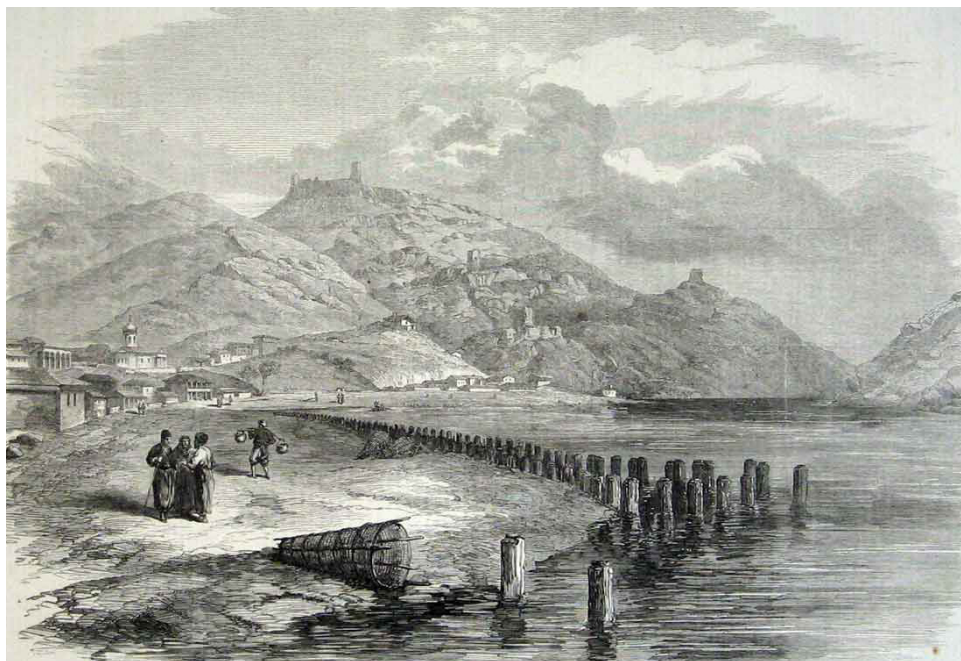

Рис. 4. Возвращение в Крым: Балаклава. Репродукция литографии с рисунка У. Симпсона. «Illustrated London news», 22 мая 1869 г.

Четыре дня во время пятимесячного путешествия вояжеры провели в Крыму. Путешествие началось в Копенгагене, далее англичане проследовали через Берлин и Вену, отплыли на фрегате «Ариадна» из Триеста в Александрию, через порты Египта – в Константинополь, а оттуда – в Крым. В конце 1869 г. миссис Грей издала в Лондоне книгу «Дневник посещения Египта, Константинополя, Крыма, Греции почтенной миссис Уильям Грей в свите принца и принцессы Уэльских», а Уильям Симпсон подготовил литографии с видами Крыма, нарисованными во время поездки. Эскизы, легшие в основу литографий, сохранились в Музее Виктории и Альберта в Лондоне, благодаря чему мы можем сравнить исходный материал и то, что было опубликовано в ИЛН (рис. 3, 4).

В «Автобиографии» художника в главе «Возвращение в Крым» содержатся воспоминания о поездке на полуостров в 1869 г. Как в обращении к прошлому, в этих размышлениях о былом нет какой-либо хронологии или четкой последовательности. В отличие от Симпсона, миссис Грей и Уильям Рассел вели хронологически точный дневник, отмечали в нем посещенные города и страны, скрупулезно записывали имена новых знакомых. Т. Грей пишет, что в Крым путешественники прибыли 12 апреля 1869 г. Приехав в Севастополь, британцы посетили русское кладбище на Северной стороне, место сражения на реке Альме, а на следующий день, 13 апреля, англичане осмотрели Николаевскую батарею и проехали по главной улице Севастополя, ведущей к Корабельной бухте. Миссис Грей отмечала плачевное состояние города, который не смог оправиться от войны. Даже по истечении 13 лет после окончания Крымской войны Севастополь лежал в руинах. Англичане отдали дань памяти знаменитому Редану, добывшему себе славу в героической обороне. Побывали они на местах сражений на реке Черной, Сапун-горе и в Инкермане. С особым трепетом, чувством скорби и гордости британцы осматривали братские захоронения англичан на Каткартовом холме и на Малаховом кургане.

14 апреля путешественники побывали на хуторе генерала Бракера, где в годы войны размещался английский штаб, и на месте захоронения лорда Раглана. Принц и принцесса со свитой посетили Георгиевский монастырь, затем отправились в Балаклаву, посетили Ливадию – крымскую резиденцию российских императоров, а также другие имения, принадлежавшие членам царской семьи и русским вельможам [47, р. 173–189].

Из воспоминаний У. Симпсона следует, что в Крым он приехал неделей позже, 21 апреля 1869 г., когда принц и принцесса Уэльские со свитой уже покинули полуостров. Имея на руках рекомендательные письма, художник разместился в гостинице Н. И. Ветцеля в Севастополе. Гостеприимством семьи Ветцелей пользовались многие иностранные гости города, среди них в 1833 г. был швейцарский путешественник Ф. Дюбуа де Монпере, арендовавший комнату у Иоганна Ветцеля-старшего [9, с. 229]. Симпсон объехал те же места, что и его высочайшие соотечественники, рисуя все то, что им удалось увидеть в Тавриде. Маршрут путешествия Симпсона несколько отличался от того пути, который проделали принц Уэльский с супругой: судя по «Автобиографии», сначала он осмотрел город Севастополь, видел памятник адмиралу Лазареву, Владимирский собор – усыпальницу адмиралов, проехал по местам крупнейших сражений и британских захоронений (каких именно – автор не детализирует). На следующий день Симпсон осмотрел древний Херсонес и Инкерман. Третий день своего визита автор посвятил Балаклаве, Кадыковке, а затем отправился на холм Каткарта и в имение леди Бракер, в дом бывшего английского штаба времен Крымской войны. В «Автобиографии» Симпсон ничего не говорит о посещении Северной стороны и русского кладбища, Малахова кургана, но рисунки этих мест свидетельствуют о том, что побывать ему там все же удалось. Сохранившиеся наброски этих рисунков расходятся с тем, что описано в «Автобиографии»; очевидно, художник писал свои мемуары в конце жизни, описывая почти стершиеся из памяти события. Сделанные Симпсоном рисунки должны были проиллюстрировать визит королевских особ в

Крым. Все они датированы и позволяют визуализировать, что они видели в Крыму: 22 апреля автор рисовал Балаклаву и Кадыковку, 23 апреля – Херсонес, 24 апреля – центр Севастополя с памятником М. П. Лазареву, Северную сторону и Малахов курган, 25 апреля – Инкерман, 26 апреля – французское кладбище, холм Каткарта и мемориал на месте гибели лорда Раглана.

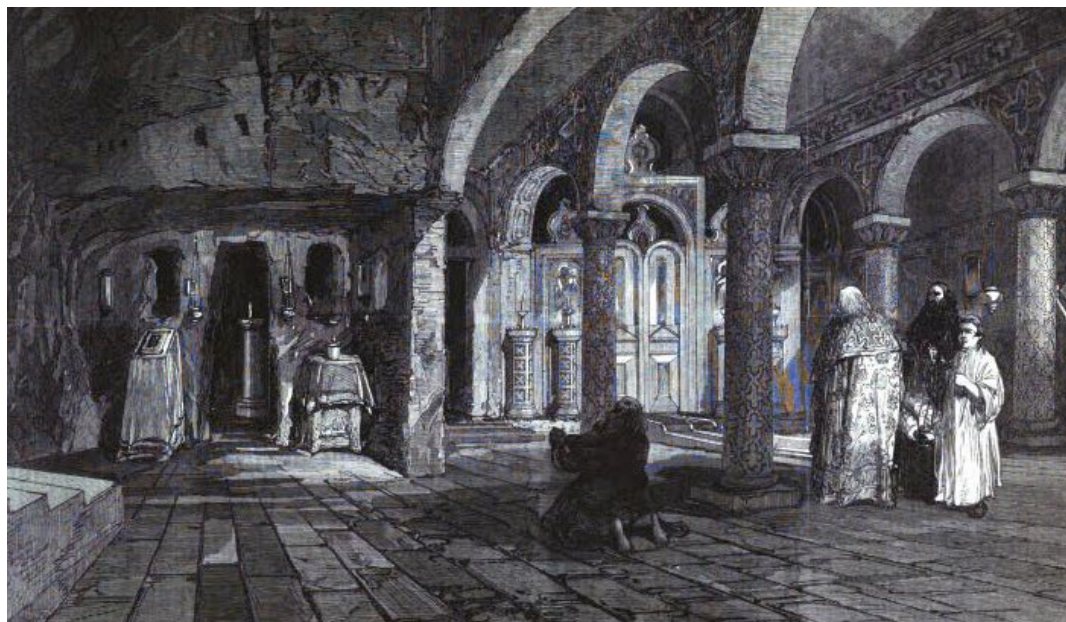

Рис. 5. Церковь Святого Климента. Художник У. Симпсон. Репродукция с литографии. «*Illustrated London news*», 24 июля 1869 г.

В дополнение к местам и объектам, связанным с войной 1854–1855 гг. и осадой Севастополя, Уильям Симпсон подготовил иллюстрации с остатками памятников древней истории этих мест. Как отмечает сам художник в своей «Автобиографии», страсть к археологии у него появилась после работы над рисунками старого Глазго [62, р. 9]. В поле зрения художника оказались исторические памятники в окрестностях Севастополя, в частности высеченная в скале церковь в Инкермане. Новый монастырь, построенный в Инкермане после Крымской войны, Симпсон описал как «красивое сооружение, которое расположено прямо под скалой с древними руинами» [64, р. 87]. В компании монахов художник посетил пещеры, видел часовни и главную церковь. От своих проводников художник узнал, что пещеры были вырыты несколько столетий назад, как он выражается, «в христианские времена». Это выражение, весьма популярное среди путешественников первой половины XIX в., использовали для обозначения времени утверждения христианства в Крыму. Симпсон отметил, что церковь находилась в хорошем состоянии, несмотря на то, что во время войны здесь были расквартированы солдаты. Она была освящена в честь святого Климента, который был изгнан в эти места при императоре Траяне.

Именно эту церковь, под алтарем которой, как полагал Симпсон, был погребен сам святой, художник изобразил на своем рисунке (рис. 5). Читатель увидел на этой иллюстрации типичный интерьер христианской церкви, а о небольших часовнях и костнице, новом фасаде и деревянном балконе, из которого открывался превосходный вид на долину реки Черной и на Инкерман, можно было узнать из комментария к рисунку.

Еще одним представленным объектом была «церковь святого Владимира на месте руин древнего Херсона». Посетив южную сторону Карантинной бухты, Симпсон видел руины древнего Херсона – города, который предшествовал Севастополю. Автору удалось осмотреть древние стены города и развалины трех церквей, одна из которых, на городской центральной площади, по его мнению, была посвящена святому Владимиру. От этого древнего храма сохранились фундамент, апсида, каменный алтарь с крестом на плите, пол из грубых камней (рис. 6). В 1869 г. Симпсон уже видел свод нового собора, строящегося над церковью святого Владимира, а также монастырь, возрожденный после войны [64, р. 87–89].

Симпсон приехал в Херсонес, когда он уже перестал быть для исследователей *terra incognita*. Раскопки, проводимые отставным штабс-капитаном Крузе в 1827 г., эпизодические археологические разыскания князя З. С. Херхеулидзева в 1830 г., швейцарского путешественника Ф. Дюбуа де Монпере в 1833 г., Д. В. Карейши в 1842 г. и в 1846–1847 гг., З. А. Аркаса в 1844–1847 гг., лейтенанта Шемякина в 1851 г., иеромонаха Василия в 1852 г. и графа А. С. Уварова в 1853 г. позволили несколько прояснить картину относительно древнего города и выявить новые интересные объекты, в том числе христианские церкви в разных частях городища [4, с. 9–18]. Симпсон видел Херсонес после Крымской войны, которая, как известно, не пощадила ни древних, ни новых строений. Нельзя было представить целостной археологической картины на изрытом траншеями городище, да и отсутствие планомерных раскопок этому никак не способствовало [5, с. 72]. Однако к 1869 г. на городище было раскопано несколько древних церквей: три из них в центральной части городища открыл Крузе, граф А. С. Уваров раскопал большую северную базилику, а позже в 1861 г. во время работ по очистке центра городища перед постройкой большого собора было обнаружено семь храмов [4, с. 18]. К тому же с конца XVIII в. Крым становится предметом пристального изучения со стороны ученых, а также местом паломничества для русских и иностранных путешественников. Новые земли в составе Российской империи привлекали вояжеров природой, историей, культурой живущих здесь народов; но разразившаяся Крымская война сместила акценты. На исходе второго мирного десятилетия после окончания Крымской войны воюющие стороны все еще не оправились от тяжелых последствий конфликта. Осмысливая ход и результаты военного противостояния, участники писали воспоминания и мемуары о войне, но даже это не заставило приезжающих сюда иностранцев позабыть о древностях и достопримечательностях полуострова. Союзники проводили в Херсонесе случайные раскопки, а У. Симпсон, не сумев удовлетворить свой археологический интерес во время Крымской кампании, активно интересовался древними памятниками во время своего второго визита на полуостров в 1869 г. Для ознакомления с этими объектами Симпсон привлекал

местных жителей, которые рассказывали художнику о достопримечательностях Севастополя и его окрестностей. Важным подспорьем были и труды его соотечественников – англичан, которые побывали в Крыму и описали древности полуострова. Большой популярностью пользовалась книга Г. Сеймура, совершившего путешествие в Крым в 1852 г. [59].

Собор Святого Владимира он застал в момент начала строительства. В 1861 г. состоялась торжественная закладка нового собора, в 1867 г. было заложено основание главного престола. Стены древнего храма прикрыли мрамором, а на месте купели водрузили плиту из темно-серого мрамора с белым крестом. Собор продолжали строить и после отъезда Симпсона из Крыма – вплоть до 1877 г.

Вдохновленный увиденным собором, Уильям Симпсон пересказал легенду о крещении князя Владимира, сравнивая осаду Херсонеса киевскими князьями с осадой, которую десятилетием ранее выдержал Севастополь. В окрестностях города Симпсон отметил обилие вырытых в скале пещер наподобие тех, что он видел в Инкермане (рис. 7, 8).

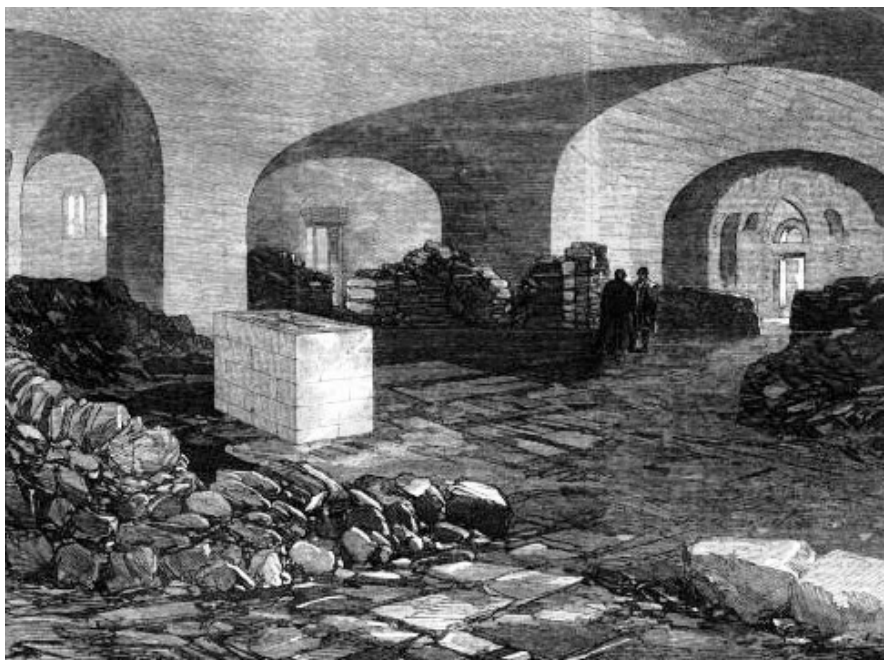

Рис. 6. Алтарь и остатки древней церкви Святого Владимира. Художник У. Симпсон. Репродукция с литографии. «Illustrated London News», 24 июля 1869 г.

Рисунки Уильяма Симпсона с изображениями древних святых мест в Инкермане и Херсонесе были опубликованы в номере «Illustrated London News» от 24 июля 1869 г. Это сразу же привлекло внимание читателей, которые теперь могли вновь увидеть Крым – театр самой масштабной войны в Европе в XIX в. И хотя на этот раз в работах художника были другие акценты – вместо батальных сцен на рисунках представлены мирные картины, в них все же прослеживаются отголоски той

разрушительной войны. Рисунок церкви, где крестился Святой Владимир, стал, таким образом, завершающим аккордом его личной крымской кампании.

При рассмотрении литографий с работ У. Симпсона немаловажным остается аспект достоверности. Художник, который, как известно, рисовал некоторые из своих эскизов не «с натуры», а по рассказам очевидцев, мог допускать погрешности, в его работах всегда оставалось место для художественного вымысла. В этой связи определенный интерес представляют фотографии послевоенного Севастополя рубежа 60–70 гг. XIX в., сделанные Константином Колпакчи (Колпакчевым). Виды Севастополя, представленные фотографом, позволяют убедиться в том, что Севастополь действительно до 1870-х гг. оставался в разрушенном состоянии. Город вступил в новую эпоху, впереди у него было новое строительство и возрождение (рис. 10).

Перевод отрывка о втором посещении Крыма Симпсоном выполнен с оригинала «Автобиографии» У. Симпсона. Авторский стиль повествования сохранен. Английские названия и фамилии переведены в соответствии с требованиями к транслитерации собственных имен на русский язык. Случаи использования автором транскрибирования русских слов в оригинальном тексте оставлены без изменений. В треугольных скобках заключены номера страниц, соответствующие расположению текста в издании 1903 г. Следом помещен перевод заметки У. Симпсона в «Illustrated London News» о крымских древностях в окрестностях Севастополя, увиденных им во время путешествия в 1869 г.

Возвращение в Крым¹

Преодолеть путь от Константинополя до Крыма в то время² можно было на пароходе, что шел до Одессы, с пересадкой на другой, идущий до Севастополя, куда я и прибыл 21 апреля (1869 г. – Т. II.).

В Севастополе была одна гостиница, принадлежавшая Ветцелю³, где я и остановился. Ее владелец, немец по происхождению, во время осады Севастополя

¹ Русский перевод выполнен по: Simpson W. The Autobiography of William Simpson, R. I. (Crimean Simpson) / ed. by G. Eyre-Todd. – London: T. Fisher Unwin, 1903. – P. 216–223.

² Уильям Симпсон совершил своё второе путешествие в Крым в 1869 г. В это время содержанием паромных линий между портами Чёрного, Азовского и Средиземного морей занималось Русское Общество Пароходства и Торговли (РОПиТ), созданное 3(15) августа 1856 г. Помимо возобновления паромных путей сообщения, расширения внешней торговли, развития отечественного мореходства, промышленности и сельского хозяйства, Общество, создавая каботажное и грузовое судоходство, поддерживало и военные интересы государства. К 1869 г. Общество достигло значительного роста: имело недвижимое имущество (заводы, пристани, мастерские, казармы, эллинги и проч.) в Севастополе, Одессе, Феодосии, Херсоне, Ялте и некоторых заграничных портах; в его активе было 63 парохода с вместимостью в 58012 тонн, 38 барж и 7 шаланд; занималось содержанием 20 паромных линий, в том числе 6 заграничных Александрийской, Анатолийской, Лондонской, Галацкой, Марсельской и двух Константинопольских; увеличило количество рейсов с 1035 в 1858 г. до 2867 в 1869 г., число перевезённых пассажиров, соответственно, возросло с 2887 чел. в 1856–57 гг. до 430229 чел. в 1869 г. [см.: 28; 32; 3; 12].

³ Николай Иванович Ветцель, потомственный почётный гражданин Севастополя, сын Иоганна Ветцеля. Его брат Вильгельм Иванович Ветцель был владельцем фабрики искусственных минеральных вод в Севастополе на Приморском бульваре. Как и его отец, Николай Иванович был содержателем гостиницы, которая именовалась «Севастополь» и располагалась на ул. Морской, между Банковским

находился в городе и рассказал мне о том времени много интересного. Мы, находясь за пределами города¹, почти ничего не знали о том, что происходит в самом Севастополе. Ветцель немного знал по-английски – достаточно, чтобы быть понятным. Если я все правильно помню, он был управляющим главного военного клуба в Севастополе². После первой же бомбардировки это здание приспособили под перевязочный пункт для раненых, где проводили операции³. В Николаевском форте был оборудован госпиталь, куда отправляли всех больных, подающих надежды на выздоровление. Безднажные больные отправлялись в другое учреждение⁴. Солдаты

переулком и Корниловской площадью. По свидетельству современников, гостиница существовала с 1852 г., владелец выстроил её в течение двух месяцев, истратив на это четыре тысячи рублей. После Крымской войны в 1857 г. в ней останавливался Д. Афанасьев, и, вероятно, в ней же пребывал У. Симпсон. После войны Ветцель приобрёл и отстроил бывший дом адмирала П. С. Нахимова – одноэтажное здание с семью окнами, расположенное по адресу ул. Екатерининская, 6. Одно из первых упоминаний о гостинице Ветцеля по этому адресу встречается в путеводителе 1871 г. М. А. Сосногоровой. В 70-е гг. XIX в. дом, бывший последним пристанищем славного адмирала – защитника Севастополя, почитался приезжими как местная достопримечательность, к тому же он находился по соседству с «Севастопольским музеем», открытым в 1869 г., в котором также хранилась память об осаде Севастополя. Гостиница Ветцеля до начала XX в. оставалась лучшей гостиницей города, составляя конкуренцию гостиницам «Кист» и «Гранд-Отель», была одной из шести первоклассных гостиниц дореволюционного Севастополя («Ветцель», «Кист», «Гранд-Отель», «Северная», «Бристоль», «Центральная») [1, с. 158; 11, с. 24–27, 81; 22, с. 134; 20, с. 287; 31, с. 208–209, 220; 2, с. 134–146; 38, с. 150–159].

¹ Лагерь союзных войск и военные склады располагались в Балаклаве.

² Главным военным клубом Севастополя Симпсон называет Севастопольское Морское Собрание – духовный, культурный и интеллектуальный центр города и флота в XIX – начале 20-х гг. XX в. Именуемое Благородным, Собрание учреждалось на началах традиций Русского Флота и офицерской чести. В Морском Собрании проходили балы и танцевальные вечера, это было место для «взаимных поздравлений». В рождественские и пасхальные праздники, в Новый год в Морском Собрании собирались первые лица города и чины морского ведомства, там зачитывались телеграммы с поздравлениями, пришедшие в Севастополь из Санкт-Петербурга и других городов России. В Морском Собрании с научными сообщениями и лекциями выступали офицеры флота.

Здание для Собрания (другое название – Дом общего собрания флагманов и капитанов) было построено в 1843–1847 гг. по проекту академика архитектуры А. П. Брюллова и располагалось на Екатерининской площади, у подножия холма, на котором расположен Матросский бульвар. Это было одно из лучших зданий Севастополя, выполненное в классическом стиле. Оно состояло из более высокого центрального корпуса и двух боковых. Вход подчеркивал портик с фронтоном. Главный фасад украшали мраморные рельефы работы итальянского скульптора Ф. Пелличчио. Николай Иванович Ветцель был управляющим (экономом) Благородного Собрания Севастополя.

³ Во время Крымской войны в Офицерском собрании размещался главный перевязочный пункт для войск Городской стороны; в двухсветном зале находилась операционная, в которой работал военный хирург Н. И. Пирогов. В годы Крымской войны 1854–1855 гг. здание было разрушено. На его месте в 1887 г. было построено новое здание Собрания, к которому по крытому переходу примыкала Морская библиотека [19, с. 119].

⁴ Во времена Крымской войны и первой осады Севастополя безнадежно больные и раненые, обречённые на смерть, по распоряжению Н. И. Пирогова, отправлялись в так называемый дом Гущина, чтобы «вид смерти не лишил бодрости остальных раненых». Дом этот, расположенный в центре города на ул. Морской (ныне проспект Нахимова), принадлежал севастопольскому купцу первой гильдии Ивану Яковлевичу Гущину (1806–1868), городскому голове в 1843–1848 гг., который, помимо дома на ул. Морской, имел трактир на Северной стороне. В конце XIX века дом принадлежал М. И. Терентьевой. В 1900-е гг. в здании размещался модно-галантерейный магазин Г. Б. Левинзона, модный магазин готового платья И. Н. Кигеля, вино-бакалейный магазин М. Боровика. В годы Великой Отечественной войны здание сильно пострадало [37, с. 487; 18, с. 157–158].

скоро смекнули это и уже знали, какой исход их ждет, в зависимости от того, в какую больницу их отправили. Это угнетало тех, чьи случаи были тяжелейшими, и, как сказал мне Ветцель, под влиянием этого факта кончина их наступала скорее. В начале осады в Севастополе было около 10 000 военнопленных. Адмирал Корнилов приказал освободить их и определить на работы; Ветцель рассказывал, что они показали себя на месте лучше солдат. Эти мужчины и моряки никогда не менялись в батареях, в то время как солдаты сменялись каждый день или, по крайней мере, регулярно через определенные промежутки времени.

Рис. 7. Гробница в скале в древнем Херсоне. Художник У. Симпсон. Репродукция с литографии. «Illustrated London News», 24 июля 1869 г.

Больше всего меня увлек рассказ Ветцеля о человеке, имя которого носит Малахов курган¹. Малахов был флотским казначеем в Севастополе, и в число его

¹ Эта же гипотеза происхождения названия Малахова кургана была изложена в статье анонимного автора «Записки севастопольца», опубликованной в «Русском архиве» в 1867 г. Статья, встреченная неоднозначно, положила начало дискуссии относительно данного топонима.

Предположения авторов строились преимущественно на устных рассказах легендарного характера старожилов Севастополя. В. Шавшин на основании документов, хранящихся в Российском государственном архиве военно-морского флота в Санкт-Петербурге, обоснованно утверждает, что курган назван по имени Михаила Михайловича Малахова, служившего в Севастополе с 1827 г. и командовавшего ротой 18-го рабочего экипажа. М. М. Малахов поселился на Корабельной стороне, пользовался авторитетом среди нижних чинов и бедноты. Вскоре фамилия капитана и высота на Корабельной слились для горожан воедино, а курган стал называться Малаховым.

Взятие Малахова кургана французскими войсками 27 августа 1855 г. положило конец 349-дневной обороне Севастополя. В честь этого события капитан Жан-Жак Пелисье, бывший на тот момент

обязанностей входили поставки продовольствия и <216> напитков на корабль, к которому он был приписан. Поставляя напитки, он нашел способ обойти акцизный сбор, а выручку присвоить себе. За это его судили военно-полевым судом и признали виновным в обмане и мошенничестве, а также в пьянстве, так что он был уволен со службы. Оказавшись изгоем, ему все равно нужно было как-то жить, а в его случае ему было важно, чтобы он мог при этом «пить». С этой целью он решил открыть лавку спиртных напитков. Схемы, по которым он мог обходить акциз, все так же им практиковались, таким образом, он мог продавать дешевле остальных. Это сделало детище Малахова по сравнению с другими заведениями более посещаемым, что было актуально среди русских, которые сильно пьют и делают это частью своей работы. Они не выпивают по случаю, как это делают в Западной Европе. Западные люди любят посидеть с друзьями за приятной беседой и могут время от времени, если общение продолжается, выпить немного лишнего. Русский человек знает, сколько требуется, чтобы он сделался пьян, и действует соответственно. Если он может напиться, заплатив при этом меньше в одном магазине, чем в другом, он идет в тот магазин. Малахов сыграл на этой особенности и привлек тем самым русских солдат и матросов, которые соответственно ему покровительствовали. Местом для открытия его лавки (мне помнится, Ветцель назвал ее деревянным домиком) был холм, который впоследствии стал известен под его именем. Ранее это была пустынная каменистая возвышенность за пределами города с позорной репутацией и слыла местом захоронения самоубийц. Корабельная сторона, где жили моряки, была недалеко от того места, и спиртная лавка стала местом отдыха для этих людей и была отмечена многочисленными беспорядками, возникающими вследствие характера места. В свое время высота стала известна как «Малахов курган» по имени этого пьяного мошенника и опозорившегося казначея, а теперь это гордое звание присвоено генералу Пелисьеру, герцогу Малаховскому. Русские офицеры, которые случайно узнали об этой истории, должно быть, долго смеялись, когда было объявлено о новом звании французского главнокомандующего.

Когда я увидел Севастополь вновь через 13 лет, прежде всего меня поразило, что город до сих пор лежал в руинах. Жилые дома <217> кое-где были подправлены и отреставрированы, а огромные казармы, которые мы во время осады называли «белыми домами», были все в том же разрушенном состоянии, как и в конце войны. Перед ними, если смотреть в сторону главной бухты, после войны был установлен памятник адмиралу Лазареву¹. Надпись «1866» на нем подсказывала, что памятник стоял там

командующим всеми французскими силами под Севастополем, был удостоен звания герцога Малаховского (22 июля 1856 г.) [13; 27; 30; 40, с. 55–56].

¹ Инициатива воздвигнуть памятник М. П. Лазареву возникла сразу после его похорон 7 мая 1851 г. Организацией установки памятника руководил контр-адмирал В. А. Корнилов. Проект памятника был исполнен скульптором Н. С. Пименовым уже в декабре 1854 г., однако воплотить проект в жизнь помешала Крымская война. Гипсовая фигура адмирала была отлита в апреле 1863 г., которую планировалось поставить на месте флотских казарм так, чтобы она была видна всем судам в Севастопольской бухте. Пьедестал предполагалось сделать из диорита, а ступени под пьедесталом – из вознесенского гранита. Выполнить всю работу скульптор Пименов не успел – в 1864 г. он скончался, его работу продолжил русский скульптор И. И. Подозеров. Памятник был торжественно открыт 9 сентября 1867 г. на мысе Лазарева перед Лазаревскими морскими казармами. Бронзовая статуя высотой около 6,4 м (общая высота монумента – около 15 м) была установлена на средства, собранные среди

не более двух лет. Колоссальная черная фигура адмирала имела весьма жуткий вид, стоя напротив руин белых казарм, расположенных позади. Лазарев был в числе основателей Севастополя и Черноморского флота, поэтому с целью почтить его память и была установлена эта статуя. Но было весьма разительно видеть фигуру этого человека на развалинах города, который он построил.

Я должен сказать о великолепном мемориальном храме, который был возведен над могилами четырех адмиралов¹. Лазарев, как уже упоминалось, умер в Вене в 1851 году, но его тело было перевезено в Севастополь с большим почетом на военном корабле, адмиралы отнесли гроб с телом адмирала на вершину холма, рядом с так называемой Башней Ветров. Но начавшаяся война помешала строительству церкви в то время.

офицеров флота. Памятник представлял из себя фигуру адмирала во весь рост без фуражки, обращенную лицом к рейду. Под левой рукой была подзорная труба. Взгляд Лазарева устремлен вдаль. На гранитном пьедестале под бронзовым щитом фамильного герба разместилась надпись: «Адмиралу, Генерал-Адъютанту Михаилу Петровичу Лазареву. Лѣта 1866».

Снесён монумент в 1928 г., по рекомендации комиссии, решившей, что памятник не имеет исторической значимости. На месте снесённого памятника в 2000-е гг., после передачи Лазаревских казарм Черноморскому филиалу МГУ, был установлен памятный камень с надписью «На этом месте в 1866 году был воздвигнут памятник великому русскому флотоводцу и мореплавателю, командующему Черноморским флотом России с 1834 по 1851 год, адмиралу М. П. Лазареву» [26, с. 186; 21, с. 67–71].

¹ Речь идёт о Соборе Святого Равноапостольного князя Владимира, усыпальнице адмиралов, расположенном на Центральном городском холме Севастополя. История собора началась в 1825 г., когда командующий Черноморского флота адмирал А. С. Грейг подал прошение императору Александру I установить памятник на развалинах Херсонеса, в котором, по преданию, был крещён князь Владимир. Утверждение получил проект архитектора К. А. Тона – крестово-купольный пятиглавый кубовидный храм в русско-византийском стиле. По ходатайству адмирала М. П. Лазарева было принято решение о строительстве собора в центре города.

В 1851 г. умер адмирал М. П. Лазарев, командующий Черноморского флота, и в память о его заслугах решено было похоронить его в специально сооружённом склепе на месте будущего собора. Закладка собора была произведена 15 июля 1854 г., к началу осады Севастополя успели возвести только фундамент.

Во время Крымской войны в склепе будущего храма были захоронены адмиралы В. А. Корнилов, В. И. Истомин, П. С. Нахимов, погибшие на бастионах Севастополя.

После Крымской войны, в 1862 г., работы по возведению собора возобновились. Для этого пригласили известного архитектора, академика А. А. Авдеева, который переработал проект К. А. Тона на основе традиционной византийской церковной архитектуры. В 1881 г. закончено сооружение нижней церкви, а в 1888 г., после смерти А. А. Авдеева – завершено строительство верхней. Таким образом, У. Симпсон в 1869 г. видел ещё строящийся собор, а вернее – незавершённую нижнюю церковь будущего собора.

Рис. 8. Гробница в скале в древнем Херсоне. Рисунок У. Симпсона. Карандаш. 23 апреля 1869 г. Музей Виктории и Альберта, Лондон.

После осады у Лазарева в его усыпальнице появились товарищи. Адмирал Корнилов был убит на Малаховом кургане 17 октября 1854 года¹. Адмирал Эстонский² был убит выстрелом в голову в мае³ 1855 года. И когда адмирал Нахимов погиб в августе того же года, склеп можно было дополнить. Над могилами этих четырех адмиралов, на самой высокой точке Севастополя, была возведена изящная церковь в честь святого Владимира. Ветцель сказал мне, что Нахимов был глубоким патриотом, и если бы он дожил до сдачи Севастополя, то, по всей вероятности, не смог бы перенести этого ужаса и отчаяния.

В день моего приезда в город я прошел по местам наших наиболее кровопролитных сражений, а затем по карьерам, где находились три наших

¹ Дата дана британцем Симпсоном по григорианскому календарю, используемому в Европе. В России, которая до 1918 г. жила по старому стилю, днём смерти Корнилова был, соответственно, 5 октября 1854 г.

² Estonian – так в тексте. Искаженное «Истомин».

В оригинальном тексте У. Симпсона фамилия В. И. Истомина искажена, что, должно быть, было связано с неверным восприятием и транслитерацией русской фамилии, созвучной со словом «Estonian».

³ Автор ошибается. Истомин был убит прямым попаданием ядра в голову 7 (19) марта 1855 г.

захоронения. Другое небольшое захоронение должно быть за тем местом, которое мы знали как «окопы Эджертон»¹.

На следующее утро солдаты занимались бурением на Корабельной стороне, и гул бура дополнялся мушкетной стрельбой. Эти звуки, столь знакомые мне после первого посещения Севастополя, напомнили мне былые времена. Этим утром я вышел в направлении Карантинной бухты, чтобы увидеть остатки древнего Херсона. Там расположены многочисленные гробницы, высеченные в скале, и остатки древней церкви Святого Владимира. На этом месте построили новую церковь, а древняя, каменный алтарь которой сохранился, осталась внутри.

В Инкермане я часто смотрел на долину, в конце которой на другом берегу реки Черной расположена перпендикулярная скала, испещренная пещерами, и мечтал побывать в этом месте; но наши противники заняли то место. Во время моего второго визита все было иначе, и я мог подойти безо всякой опасности к этому интересному месту.

Это место известно как «пещерный город». Молодой монах по имени Федор провел меня через пещеры и церкви, или часовни, вырытые в скале. По-русски я знал всего пару слов, но из разговора с ним я понял, что пещеры эти были гробницами, кроме одной или двух, больших по размеру, служивших, вероятно, часовнями. Центральная часовня была разрушена с внешней стороны и впоследствии достроена. Недавно ее отделали и покрасили, иконостас выглядел совершенно новым. Алтарь, как я понял, был высечен из цельной скалы. Святой Климент, как полагают, был основателем монастыря. Название этой церкви было, соответственно, – «Sobore Swetie Clement» (Собор Святого Климента – *Т. П.*) – «sobore» означает «церковь», а «swetie» является русским эквивалентом слова «святой». Католическая церковь почитает Святого Климента, следовавшего учению Святого Петра, как Римского Папу, который подвергся гонениям и был сослан на работы в инкерманские каменоломни; так что относительно этой истории латинская и греческая церкви соглашаются. Федор рассказал мне, насколько я смог его понять, что Климент прибыл в Инкерман в 93 г. н. э. и впоследствии был похоронен в церкви. Федор указал на место под алтарем как на место погребения Климента. Пол церкви был деревянным, что нетипично для скального строения. В конце ступеней, снаружи церкви, расположены усыпальницы, «grabnitsa», как их называл Федор, и в одной из них был гроб с черным покрывом. В другом, за стеклянным люком или окном, были видны черепа. Мы вернулись в один из монастырских домов внизу. Там нас ждал горячий самовар и мы пили чай. Федор хлопотал вокруг стола, наливая чай и прочее, с грацией и любезностью хорошо воспитанной леди.

Утром я поднялся рано, чтобы отправиться в Балаклаву. Я прошел вдоль изголовья бухты, где были сосредоточены наши укрепления на левом фланге, и

¹ Полковник Томас Грэхем Эджертон командовал 77-м пехотным полком (Восточный Мидлсекс) в период осады Севастополя во время Крымской войны. Погиб в возрасте 42 лет в ночь с 18 на 19 апреля 1855 г. при штурме русских стрелковых окопов, расположенных перед позициями Редана. Впоследствии британский главнокомандующий лорд Раглан называл захват солдатами Эджертон русских позиций, которые после его смерти стали известны как «окопы Эджертон», «блестящим завоеванием», которое дорого стоило союзникам и потребовало принесения в жертву полковника Эджертон, одного из лучших офицеров в армии [48, p. 111].

обнаружил углубление, частично переходящее в пещеру в скале, где я провел целый день, рисуя Севастополь. Я миновал наши траншеи и Каткартов холм, вышел в лагерь моряков и к бывшему месту нашего штаба.

Рис. 9. Возвращение в Крым: руины города Севастополя. Художник У. Симпсон. Репродукция с литографии. «Illustrated London news», 29 мая 1869 г.

В седловине, или на перешейке, там, где дорога из Балаклавы поворачивает на плато, оставляя в стороне долину, я вышел на остатки нашей железной дороги и смотрел вниз на знаменитые земли балаклавских атак. Равнина внизу использовалась под насаждения, виноградники тянулись из Кадыкоя и стояли темной стеной, где «тонкая красная линия»¹ встретила русскую кавалерию. Пока я спускался в Кадыкой, я мог видеть старую линию обороны, занимаемую отрядом сэра Колина².

¹ Тонкая красная линия (англ. *The Thin Red Line*) – эпизод битвы при Балаклаве 25 октября 1854 г., в ходе которого 93-м шотландским пехотным полком были отражены горцы 1-го Уральского казачьего полка подполковника Хорошхина. Для того, чтобы прикрыть слишком широкий фронт атаки русской кавалерии, генерал-майор сэр Колин Кэмпбелл приказал своим солдатам построиться в шеренгу по два, вместо предусмотренной уставами в таких случаях шеренги по четыре. Шотландские мундиры были красного цвета, отсюда и пошло название «Тонкая красная линия», которое стало художественным образом – символом стойкости и самопожертвования. Корреспондент «Таймс» Уильям Рассел описал шотландский полк в этот момент как «тонкую красную полосу, ошетилившуюся сталью». Со временем это выражение перешло в устойчивый оборот «тонкая красная линия», обозначающий оборону из последних сил. Эта фраза стала символом британского хладнокровия в сражениях.

² Колин Кэмпбелл, 1-й барон Клайд Клайдсдельский (1792–1863) – британский государственный и военный деятель шотландского происхождения, фельдмаршал. Участник военных действий на Пиренейском полуострове в 1808–1809 гг., Англо-американской (1812–1815), Первой опиумной (1840–1842) и Восточной (1853–1856) войн. 21 февраля 1854 г. получил временное звание бригадного генерала и назначен командиром бригады шотландских горцев. Высадившись в Крыму, 20 сентября участвовал в

И снова здесь через тринадцать лет я был в Балаклаве – такой спокойной и тихой – здесь снова воцарился мир! Какой контраст по сравнению с моим первым впечатлением! Вместо тесного нагромождения транспортных судов здесь было лишь несколько маленьких рыбацких лодок. Вода была спокойной и прозрачной. Когда я приблизился к городу, не было видно ни души – город отошел ко сну. Я изнемогал от усталости и жажды и вошел в первый дом, в котором, как мне показалось, можно было отдохнуть и освежиться. Хозяин дома спал вместе со всем городом. Когда он встал, оказалось, что это грек, который знал немного по-итальянски, так что он понял слово «vino» и пошел за напитком. Я спросил: «Questo Vino?»¹, и он ответил: «Балаклава». Это было белое крымское вино.

К нам присоединился мужчина, и когда я спросил его, не татарин ли он, то ответ был отрицательный. «Караим», – сказал он. Я догадался, что он принадлежал к евреям Крыма, известным как караимы. Они отвергают Талмуд и строго придерживаются Пятикнижия, а живут на Чуфут-Кале и в Бахчисарае. Я хотел узнать, понимает ли он иврит, и обратился к нему со словами «Barashit bara Elohim», т. е. произнес первые слова из книги Бытия. Эти слова были ему знакомы. Затем я написал слово «Иерусалим» на иврите, которое он тут же прочитал. Его звали Яков Каракуш, <220> караим из Бахчисарая. Он носил платье, похожее на татарские, но лучше скроенное.

У меня было рекомендательное письмо полковнику Бракеру, джентльмену, который жил в старой штаб-квартире лорда Раглана². Я нанес ему визит, нашел мадам Бракер дома и осмотрел старые места. Мадам Бракер сообщила мне, что до начала Крымской войны дом принадлежал семье мужа и они покинули его, только когда наша армия прибыла в город. Они оставили большую часть мебели на своих местах, которая, конечно же, пропала, когда они вернулись после войны. Комнаты во время моего визита были хорошо убраны, обставлены цветами и растениями в горшках, что контрастировало со старым образом этого места – перед моими глазами стояли голые военные бараки британского штаба. Г-жа Бракер сделала из кабинета лорда Раглана

сражении при Альме, 25 октября — в Балаклавском сражении (эпизод отражения его солдатами наступления русских горцев получил название «Тонкая красная линия»). 23 января 1855 г. произведён во временные генерал-лейтенанты, 5 июля принят в Рыцари большого креста ордена Бани. Сменил герцога Кембриджского в качестве командира 1-й дивизии (бригада шотландских горцев и гвардейская бригада). 4 июня 1856 г. ему присвоено временное звание полного генерала и постоянное звание генерал-лейтенанта.

¹ Что это за вино? (итал.).

² 23 сентября (5 октября) 1854 г. главнокомандующий английской армией Раглан перенёс свою штаб-квартиру ближе к Севастополю на хутор русского генерала Августа Богдановича Бракера, который находился в районе 7-го километра Балаклавского шоссе, слева от шоссе Севастополь – Балаклава. 16 (28) июня 1855 г. на этом хуторе лорд Раглан скончался от холеры. Его тело отправили в Великобританию. После него на хуторе Бракера жили английские главнокомандующие – генерал Джеймс Симпсон, отозванный в Англию, и генерал-лейтенант Вильям Джон Кондригтон – впоследствии губернатор Гибралтара.

В комнате, где умер лорд Раглан, в стену вмонтировали мраморную плиту с мемориальным текстом: «В этой комнате умер фельдмаршал лорд Раглан, командующий британской армией в Крыму, 28 июня 1855 г». Такая же гранитная плита была установлена у колодца, третья – на доме Бракера с текстом, что здесь жили английские главнокомандующие – Раглан, Симпсон и Кондригтон. Ныне мемориальные доски утрачены [39, с. 134].

гостиную, а на стене висела мраморная плита с надписью: «В этой комнате умер фельдмаршал Лорд Раглан, Рыцарь Большого Креста, главнокомандующий британской армии в Крыму, 28 июня 1855 г.». Ниже была еще одна плита с той же надписью, но на русском языке. Бракеры держали цветы рядом с этими надписями; и на фотографии, которую они дали мне для леди Эстсуорт¹, есть два кипариса, которые владельцы дома держали в доме в зимние холода. На двери между этой комнатой и залой, в которой лорд Раглан и его подчиненные слушали мессу, была следующая надпись: «Фельдмаршал лорд Раглан, генерал сэр Дж. Симпсон, генерал У. Кодрингтон» <221>.

В комнате была еще одна плита с единственной надписью «Капитан Понсонби».

Тело лорда Раглана забальзамировали, прежде чем он был отправлен домой в Англию, а на месте в саду, где его сердце и прочее было похоронено, стоял камень с надписью: «Вечная память фельдмаршалу лорду Раглану, Рыцарю Большого Креста, главнокомандующему британской армии в Крыму, умершему 28 июня 1855 г.». В его изголовье был колодец и ивовое дерево. А вокруг пышным цветом цвели яблони и другие фруктовые деревья.

Леди Эстсуорт разрешила мне потратить любые деньги, необходимые для ремонта и приведения в порядок могилы мужа. Но я посчитал, что могила справлена хорошо и не требует никаких улучшений. Она располагалась в северной части большого сада. Я взял цветок или два оттуда, чтобы отправить домой леди Эстсуорт.

Из штаба я вернулся на Каткартов холм и отправился к захоронению возле местоположения заградительного отряда легкой кавалерии. Там я нашел могилы полковника Хэндкока² и майора Уэлсфорда³. Могила Хедли Викарса⁴ была рядом с ними с небольшой каменной плитой, надпись на которой была довольно разборчивой. Я также нашел могилу брата Джона МакГрегора⁵ (Роба Роя) и обнаружил, что он служил в 97-м полку, что напомнило мне о его смерти, которая настала во время атаки Редана, когда погибли Хэндкок и Уэлсфорд.

По возвращении в Одессу я встретился с нашим консулом Джорджем Х. Стивенсом и он подкинул мне неплохую идею насчет могил британских солдат в

¹ Джеймс Эстсуорт (1802–1855) – британский генерал-майор, участник Крымской войны. 21 февраля 1854 г. был назначен бригадным генералом и генерал-адъютантом экспедиционных сил в Крыму. Назначением на столь важный пост он был обязан своему другу лорду Раглану. В должности адъютанта-генерала он эффективно выполнял свои обязанности во время осады Галлиполи и Варны, а также в битвах на реке Альме и под Инкерманом. Назначен генерал-майором 12 декабря 1854 г. Умер 24 июня 1855 г., заболев холерой.

² Подполковник Генри Роберт Хэндкок (между 1802 и 1807 – 1855) – британский военный, командующий 97-м пехотным полком. Участник Крымской войны, погиб под Севастополем 8 сентября 1855 г.

³ Уэлсфорд Август Фредерик (1811–1855) – британский офицер, майор в составе 97-го пехотного полка. Участник Крымской войны. Погиб 8 сентября 1855 г. под Севастополем.

⁴ Хедли Викарс (1826–1855) – британский офицер и евангелист, погибший во время Крымской войны. В 1843 г. поступил на службу в 97-й пехотный полк, в армии увлекся чтением проповедей, был активным членом Общества дружелюбных солдат. 20 ноября 1854 г. прибыл в Крым и принял участие в осаде Севастополя. Погиб в ночь на 22 марта 1855 г. во время военной вылазки.

⁵ Джон МакГрегор (1825–1892) – шотландский исследователь, писатель, филантроп, основатель Британского королевского каноэ-клуба (1866 г.). Прозван Роб Роем по имени знаменитого предка – Роберта Роя МакГрегора (1671–1734), национального героя Шотландии, шотландского Робин Гуда.

Крым. Он сказал, что существует 89 кладбищ <222>, разбросанных по площади более 80 квадратных миль, что делает невозможным сконцентрировать все останки в одном месте. У него была идея выкупить штаб-квартиру и собрать там тела всех погибших. От него же я подробно узнал о Грэнвиле Мюррее¹, его предшественнике на этом посту в Одессе, – о том, как деньги были посланы нашим правительством на приведение могил в порядок и как Мюррей использовал их в своих целях. Грэнвиль Мюррей был очень умным человеком и талантливым писателем.

В Одессе я застал пароход, направляющийся в Галац. Поэтому я сел на другой, идущий вверх по Дунаю, проходящий через «Железные Ворота»², и в Базиаше³ пересел на поезд в Вену. Отсюда я прибыл по железной дороге на Рейн и через Кельн и Брюссель – в Лондон <223>.

Крымские древности⁴

В дополнение к местам и объектам, связанным с войной 1854–1855 гг. и осадой Севастополя, рисовать которые недавно представилась возможность нашему специальному корреспонденту, он подготовил иллюстрации с остатками византийских древностей в окрестностях Севастополя. Первой в поле зрения художника оказалась высеченная в скале церковь в Инкермане. Автор написал по поводу данного объекта следующее:

«Новый монастырь, построенный в Инкермане после Крымской войны, представляет собой красивое сооружение, которое расположено прямо под скалой, на вершине которой находятся древние руины. Поднимаясь к ним, я встретил двух монахов, которые поприветствовали меня именем Христа. Один из них провел меня по монастырю. Сперва мы прошли через дверь и поднялись вверх по лестнице, высеченной в скале, по сторонам которой располагались необычные усыпальницы или часовни. В одной из них была стеклянная дверь, сквозь которую было видно, что часовня заполнена костями; казалось, что пустые глазницы черепов уставились прямо на нас. В другой стоял гроб под черным бархатным покрывом.

¹ Эстас Клэр Гренвиль Муррэй (1824 или 1825 – 1881) – британский дипломат и журналист, генеральный консул Великобритании в Одессе. Выпускник Оксфордского университета, с 14 июля 1851 г. – атташе британского посольства в Вене и одновременно венский корреспондент «Morning Post». С 19 октября 1852 г. – атташе в Константинополе, а с 1855 г. служил в должности генерального консула в Одессе до 1868 г., когда произошёл конфликт с британскими резидентами в Одессе. Бежал в Париж, принял имя графа Rethel d'Aragon и до самой смерти писал в английские газеты.

² Железные ворота – сужение в долине Дуная в месте сближения Карпат и Стара-Планины (речные ворота) на границе Сербии и Румынии ниже города Оршов.

³ Село в Румынии, где располагается одноимённый мужской монастырь.

⁴ Русский перевод выполнен по: The antiquities of the Crimea // The Illustrated London news. – 1869. – Vol. 55, № 1549. – P. 87–89.

Рис. 10. Панорама прибрежной части Севастополя у Карантинной бухты (часть акватории Севастопольской бухты к западу от южного входного мола). Фотография К. Колпакчи. Конец XIX в.

Главная церковь после недавнего ремонта была в неплохом состоянии. Во время войны в ней квартировались солдаты, задачей которых было вести огонь по всем, кто пойдет слишком далеко в Инкерманскую долину... Мой проводник показал мне ядро, которое залетело через дверь, и место, где оно застряло.

Мне было интересно узнать, к какому времени относились эти пещеры. Монах сказал мне, что они относятся к временам христианским и служили церквями или жилищами для монахов, или склепами – “grabnitza” – как он их называл. Церковь была освящена в честь святого Климента, сосланного в эти места во времена правления императора Траяна. Климент работал на каменоломнях, но его труд, вероятно, заключался в высечении скальных церквей, носящих его имя. Полагают, что сам святой мог быть похоронен в алтарной части этой церкви, которую я изобразил на моем рисунке. Конструкция этой церкви является типичной для большинства греческих христианских церквей и, возможно, большая часть пещер относится к одному с ней периоду, хотя некоторые из них могут иметь гораздо более древний возраст. Если сама церковь восходит ко времени правления Траяна, то маленькая часовня, расположенная слева от нее, имеет гораздо более древний вид. Поскольку наружная часть скалы перед этой церковью разрушена, был построен

новый фасад церкви с деревянным балконом. С этого балкона открывается невероятно красивый вид на долину реки Черной, Инкерманские высоты, или Сапун-гору, и устье большой Севастопольской бухты.

Это прекрасное место для жизни монахов. Я должен сказать, ко вниманию всех тех, кто хочет посетить Инкерман, что монахи здесь очень внимательны к посетителям. Моего проводника звали Федор. Он проявил невероятное терпение, пока я делал свои наброски, и делал все, что мог, чтобы все вокруг мне объяснить, хотя общение наше было ограничено и нам даже потребовалось использовать два или три языка, чтобы обменяться несколькими словами, понятными обоим. Он пригласил меня в свою келью, нагрел самовар и приготовил простое угощение, состоящее из чашки чая с сахаром и булки хлеба, проявляя невероятную легкость и заботу.

Церковь Святого Владимира среди руин древнего Херсона является следующим представленным объектом. Херсон – древний город, который предшествовал Севастополю. Я стоял на краю мыса, который образует южную сторону входа в так называемую Карантинную бухту. На одной стороне этого лимана французы устроили батарею, русские постройки были на другой. В центре возвышалась огромная насыпь из остатков старого города, на которой французы построили большую и важную батарею, назвав ее батареей Наполеона¹. До сих пор еще можно проследить древние стены города по их бесформенным возвышающимся массам. Наибольшую важность представляют развалины трех церквей. Одна из них, посвященная святому Владимиру, который обратил Россию в христианство, настолько почитаема, что ради сохранения нескольких камней ее фундамента был построен склеп. Древняя церковь была греческой формы, с апсидой, в которой еще стоит каменный алтарь с крестом на плите. Стены церкви сложены из грубых камней. Вероятно, стоит отметить, что апсида этой церкви, как и двух других в Херсоне, находится в северной части, а не на востоке, как обычно встречается в восточной и западной церквях.

Владимир пришел с войском в Херсон и потребовал крещения для себя и своего войска. Кроме того, он потребовал руку византийской принцессы. Добиваться своих требований ему пришлось с помощью длительной осады, которая не уступала по продолжительности и мощности недавней осаде Севастополя. Князь получил свое и вдобавок крестил большую часть Руси. В Херсоне после войны был отстроен монастырь святого Владимира.

Среди многочисленных скальных гробниц в Крыму пещеры в Инкермане в этом случае наиболее многочисленны и показательны. Скалистые склоны долин в окрестностях древнего Херсона изобилуют подобными выемками и схожи с памятниками в долине Кедрон и других местах возле Иерусалима. Известняк здесь мягкий и его довольно легко вырезать. Некоторые из этих гробниц до сих пор чистые и белые, в то время как другие используются как загоны для крупного рогатого скота и овец. Татары в некоторых случаях достраивают их спереди и устраивают в них жилища».

Список использованных источников и литературы

¹ Судя по картографическим материалам времён Крымской войны, батареей Наполеона называли батарею № 57, которая была построена в 1855 г. в северо-восточной части Херсонесского городища.

1. А. К. Отрывки из воспоминаний: Крымская война: 1853–1856 гг. // Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя: сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея / под ред. Н. Дубровина. – СПб.: Типография департамента уделов, 1872. – Вып. 3. – С. 138–161.

А. К. Otryvki iz vospominanii: Krymskaya voyna: 1853–1856 gg. // Materialy dlya istorii Krymskoi voiny i oborony Sevastopolya: sbornik, izdavaemyi komitetom po ustroystvu Sevastopol'skogo muzeya / pod red. N. Dubrovina. – Sankt-Peterburg: Tipografiya departamenta udelov, 1872. – Vyp. 3. – S. 138–161.
2. Афанасьев Д. Севастополь и его окрестности в настоящее время // Современник. – 1857. – Т. 62. – № 1. – С. 134–146.

Afanas'ev D. Sevastopol' i ego okrestnosti v nastoyashchee vremya // Sovremennik. – 1857. – T. 62. – № 1. – S. 134–146.
3. Барышников М. Н. Русское Общество Пароходства и Торговли: учреждение, функционирование, перспективы развития (1856–1864 гг.) // TERRA ECONOMICUS. – 2015. – Т. 13. – № 2. – С. 106–130.

Baryshnikov M. N. Russkoe Obshchestvo Parokhodstva i Torgovli: uchrezhdenie, funktsionirovanie, perspektivy razvitiya (1856–1864 gg.) // TERRA ECONOMICUS. – 2015. – T. 13. – № 2. – S. 106–130.
4. Гриневиц К. Э. Сто лет херсонесских раскопок. 1827–1927. Исторический очерк с экскурсионным планом. – Севастополь: 2-я Гостипография «Крымполиграфтреста», 1927. – 54 с.

Grinevich K. E. Sto let khersonesskikh raskopok. 1827–1927. Istoricheskii ocherk s ekskursionnym planom. – Sevastopol': 2-ya Gostipografiya «Krympoligraftresta», 1927. – 54 s.
5. Гриневиц К. Э. Иллюстрированный путеводитель по Херсонесу Таврическому: история, руины, музеев. – Севастополь: 2-я Гостипография «Крымполиграфтреста», 1926. – 168 с.

Grinevich K. E. Illyustrirovannyi putevoditel' po Khersonesu Tavricheskomu: istoriya, ruiny, muzei. – Sevastopol': 2-ya Gostipografiya «Krympoligraftresta», 1926. – 168 s.
6. Деремедведь Е. Н. Крымская Ривьера: авантурные приключения: заметки по литературно-историческому краеведению. – Симферополь: СОНАТ, 2008. – 208 с.

Deremedved' E. N. Krymskaya Riv'era: avantyurnye prikladyeniya: zametki po literaturno-istoricheskomu kraevedeniyu. – Simferopol': SONAT, 2008. – 208 s.
7. Деремедведь Е. Н. Крым: по следам забытых путешествий: заметки по литературно-историческому краеведению. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2013. – 184 с.

Deremedved' E. N. Krym: po sledam zabytykh puteshestvii: zametki po literaturno-istoricheskomu kraevedeniyu. – Simferopol': Biznes-Inform, 2013. – 184 s.
8. Деремедведь Е. Н. Рецепция образа Крыма в путевых заметках английских путешественников конца XVIII – начала XX века // Вопросы литературы. – 2004. – № 10 (67). – С. 142–151.

Deremedved' E. N. Retsepsiya obraza Kryma v putevykh zametkakh angliiskikh puteshestvenniks kontsa XVIII – nachala XX veka // Voprosy literatury. – 2004. – № 10 (67). – S. 142–151.
9. Дюбуа де Монпере Ф., де. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и Крым: в 6 т. Т. 5, 6 / пер. с фр. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. – 328 с.

Dyubua de Monpere F., de. Puteshestvie po Kavkazu, k cherkesam i abkhazam, v Gruziyu, Armeniyu i Krym: v 6 t. T. 5, 6 / per. s fr. – Simferopol': Biznes-Inform, 2009. – 328 s.
10. Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. – СПб.: Полигон, 2002. – 566 с.

Zaionchkovskii A. M. Vostochnaya voyna 1853–1856 gg. – Sankt-Peterburg: Poligon, 2002. – 566 s.
11. Жуков К. Заметки на пути на Южный берег Крыма. – СПб., 1865. – 84 с.

Zhukov K. Zametki na puti na Yuzhnyi bereg Kryma. – Sankt-Peterburg, 1865. – 84 s.
12. Залесский Н. А. «Одесса» выходит в море: возникновение парового мореплавания на Черном море, 1827–1855 гг. – Л.: Судостроение, 1987. – 128 с.

Zalesskii N. A. «Odessa» vykhodit v more: vzniknovenie parovogo moreplavaniya na Chernom more, 1827–1855 gg. – Leningrad: Sudostroenie, 1987. – 128 s.
13. Из записок севастопольца // Русский архив. – 1867. – № 12. – Стлб. 1579–1636.

Iz zapisok sevastopol'tsa // Russkii arkhiv. – 1867. – № 12. – Stlb. 1579–1636.
14. Ищенко Н. А. Балаклава в годы Крымской войны глазами англичан // Пилигримы Крыма – осень '98: матер. III Крымской междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. В. П. Казарин. – Симферополь, 1999. – С. 75–85.

Ishchenko N. A. Balaklava v gody Krymskoi voiny glazami anglichan // Piligrimy Kryma – osen' 98: mat. III Krymskoi mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / otv. red. V. P. Kazarin. – Simferopol', 1999. – S. 75–85.

15. Ищенко Н. А. Крымская война 1853–1856 годов: Очерки истории и культуры. – Симферополь: Крымский архив, 2002. – 126 с.

Ishchenko N. A. Krymskaya voyna 1853–1856 godov: ocherki istorii i kul'tury. – Simferopol': Krymskii arkhiv, 2002. – 126 s.

16. Ищенко Н. А. Симпсон по прозвищу «Крымский» // Вопросы русской литературы. – Симферополь, 2002. – Вып. 8(65). – С. 214–217.

Ishchenko N. A. Simpson po prozvishchu «Krymskii» // Voprosy russkoi literatury. – Simferopol', 2002. – Vyp. 8(65). – S. 214–217.

17. Ищенко Н. А. Штурм у входа в Балаклавский порт 14 ноября 1854 года: страницы Крымской войны и свидетельства очевидцев // Пилигримы Kryma – осень' 2000: путешествия по Крыму, путешественники о Крыме: мат. V Крымской Междунар. науч.-практ. конф. Крым, Симферополь, 7–8 октября 2000 г.: в 2 т. / под ред. В. П. Казарина. – Симферополь, 2001. – С. 155–165.

Ishchenko N. A. Shtorm u vkhoda v Balaklavskii port 14 noyabrya 1854 goda: stranitsy Krymskoi voiny i svidetel'stva ochevidtsev // Piligrimy Kryma – osen' 2000: puteshhestviya po Krymu, puteshhestvenniki o Kryme: mat. V Krymskoi Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Krym, Simferopol', 7-8 oktyabrya 2000 g.: v 2 t. / pod red. V. P. Kazarina. – Simferopol', 2001. – S. 155–165.

18. Куликов И. И., Кот В. П., Крестьянников В. В. История Севастополя в лицах: военные и гражданские руководители города и флотов. – Севастополь: Арт-политика, 2008. – 496 с.

Kulikov I. I., Kot V. P., Krest'yannikov V. V. Istoriya Sevastopolya v litsakh: voennye i grazhdanskie rukovoditeli goroda i flotov. – Sevastopol': Art-politika, 2008. – 496 s.

19. Ливанов Ф. В. Севастополь: до Крымской войны и после оной: историческое описание. – М., 1874. – 127 с.

Livanov F. V. Sevastopol': do Krymskoi voiny i posle onoi: istoricheskoe opisanie. – Moskva, 1874. – 127 s.

20. Лукашевич К. В. Оборона Севастополя и его славные защитники. – М.: Изд-во Тов-ва И. Д. Сытина, 1904. – 289 с.

Lukashevich K. V. Oborona Sevastopolya i ego slavnnye zashchitniki. – Moskva: Izdatel'stvo Tovarishestva I. D. Sytina, 1904. – 289 s.

21. Макареев М. В., Рыжонков Г. Н. Черноморский флот в биографиях командующих. 1783–2004: в 2-х т. – Севастополь: Издательство «Мир», 2004. – Т. 1. – 264 с.

Makareev M. V., Ryzhonok G. N. Chernomorskii flot v biografiyakh komanduyushchikh. 1783–2004: v 2-kh t. – Sevastopol': Izdatel'stvo «Mir», 2004. – T. 1. – 264 s.

22. Милуков А. П. Нынешний Севастополь // Библиотека для чтения. – 1865. – № 2. – С. 115–141.

Milyukov A. P. Nyneshnii Sevastopol' // Biblioteka dlya chteniya. – 1865. – № 2. – S. 115–141.

23. Непомнящий А. А. Записки путешественников и путеводители в развитии исторического краеведения Крыма: (последняя треть XVIII – начало XX века). – Киев, 1999. – 211 с. – (Серия: «Научно-справочные издания по истории Украины»; вып. 46).

Nepomnjashhij A. A. Zapiski puteshhestvennikov i putevoditeli v razvitii istoricheskogo kraevedeniya Kryma: (poslednjaja tret' XVIII – nachalo XX veka). – Kiev, 1999. – 211 s. – (Nauchno-spravochnye izdaniya po istorii Ukrainy; vyp. 46).

24. Непомнящий А. А. Историчне кримознавство (кінець XVIII –початок XX століття): бібліографічне дослідження. – Симферополь: Бізнес-інформ, 2003. – 456 с.

Nepomnjashhij A. A. Istorichne krimoznavstvo (kinec' XVIII –pochatok XX stolittja): bibliografichne doslidzhennja. – Simferopol': Biznes-inform, 2003. – 456 s.

25. Непомнящий А. А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (конец XVIII – начало XX в.). – Симферополь: Доля, 2001. – 814 с.

Nepomnjashhij A. A. Istoriya i jetnografija narodov Kryma: bibliogr. i arh. (konec XVIII – nach. XX v.). – Simferopol': Dolja, 2001. – 814 s.

26. Парский Д. П. Севастополь и памятники его обороны. – Одесса: Типо-литография Штаба Одесского военного округа, 1902. – 322 с.

Parskii D. P. Sevastopol' i pamyatniki ego oborony. – Odessa: Tipo-litografiya Shtaba Odesskogo voennogo okruga, 1902. – 322 s.

27. Происхождение названия Малахова кургана в Севастополе // Морской сборник. – 1868. – Т. ХСV. – № 3., отд. II. – С. 60–63.
Proiskhozhdenie nazvaniya Malakhova kurgana v Sevastopole // Morskoi sbornik. – 1868. – Т. ХСV. – № 3., отд. II. – С. 60–63.
28. Скальковский А. А. Русское Общество пароходства и торговли, 1857–1869 г. – Одесса: Тип. П. Францова, 1870. – 20 с.
Skal'kovskii A. A. Russkoe Obshchestvo parokhodstva i trgovli, 1857–1869 g. – Odessa: Tipografiya P. Frantsova, 1870. – 20 s.
29. Скрицкий Н. В. Крымская война. 1853–1856 годы. – М.: Вече, 2006. – 416 с.
Skritskii N. V. Krymskaya voina. 1853–1856 gody. – M.: Veche, 2006. – 416 s.
30. Современные заметки // Отечественные записки. – СПб., 1868. – Вып. 176. – С. 334–346.
Sovremennye zametki // Otechestvennye zapiski. – SPb., 1868. – Vyp. 176. – S. 334–346.
31. Сосногорова М. А. Путеводитель по Крыму для путешественников. – М.: В типографии Л. Нитче, 1871. – 370 с.
Sosnogorova M. A. Putevoditel' po Krymu dlya puteshestvennikov. – Moskva: V tipografii L. Nitche, 1871. – 370 s.
32. Степанов Д. А. Учреждение Русского Общества Пароходства и Торговли (1856–1857 годы) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 22 (237). История. – Вып. 46. – С. 30–38.
Stepanov D. A. Uchrezhdenie Russkogo Obshchestva Parokhodstva i Torgovli (1856–1857 gody) // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2011. – № 22 (237). Istoriya. – Vyp. 46. – S. 30–38.
33. Тарле Е. В. Крымская война: в 2-х т. – М.: АСТ, 2004. – Т. 1. – 702 с.
Tarle E. V. Krymskaya voina: v 2-kh t. – Moskva: AST, 2004. – T. 1. – 702 s.
34. Тимирязев В. А. Иностранцы о России // Исторический вестник. – СПб., 1904. – Т. 98. – С. 1098–1102.
Timiryazev V. A. Inostrantsy o Rossii // Istoricheskii vestnik. – Sankt-Peterburg, 1904. – T. 98. – S. 1098–1102.
35. Третьяков А. А. Балаклава: Страницы морской истории 1775–1855 гг. – Симферополь: СОНАТ, 2007. – 112 с.
Tret'yakov A. A. Balaklava: Stranitsy morskoi istorii 1775–1855 gg. – Simferopol': SONAT, 2007. – 112 s.
36. Тютчева А. Ф. Дневник (1853–1855 гг.) // Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров: воспоминания / пер. Е. В. Горье; вступ. ст. и прим. С. В. Бахрушина; под ред. С. В. Бахрушина и М. А. Цявловского. – М., 1990. – С. 107–130.
Tyutcheva A. F. Dnevnik (1853–1855 gg.) // Tyutcheva A. F. Pri dvore dvukh imperatorov: vospominaniya / per. E. V. Gor'e; vstup. st. i prim. S. V. Bakhrushina; pod red. S. V. Bakhrushina i M. A. Tsyavlovskogo. – Moskva, 1990. – S. 107–130.
37. Филиппов М. М. Осажденный Севастополь: исторический роман. – М.: Воениздат, 1976. – 542 с.
Filippov M. M. Osazhdennyi Sevastopol': istoricheskii roman. – Moskva: Voenizdat, 1976. – 542 s.
38. Чверткин Е. И. Незабытый Севастополь. – Севастополь: Телескоп, 2008. – Ч. 2. – 352 с.
Chvertkin E. I. Nezabytyi Sevastopol'. – Sevastopol': Teleskop, 2008. – Ch. 2. – 352 s.
39. Шавшин В. Г. Балаклава: исторические очерки. – Севастополь: Телескоп, 2010. – 399 с.
Shavshin V. G. Balaklava: istoricheskie ocherki. – Sevastopol': Teleskop, 2010. – 399 s.
40. Шавшин В. Г. Бастионы Севастополя. – Севастополь: Таврия-плюс, 2000. – 227 с.
Shavshin V. G. Bastiony Sevastopolya. – Sevastopol': Tavriya-plyus, 2000. – 227 s.
41. Archer M. Visions of India: the sketchbooks of William Simpson, 1859–1862. – Oxford: Phaidon, 1986. – 138 p.
42. Badem C. The Ottoman Crimean War (1853–1856). – Leiden: Brill, 2010. – 432 p.
43. Baumgart W. The Crimean War, 1853–1856. – London; New York: Arnold and Oxford University Press, 1999. – P. 25–26.
44. Figes O. The Crimean War: a History. – New York: Metropolitan Books, 2010. – 576 p.
45. Fletcher I. War in the Crimea: an Illustrated History. – Stroud: The History Press, 2008. – 288 p.

46. Goldfrank D. *Origins of the Crimean War*. – London; New York: Longman, 1994.
47. Grey T. *Journal of a visit to Egypt, Constantinople, the Crimea, Greece, etc.: in the suite of the prince and princess of Wales*. – London: Smith, Elder & co, 1869. – 203 p.
48. Gowing T. *A Soldier's Experience Or, A Voice From The Ranks: showing the Cost of War in Blood and Treasure: a Personal Narrative of the Crimean Campaign, from the Standpoint of the Ranks; the Indian Mutiny, and some of its Atrocities; the Afghan Campaigns of 1863*. – Nottingham: Forman, 1892. – 585 p.
49. Hargraves M. *Great British watercolors: from the Paul Mellon collection at the Yale Center for British Art*. – New Haven; London: Yale Univ. press, cop., 2007. – 223 p.
50. Harrington P. *Simpson's Crimean Sketchbooks // The War Correspondent*. – Vol. 19. – № 1. – P. 10–12.
51. Harris S. M. *British military intelligence in the Crimean War, 1854–1856*. – London: Routledge, 1999. – 182 p.
52. Huddie P. *The Crimean War and Irish Society*. – Liverpool: University Press, 2015. – P. 209–223.
53. Lambert A. D. *The Crimean War: British Grand Strategy against Russia, 1853–56*. – 2 ed. – Farnham: Ashgate, 2011. – 380 p.
54. Lalumia M. *Realism and Politics in Victorian Art of the Crimean War*. – Michigan: UMI Research Press, 1984. – 280 p.
55. Millar A. H. *Simpson William // Dictionary of National Biography / ed. by L. Stephens, S. Lee*. – London: Smith, Elder & Co, 1885–1900. – Vol. 52. – 1897. – P. 345–347.
56. Pennell E. *Lithography and lithographers: some chapters in the history of the art*. – New York: The Macmillan Company, 1915. – 319 p.
57. Ponting C. *The Crimean War: the truth behind the myth*. – London: Random House, 2004. – 379 p.
58. Royle T. *Crimea: The Great Crimean War, 1854–1856*. – New York: St. Martin's Press, 2000. – 564 p.
59. Seymour H. D. *Russia on the Black Sea and Sea of Azof: Being a narrative of travels in the Crimea and bordering provinces: 3 ed*. – London: John Murray, Albemarle street, 1855. – 366 p.
60. Simpson W. *The seat of the war in the East: [2 series]*. – London: Day & Son for Paul & Dominic Colnaghi & Co, 1855–1856. – [12] p.
61. Simpson W. *Diary of a journey to Abyssinia, 1868: with the expedition under Sir Robert Napier, K.C.S.I.: the diary and observations of William Simpson of the Illustrated London news / ed. by R. Pankhurst; Introd. by R. Pankhurst, P. Harrington and F. A. Sharf*. – Hollywood, CA, 2002. – 196 p.
62. Simpson W. *The Autobiography Of William Simpson, R. I. (Crimean Simpson) / ed. by G. Eyre-Todd*. – London: T. Fisher Unwin, 1903. – 426 p.
63. Sweetman J. *Crimean War*. – Oxford: Osprey, 2001. – 95 p.
64. *The antiquities of the Crimea // The Illustrated London news*. – 1869. – Vol. LV. – № 1549. – P. 87–89.
65. *The doyen of special was artists: Mr. William Simpson // The Illustrated Naval and Military Magazine*. – 1884. – Vol. 1. – P. 309–312.
66. *The Illustrated London News*. – 1869. – Vol. 54. – .

Prokhorova T. A. The Crimea revisited: the second view of Crimea by William Simpson (1869). Ancient places of Inkerman and Chersonesus

It was the height of the Crimean military campaign in 1854 when Scottish painter of battle-pieces William Simpson (1823–1899) had arrived to the Crimea, sent by publishing firm of Paul and Dominic Colnaghi, who were the owners of the oldest and most famous art galleries in London, and by lithographic firm of William Day («Day & Son»). Simpson had created 80 watercolors and sketches, which formed the basis of the lithographic album «The Seat of the war in the East», brought him worldwide fame. Simpson, who was called the “Crimean”, was destined to come back to the Crimean peninsula 15 years later, when he saw and memorialized “another” peaceful Crimea.

The second expedition of William Simpson to the Crimea took place in April 1869. He had been accompanying the Prince and Princess of Wales. By that time, he had already collaborated with the «Illustrated London News» and worked as a special artist for them. On the pages of this edition some of his 44 paintings had appeared, translated into lithographs with images of people, towns and landscapes of the Crimea. Under each of the drawings of the author made a comment, and left valuable notes on the objects he had seen. The

issues of "Illustrated London News" with works of Simpson came out from May 22 to July 24, 1869. Among them were pictures of Sevastopol.

In addition to the places and objects associated with the war in 1854–1855 and the siege of Sevastopol, William Simpson produced illustrations with the remnants of the ancient monuments of the history of these places. Artist saw the rock church in Inkerman, carved in the rock. Simpson described the new monastery built in Inkerman after the Crimean War as "a beautiful building, which is located directly under the rock with ancient ruins". The artist visited the cave; saw the chapel and the main church. In times of Simpson, the church was in good condition, despite the fact that during the war soldiers were quartered there. The church was consecrated in honor of St. Clement, who was driven to these places under the emperor Trajan. Simpson believed that saint Clement was buried under the altar of this church. The artist made sketch of this church. The reader could see in this picture a typical interior of the Christian church. Other parts – small chapel and ossuary, new facade and wooden balcony, which offers superb views of the river valley and Inkerman – could be learnt from the commentary to the drawing.

Another representation of the object was "The church of St. Vladimir on the ruins of the ancient Cherson". Visiting the south side of Quarantine Bay, Simpson saw the ruins of the ancient Cherson – a city that preceded Sevastopol. The author managed to visit the ancient city walls and the ruins of three churches, one of which, in his opinion, was dedicated to St. Vladimir. He saw survived foundation apse of this church, a stone altar with a cross on the stove, the floor of rough stones. In 1869 Simpson had seen a set of the new cathedral being built over the church of St. Vladimir, and the monastery revived after the war.

Drawings by William Simpson with images of holy places in Inkerman and Chersonesus have been published in the issue of July 24, 1869. It immediately attracted the attention of readers, who were able to see the Crimea again – the most ambitious theater of war in Europe in the XIX century. And although this time the artist made another accents in his works – instead of the battle scenes there were represented peaceful paintings, but there still could be traced echoes of the devastating war. The sketch of the church of Saint Vladimir became the final chord of Simpson's personal Crimean campaign, and the image of the holy place made the triumph of life.

Keywords: travel, Crimean war, antiquities, sacred places, Chersonesus, Inkerman, W. Simpson.

Список сокращений:

ИЛН – Иллюстрированные лондонские новости (Лондон)

СМИ – средства массовой информации

УДК 94(497.1)"1939/45"

**НЕСЕРБСКИЕ ПОВСТАНЧЕСКИЕ ГРУППЫ В ПОСЛЕВОЕННОЙ
ЮГОСЛАВИИ: К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ
ПОЛИТИЧЕСКОГО БАНДИТИЗМА В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ
ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Тимофеев А. Ю.

*Институт новейшей истории Сербии (Белград),
Белградского университета
Белград, Республика Сербия
E-mail: al.timofev@gmail.com*

На основании архивных документов и историографии в статье рассмотрен генезис, значение и численность повстанческих групп на территории несербских районов послевоенной Югославии. Эти группы имели как общие черты (ориентация на Запад, надежды на превращение холодной войны в горячую фазу, ненависть к коммунистам и к центральным властям Югославии), так и значительные отличия. В деятельности словенских повстанцев доминировало влияние заграничных резидентур, находившихся на территории Австрии. В деятельности хорватских повстанцев, самых сплоченных и организованных, главной была опора на структуры католической церкви, широкая поддержка среди клира и мирян, близких к церкви. Албанские повстанцы опирались на поддержку населения и отдельных структур приграничных районов югославско-албанского пограничья. Македонские и славяно-мусульманские группы не могли рассчитывать в послевоенный период на поддержку своих традиционных покровителей из-за рубежа (для первых это была Болгария, для вторых Турция), что сделало их выступления малозаметными. После разрыва титовской Югославии с СССР в 1948 г. к повстанцам присоединились отдельные группы тех, кто поддержал Резолюцию Информбюро и Сталина. Впрочем до конца сороковых годов со всеми этими группами повстанцев было покончено, хотя в горах еще несколько лет скрывались последние одиночные мятежники.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Югославия, СССР, холодная война, повстанческое движение, антипартизанские действия, антикоммунизм.

Хотя за время войны часть военнослужащих квислингских и антикоммунистических повстанческих формирований погибли в бою, были арестованы, казнены или бежали за границу, по всей Югославии рассеялось немало представителей «потерпевших поражение сил». По данным титовской военной контрразведки, из Югославии после 1945 г. бежало около 300.000 «усташей, четников и прочих предателей», а осталось «около 12 000 пособников оккупантов, которые ушли в горы» [21, с. 34]. Согласно первой послевоенной переписи 1948 г., в Югославии проживало 15,77 млн человек. Таким образом, число политических эмигрантов составило около 2 % от оставшегося в стране населения. Сравнения ради напомним, что в СССР соотношение численности эмигрантов к первой послевоенной переписи населения было меньше и составило лишь около 1,5 %.

Почти каждый народ в Югославии внес свой вклад в формирование разношерстной толпы врагов нового государства. Власти, следуя советской модели, использовали термин «банда» для обозначения всех своих поверженных противников

– четников Дражи Михайловича, усташей, словенских домобранов и словенских четников (объединенных под именем словенских «белогвардейцев»), албанских сепаратистов, националистов и мятежников (которых скопом именовали «балистами»), а также малочисленных, но весьма активных членов ВМРО (Внутренняя македонская организация). Немногим лучше было отношение к довоенным буржуазным партиям и движениям. Если они не присоединились к Народному фронту, их ждала лишь маргинализация и во многих случаях репрессивные меры. Новые власти с подозрением относились и к религиозным сообществам, особенно к католической церкви из-за ее откровенных связей с НГХ (Независимое государство Хорватия), сплоченности и закрытости.

Многонациональный характер югославского государства имел следствием не только пестроту повстанцев, но и изначальное преимущество, которым располагали власти. Каждое из повстанческих движений действовало самостоятельно, без сотрудничества или координации с остальными, за исключением редких случаев. Новые югославские власти имели все то, чего не имели остатки потерпевших поражение сил ушедшие в подполье, а именно: четко сформулированную идеологию и стратегию, организованность и разветвленную структуру, органы безопасности и пропаганды.

Единственной централизованной югославской организацией, боровшейся с коммунистами в Югославии в эмиграции и не чуравшейся вооруженных акций, стал Национальный комитет Королевства Югославия (НККЮ) и действовавший при нем Главный разведывательный центр (ГРЦ), расположенный в Зальцбурге. Помощь этим организациям югославских эмигрантов оказывали британская и американская разведка. Штаб-квартира Центрального НККЮ находилась в Лондоне. Представительство Центрального комитета НККЮ имелось и в Италии. В Австрии НККЮ, с разрешения союзников, начал действовать с сентября 1945 г. Его главной задачей стало оказание помощи югославским эмигрантам, оставшимся в Австрии [19]. Король Петр II возглавлял находившийся в Лондоне ЦНККЮ, куда входили политики, лидером которых был Слободан Йованович. Римским ЦНККЮ руководили Живко Топалович из Земледельческой партии, Адам Прибичевич из Самостоятельной демократической партии, Юрай Крневич из Хорватской крестьянской партии и Миха Крек из Словенской народной партии. Зальцбургский НККЮ имел в своем составе девятых членов, старшим из которых был белградский адвокат Стеван Тривунац – член Главного комитета Радикальной партии.

Послевоенная повстанческая деятельность четников отражена в отечественной историографии. Четники, или Югославская армия в отечестве (ЮАвО) под командованием генерала Дражи Михайловича представляли собой в первые послевоенные дни наиболее многочисленное югославское антикоммунистическое движение, т. к. его деятельность охватывала наиболее обширную территорию, а его лидер, в отличие от прочих политических вождей подпольных движений, не покинул страны [12, с. 287–286]. Драголюб («Дража») Михайлович был окопным офицером Первой мировой войны, блестящим генштабистом межвоенной Югославии, который не бросил свою страну в 1941 г. На завершающем этапе гражданской войны четники понесли тяжелые потери в восточной Боснии и Герцеговине в ходе боев в мае 1945 г.

с ЮА (Югославской армией), как с марта 1945 г. стала называться партизанская НОАЮ. Тогда была практически уничтожена большая часть сил под командованием Дражи Михайловича, которые так и не смогли оправиться от этого поражения и восстановить общую организационную структуру. Самого Дражу Михайловича арестовали и после короткого и достаточно формального судебного процесса убили в 1946 г. После этого организованное сербское движение сопротивления пошло на спад, хотя последние группы четников вылавливали до середины 50-х годов.

Кроме сербских четников в последние месяцы войны и первые послевоенные годы в Югославии действовали и другие повстанческие группы.

В Словении объединение антикоммунистических сил состоялось еще в ходе войны – в январе 1945 г., когда различные подразделения сформированного немцами Словенского домобранства, словенской части Югославской армии в отечестве (см. четники), а также выжидавшие конца войны офицеры запаса образовали Словенскую народную армию – СНА (Slovenska narodna vojska). Она стала выполнять функцию вооруженных сил Словенского Народного Комитета, который в начале мая попытался провозгласить народное государство Словению как автономную единицу в составе федеративного Королевства Югославия [19, с. 69]. В этом качестве СНА вместе с прочими преимущественно сербскими квислингскими формированиями – Сербским добровольческим корпусом Димитрия Летича, четниками из Далмации и Лики под командованием Момчило Джуича и Добросавы Йевджевича – дали непродолжительный отпор наступающей Югославской армии [11, с. 190–191; 12, с. 280–286]. Поражение, отступление в Австрию и Италию, сдача в плен англоамериканцам и попытка нового прорыва большой группой в Югославию, в ходе которого большую ее часть физически ликвидировали, – все это еще больше обострило их антикоммунистические настроения.

Летом 1945 года при поддержке разведслужб союзников был создан Главный разведывательный центр (ГРЦ), во главе которого с декабря 1945 г. и до лета 1949 г. находился бывший подполковник югославской королевской армии Андрей Глушич. Главный разведывательный центр при НККЮ был основан в лагере для беженцев Санкт-Йохан в Понгау (Австрия). В первое время деятельность ГРЦ сосредоточилась на организации разведывательной сети среди югославских эмигрантов, которые забрасывались бы в страну с целью установления связи с лидером четников Дражей Михайловичем. Разведслужба действовала на австрийско-югославской границе и формально находилась в составе Словенской армии Королевской югославской армии (Словеначка армија Краљевске југословенске војске). До упразднения ГРЦ в 1949 г. его филиалы, называвшиеся Разведывательными центрами (РЦ), действовали в Клагенфурте (РЦ 101 и РЦ 507), в Липнице и Триесте (РЦ 305) и в Горице (РЦ 505). Свои донесения ГРЦ отправлял органу американской военной разведки – Корпусу контрразведки (CIC, Counter Intelligence Corps). Наряду с американским CIC помощь разведывательным центрам оказывали и органы британской военной разведки в лице отделов полевой безопасности (FSS, Field Security Section) [19, с. 108].

Разведчики ГРЦ занимались подготовкой и вербовкой словенцев в Граце, Клагенфурте и Триесте: из их агентов создавались террористические группы, которые организовывали подполье на территории Словении. Эти группы носили

собирательное пропагандистское название Матяжева армия в честь мифологического короля Матяжа, который должен был пробудиться ото сна и освободить словенский народ от притеснителей [19, с. 180]. От лица Матяжевой армии активно велась пропаганда. Прежде всего, пропаганда осуществлялась посредством печатного органа – газеты «Голос Матяжа – вестник словенского антикоммунистического движения» («Matjažev glas – glasilo slovenskega protikomunističnega gibanja») [19, с. 260]. Во время пребывания на территории Словении члены Армии распространяли пропагандистские материалы ЦНKKЮ. Регулярное радиовещание ЦНKKЮ осуществлялось из Австрии, где действовало несколько пропагандистских станций-однодневок: радиостанции «Равна Гора», «Триглав», «Радио Любляна», «Свобода или смерть», «Единая Словения», «Свободная крестьянская Хорватия», «Радио Сава». Хотя программа Матяжевой армии и была югославистской, она осталась исключительно словенским явлением, о котором в остальной Югославии не слышали. Это, по-видимому, объяснялось как типичной для словенцев во все годы существования Югославии национальной закрытостью, так и слабым воздействием пропаганды Матяжевой армии. Членов Матяжевой армии характеризовал последовательный антикоммунизм. Их деятельность была направлена против носителей и символов новой системы, однако со временем она свелась к банальному грабежу. В отличие от четников и крижаров (крестоносцев) база словенских антикоммунистов располагалась за границей. С территории соседней Австрии они периодически проникали в Югославию, вызывая тем самым многочисленные приграничные инциденты. Вскоре после укрепления режима Тито в Югославии и падения шансов на возрождение некоммунистической Югославии, среди словенских повстанцев также возобладали идеи национализма с полным разочарованием в «югославянстве» как знамени коммунистов [28, CIA-RDP82-00457R002400550001-8.pdf]. Это отражало общие настроения словенцев [28, CIA-RDP82-00457R008300660007-5.pdf].

Забрасываемых из Австрии членов Матяжевой армии и оставшихся по окончании боевых действий непосредственно в Словении многочисленных представителей словенских антикоммунистических и квислингских формирований титовцы скопом называли «белогвардейцами», или «БГ». Эти группы, главным образом, рассчитывали на конфликт между СССР и англо-американцами, который приведет к интервенции и свержению коммунизма в Югославии.

Гораздо более широким размахом отличались хорватские повстанческие группы. Если оценивать антикоммунистические движения в соответствии с общими параметрами – численностью, охватом территорий, уровнем организации и политико-пропагандистской деятельности, а также степенью поддержки населения, то в послевоенной Югославии наибольшим успехом и влиянием пользовались именно хорватские крижары (крестоносцы). За этим названием стояли бывшие представители вооруженных сил НГХ и ее политических структур, в первую очередь усташа. Действовали они в Хорватии и в Боснии и Герцеговине. Кроме названия «крижары», использовались и другие наименования – «шкрипари», «ямари» и «камишари», которые происходили от диалектных названий укрытий, скрывавших

повстанцев. Суть их политической программы отражал лозунг «Все ради Христа – против коммунистов».

В отличие от властей НГХ, которые привлекли на свою сторону мусульманское население БиГ, политико-пропагандистское влияние крижаров на мусульман оставалось ничтожным [20]. Как и прочие противники коммунистического режима, крижары больше всего надеялись на помощь со стороны западных союзников. В 1946 г. властям, как и в случае с четниками, удалось обезглавить организацию крижаров. Однако последние, прежде всего благодаря поддержке католического клира, смогли не только продолжить свою деятельность, но и добиться значительного пропагандистского влияния на хорватское население. Крижары пользовались всеми преимуществами, которые им предоставляла инфраструктура церкви, формировавшаяся на протяжении столетий.

В отличие от четников, крижары активно нападали не только на войска НОАЮ, но и на тыловые части Красной армии и отдельных советских граждан в форме и без нее. Например, донесение ОЗН в Хорватии от 7 апреля 1945 упоминает о деятельности большой группы бандитов в районе Крижница и Загреб, насчитывавшей около 100 человек и носившей название «Легион хорватских мстителей», которая занималась мобилизацией, нападала на партийные и местные органы. В то же время эта группа «организовывала засады и нападала на красноармейские транспорты, убивала солдат и курьеров» [27].

Положение крижаров принципиально отличалось как от четнических групп, которые, как правило, действовали изолированно, не имели связи друг с другом и не обменивались информацией, так и от словенских повстанцев, которые полностью зависели от логистической поддержки из-за границы. В Хорватии церковь обеспечивала крижаров почти всем: начиная с удовлетворения основных бытовых потребностей (предоставление убежища, пищи, одежды...) и заканчивая передачей донесений, тиражированием и распространением пропагандистских материалов, воздействием на паству посредством воскресных проповедей. Поддержка крижаров, лояльность к НГХ, участие в преступлениях в отношении сербов, евреев и цыган, а также прозелитизм и равнодушие к геноциду, совершавшемуся в НГХ, – все перечисленное привело к тому, что значительная часть представителей католической церкви хорватского происхождения подверглась репрессиям со стороны новых властей [5]. Поведение католического клира трактовалось новыми властями как подозрительное и враждебное, граничившее с государственной изменой. Помощь, оказываемая крижарам, была лишь одним из преступлений, за которые католических священников, монахов и монахинь привлекали к суду [5, с. 162]. Под ударом оказалась вся иерархия римско-католической церкви – от сельского ксендза до самого архиепископа. Так, арест и суд над архиепископом Загреба Алоизием Степинацем состоялись в рамках широкой кампании, цель которой состояла в том, чтобы нанести удар по католической церкви и ослабить ее связи с Ватиканом, а обвинительное заключение в важной своей части инкриминировало архиепископу оказание помощи усташско-крижарской группе Шалич-Лисак, а также поддержание связей с Анте Мошковым – начальником личной охраны Анте Павелича (Поглавников тјелесни здруг) [5, с. 203–204]. Степинаца осудили за его враждебность в отношении новых

югославских властей, но обвинялся он, в основном, за связи с усташским режимом во время войны [5, с. 195].

Усташские вожди, которым удалось избежать плена, вскоре собрались в Австрии и Италии, где в 1946 г. под прямым фактическим руководством Анте Павелича начал действовать так называемый Хорватский народный комитет (ХНК), который представлял собой переименованное усташское движение. ХНК, возглавляемый высокопоставленным усташским чиновником Божидаром Кавраном, стал играть роль как представителя усташской политической эмиграции, так и организатора антикоммунистического сопротивления в населенных хорватами областях Югославии [20, с. 45].

Как и словенская антикоммунистическая эмиграция, ХНК сотрудничал с англо-американскими спецслужбами. Уровень и конкретные задачи этой кооперации малоизвестны. Американская разведка в 1946 г. считала крижаров «перспективнее» словенской Матяжевой армии, оценивая их как самое «полезное» направление антикоммунистического подполья в Югославии [28, CIA-RDP83-00415R000100200003-4.pdf].

После того как в 1948 г. разразился конфликт Югославии и Информбюро, стало ясно, что Запад более не станет поддерживать кого-либо, кто преследует цель разрушения югославского государства. Наоборот, он будет содействовать властям титовской Югославии, чтобы попытаться с их помощью дестабилизировать идею и практику коммунизма [20, с. 51]. Тем не менее и после этого и даже после разгрома на территории Югославии хорватские экстремисты продолжили действовать за границей. Начались террористические нападения на югославские дипломатические, культурные и экономические представительства за рубежом, а также отдельные проникновения в страну вооруженных групп и одиночек с целью осуществления диверсионно-террористических актов. Параллельно шла неформальная охота боевиков югославской разведки на лидеров усташей и молодого поколения политической эмиграции за рубежом. Этот процесс продолжался практически до самого конца существования СФРЮ [13, с. 70–76; 25, с. 201–389; 16, с. 42–80].

Албанское население Югославии в большинстве своем проживало на территориях, которые вошли в состав Сербии и Черногории после освободительных войн сербского народа против Османской империи в 1878 и 1912 гг. Албанцы косовского вилайета (нынешняя северо-западная Македония и автономный край Косово и Метохия) со времен Первой Призренской лиги, основанной в 1878 г., выступали против любого усиления сербского влияния на этих территориях. Весь период с 1878 по 1912 год этот район, где чересполосицей проживали сербы и албанцы, был ареной жестокого давления фанатичного мусульманского населения на православных, державшихся из последних сил за земли своих предков. При этом албанцы восставали и против турецкой власти, не желая платить налоги и подчиняться никаким требованиям и ограничениям [10]. В результате Балканских войн территории Македонии, Косово и Метохии вошли в состав Сербии, что вызвало массовое восстание албанцев в 1913 г., подстрекаемых, как и ранее, Австрией. В период между двумя войнами городская и равнинная часть этих территорий была усмирена, но в приграничных и горных районах среди албанского населения имели

место частые случаи бандитизма, который, несомненно, имел политические корни. Албанские повстанцы, т.н. «качаки», с большей или меньшей долей сознательности ориентировались на проект государственного объединения всех балканских земель, населенных албанцами [9, с. 230]. В годы Второй мировой войны итальянская, а затем и немецкая оккупация принесли объединение в рамках этого шовинистического проекта большинства районов Косово, западной Македонии и Албании.

В послевоенные годы в тех районах Югославии, где проживало албанское национальное меньшинство, – в Косово и Метохии, в западной Македонии и, в меньшей степени, в Черногории, – действовали албанские антикоммунистические группировки, которым югославская власть присвоила общее название – балисты. Изначально так именовали себя члены албанской организации Бали Комбетар (Bali Kombëtar – Национальный фронт), активность которой приходилась на годы Второй мировой войны. Эта организация появилась в 1942 г. в северной Албании и быстро распространила свою деятельность на территорию Косово и Метохии. Вопреки заявлениям об ориентации на западных союзников, она не чуралась и коллаборационизма. Помощь ей оказывали Италия, а затем и Германия. Носители коммунистической идеологии – народно-освободительные движения (НОД) Албании и Югославии – выступали в роли главных противников Бали Комбетар. Кроме того, планы югославских коммунистов по возрождению Югославии служили основным препятствием для достижения цели балистов – создания Великой Албании. Сотрудничая с итальянцами, а затем и с немцами, балисты предоставляли в их распоряжение людские ресурсы для комплектования вспомогательных формирований, сражавшихся с коммунистами Албании и Югославии [23, с. 441]. В самом Косово и Метохии с 1943 г. действовала и Вторая Призренская лига – организация с великоалбанской программой, связывавшая дальнейшую судьбу албанского народа со стратегическими планами Берлина. Для немцев сторонники лиги служили ресурсом для пополнения собственных вспомогательных частей и соединений, к которым относились албанское добровольческое территориальное ополчение «вулнетари», добровольческое военно-полицейское формирование «косовский полк» и 21-я дивизия СС «Скендербег» [26]. Многочисленные военнослужащие этих частей остались в Косово и Метохии после отступления Вермахта [3, с. 360–369]. Хотя балистами называли всех албанских мятежников, находившихся на территории КиМ и западной Македонии, члены и сторонники Второй Призренской лиги, по сравнению с Бали Комбетар, представляли собой в Югославии более многочисленное и влиятельное повстанческое движение. В Македонии осенью 1944 г. в боях участвовало от 10 000 до 20 000 балистов, которые предпочли остаться на знакомой для них территории, а не отступить вместе с немцами. Их активность сильнее всего ощущалась в западной Македонии, которая во время Второй мировой войны входила в состав созданной итальянцами Великой Албании. К балистам после войны причислили и албанских наемников из болгарских формирований по борьбе с партизанами – так называемых контрчетников. При этом все перечисленные албанские повстанцы были в первую очередь не антикоммунистами, а противниками усиления сербской, югославской и вообще любой славянской власти и таким образом наследниками качаков –

основоположников албанской повстанческой традиции, уходящей корнями в эпоху османского правления. Их всех объединяла великоалбанская программа [2].

В первые послевоенные годы (1945–1948 гг.) доминировали ориентировавшиеся на западные страны вооруженные группы и политические группировки из сторонников Бали Комбетара, Легалитета (монархическое движение сторонников свергнутого албанского короля Ахмеда Зогу [28, CIA-RDP82-00457R000200210007-3.pdf]), к которым примкнули сторонники Второй Призренской лиги и близкой к ней Беса Комбетара, бывшие вулнетары и контрчетники. Присутствие вооруженных групп на местах сопровождалось созданием в населенных пунктах подполья, ответственного за поддержку тех, кто боролся с государством с оружием в руках. Так, в КиМ и западной Македонии действовала Национально-демократическая шиптарская организация (НДШО). Антигосударственная подрывная деятельность ставила целью осуществление переворота в Албании и Югославии, результатом которого стало бы отторжение населенных албанцами областей и их объединение в Великой Албании. В связи с этим большие надежды возлагались на западных союзников, которые, как ожидалось, должны были вот-вот вступить в вооруженный конфликт с СССР [2, с. 93–109].

В ходе завершающего этапа Второй мировой войны на балканском фронте албанское повстанческое движение резко усилилось с осени 1944 г. Наступление Красной армии в Румынии, Болгарии и Сербии привело к неизбежному отводу из Греции немецкой Группы армий «Е». Пути отступления вели через Албанию, Македонию, Косово и Метохию. Албанские союзники немцев, особенно в Косово и Метохии, стояли перед выбором – уйти со своими покровителями или остаться. Многие выбрали последнее. Около 30 000 албанцев, по немецким источникам, обеспечивали беспрепятственное отступление вермахта, решительно сражаясь с наступавшими силами НОАЮ и 2-й болгарской армии Отечественного фронта [3, с. 358].

После освобождения Косово и Метохии в ноябре 1944 г. [17, с. 67] перед руководством НОД и НОАЮ встали новые проблемы, которые оказались не по силам партийным и армейским представителям на местах. Многочисленные оставшиеся бойцы различных албанских вооруженных формирований не собирались прекращать сражаться за объединение албанских земель вопреки государственным границам. Как и в 1918–1919 гг., когда на просторах КиМ устанавливалась власть Королевства СХС, в 1944 г. тоже приходилось преодолевать албанскую ирреденту. При этом для поддержки военных усилий следовало максимально использовать местные экономические и людские ресурсы [9]. Количество албанских мятежников увеличивалось день ото дня. Несмотря на плохую координацию, они, во исполнение манифеста ЦК Второй Призренской лиги от 18 октября, подняли в начале декабря 1944 г. восстание «в защиту единства албанских земель». Так называемый Дреницкий мятеж начался 2/3 декабря с нападения на г. Урошевац, власть в котором перешла в руки повстанцев. Лишь несколько дней спустя застигнутым врасплох частям НОАЮ удалось вернуть контроль над городом. В то же время окрестности оставалась в руках повстанцев, которые оттуда совершали нападения на соседние населенные пункты.

Таким образом, в конце декабря 1944 г. армейские части НОАЮ положили конец первой фазе мятежа.

Вторая фаза началась в начале января 1945 г., когда представители Оперативного штаба в КиМ начали переговоры с албанскими старейшинами о мобилизации албанского населения, способного к несению военной службы. Согласно достигнутой договоренности, в распоряжение НОАЮ поступало 5000 албанских новобранцев, которым армейское руководство решилось выдать оружие. Мобилизованных предполагалось отправить на Сремский фронт. Однако 23 января они отказались повиноваться и после безуспешных переговоров переместились в Дреницу, где объединились с местными повстанцами. Уже 25 января 1945 г. повстанцы начали активные наступательные действия. Отсутствие оперативных частей НОАЮ позволило мятежникам, которых насчитывалось около 12 000, распределить свои силы по дреницким селам. Вместо того, чтобы подавить восстание, Оперативный штаб допустил заминку, которая только увеличила размах восстания. Верховному командованию пришлось принять ряд мер, направленных на урегулирование ситуации: переброшенные армейские части НОАЮ сражались с албанскими повстанцами вплоть до конца февраля. В ходе военной операции в КиМ югославская армия понесла серьезные потери. Из 39 000 задействованных бойцов НОАЮ и КНОЮ из строя выбыло 3266: около 650 убитыми, около 1360 ранеными и 1256 пропавшими без вести. Потери противника остались неизвестными, однако предполагается, что они были намного больше, в том числе и среди гражданского населения. Уцелевшие повстанцы перешли к диверсионной деятельности и обычному бандитизму [15, с. 589–600].

В дальнейшем (1948–1950) поведение албанских повстанцев оказалось под влиянием радикальных изменений характера отношений Югославии и прочих стран «народной демократии», наступивших после Резолюции Информбюро (ИБ), в которой Сталин осудил Тито. Уже в годы Второй мировой войны югославские коммунистические партизаны в отдельных случаях возражали против возвращения Косова и Метохии в состав Югославии. В новых условиях албанские мятежники в Косово и Метохии и западной Македонии получили нового союзника в лице лидера Албании Энвера Ходжи. Разумеется, сохранилась великоалбанская идеология повстанческого движения, которое теперь подчинилось пропаганде коммунистической Албании при осуществлении вооруженных, пропагандистских или разведывательных мер, направленных против Югославии. Перед вооруженными группами, забрасывавшимися из коммунистической Албании, стояла задача распространения пропагандистских материалов сепаратистского характера, нападения на представителей власти и установления контактов с местным албанским населением [2, с. 83–88].

Подобный вид албанской антисербской деятельности, адаптировавшийся к переменчивым международным условиям, представлял собой устойчивое явление опоры местного сепаратистского движения на иностранный фактор (от Австро-Венгрии в начале XX века до пропаганды НАТО в конце века). Горные районы приграничья с Албанией остались зоной нестабильности вплоть до кровавого распада югославского государства в 90-е гг.

Наряду с вышеперечисленными националистическими повстанческими группами на территории Югославии находилось еще несколько более мелких групп, которые гораздо реже напоминали о себе. В их числе – члены ВМРО (Внутренней македонской революционной организации), которые, в основном, действовали в восточной Македонии. Впрочем, они являлись рудиментом давно прошедшей эпохи и не могли серьезно повлиять на ситуацию с безопасностью. Несмотря на это, сначала ОЗНА (Отделение защиты народа), а затем УГБ (Управление государственной безопасности), КНОЮ (Корпус народной обороны Югославии) и Народная милиция приложили серьезные усилия к уничтожению этих групп.

Оперативники УГБ выделяли и группу младомусульман, которая, по их словам, во время войны добивалась создания автономной, независимой от НГХ Боснии под покровительством Германии, а после войны, в 1945–1947 гг., тоже предпринимала какие-то попытки создания организации на местах. В связи с этим было арестовано 800 (!) человек. В Мостаре конфисковали архив организации и различные листовки [1, III/35, Бандитизм, с. 14]. Некий Шукрия Аянович, лидер группы повстанцев мусульман из Восточной Боснии, был убит органами югославской государственной безопасности в первой половине 1948 г. [28, CIA-RDP82-00457R002300020008-0.pdf].

Упоминания и данные об этих группах фрагментарны, так как такие группы не имели большого значения. Поэтому доступные автору данного исследования фонды союзного и сербского республиканского управления УГБ, а также материалы центральных органов военной контрразведки, где собраны документы КНОЮ, не сохранили о них обширных сведений.

В первые послевоенные годы в роли главных внутренних врагов югославского коммунистического режима выступали сербские четники и повстанческие группы меньшинств. После разрыва титовской Югославии с СССР в 1948 г. режим Й. Тито перестал восприниматься Западом как угроза и перешел в разряд стран, которые нужно поддерживать. По молчаливому согласию была открыта словенско-австрийская граница, через которую стали активно уходить группы националистов всех мастей. Американская разведка и ее подручные перестали забрасывать подрывные группы на территорию Югославии. Численность повстанцев стала резко сокращаться.

В 1948 г. к ним присоединились те, кто поддержал Резолюцию Информбюро, – люди, с большим уважением относившиеся к Сталину, чем к Тито, которых в Югославии называли «информбюровцы» (сокращенно – ИБ-овцы). Их появление стало результатом кризиса отношений Белграда с первым социалистическим государством. В резолюции ИБ критиковались Тито и его ближайшее окружение, переставшие подчиняться Москве. Неудачные попытки инициировать критикой смену титовского руководства привели к расколу социалистического лагеря, а Тито после недолгих попыток продемонстрировать фиктивную верность коммунистической идеологии поспешил в объятия Вашингтона. Титовская Югославия в 1950–1954 гг. на всех парах двигалась в НАТО, получала западную военную помощь и даже подписала военно-экономический Балканский пакт с представителями НАТО в юго-восточной Европе – с Грецией и Турцией. Среди малочисленных противников курса на разрыв с СССР преобладали сербы как из самой Сербии, так и из Хорватии, Боснии и Черногории, к

которым присоединились отдельные представители других югославянских народов [6]. Открытых противников этой новой югославской политики было сравнительно немного в силу крайней жестокости титовского режима [28, CIA-RDP82-00457R002100050002-5.pdf; CIA-RDP82-00457R002100280001-1.pdf], количество жертв которого в процентном соотношении значительно превышало число жертв политических репрессий в то же время в СССР [6]. Впрочем не только в районах, населенных сербами, но и по всей Югославии проявлялись различные меры недовольства в поддержку Москвы (от листовок до саботажа) [28, CIA-RDP82-00457R002900090010-4.pdf]. Озабоченность югославского партийного руководства вызвал адресованный членам КПЮ призыв Инофмбюро (ИБ) покончить с «турецко-террористическим режимом» внутри КПЮ [18, с. 212; 7, с. 374]. Взволнованная перспективами советской интервенции (которая так никогда и не была запланирована, а не то что осуществлена), титовская верхушка с 1949 г. сама рассматривала возможности перехода к партизанской войне в случае советской оккупации. Агентура ЦРУ в Югославии доносила, что с 1949 югославская армия начала закладывать вооружение, боеприпасы и продовольствие в схроны, обновлять базы, готовить списки подпольщиков, а в 1951 развернула массовую подготовку партизанских кадров для сопротивления советскому вторжению [28, CIA-RDP82-00457R003600290013-1.pdf, CIA-RDP82-00457R002300080008-4.pdf]. Это было отражением общего направления на укрепление и развитие партизанско-территориального компонента ЮНА, который оставался важным элементом структуры обороны страны вплоть до 1991 г. При этом в 1949–1954 гг. «партизанские планы» несомненно были направлены против возможной агрессии СССР. Согласно данным официальной истории территориальной обороны Югославии, уже в середине 1949 г. было сформировано Верховное командование партизанских отрядов Югославии [22, с. 41–45]. Верховным командантом был назначен близкий сотрудник Тито, занимавшийся на заключительном этапе Второй мировой войны «экспортом революции» и «помощью в организации партизанского движения» в Албании и Греции Светозар Вукманович «Темпо», комиссаром – Миалко Тодорович «Плави», а начальником штаба – генерал Рудолф Приморац. Были также организованы главные штабы партизанского движения в республиках, штабы партизанского движения в отдельных областях и районах. Были заложены даже схроны с оружием, составлены списки членов отряда, розданы конкретные боевые предписания на случай оккупации. Задачами отрядов были уничтожения мостов, фабрик, железнодорожного полотна, минирование дорог, организация засад, нападения на курьеров и отдельные автомашины [24, с. 78]. Численность проектируемых партизанских отрядов в 1953 году составляла 195, а в 1957 г. уже 227. Впрочем, как точно замечали югославские авторы, речь шла лишь о списках, реальная подготовка ядра этих отрядов в ожидании мнимого нападения СССР все же не проводилась.

Информаторы ЦРУ отмечали даже на территории Словении (не говоря уж о восточной части страны, с традиционно русофильским сербским населением), что эффективность этих мер осложнялась падением авторитета партии в стране [28, CIA-RDP82-00457R002400420003-0.pdf, CIA-RDP83-00415R002300020013-9.pdf]. Часть партийных кадров всерьез восприняла сталинскую критику «клики Тито как агентов

американского империализма» и выражала это активно или пассивно. В то же время среди пассивно антикоммунистически настроенных масс титовский режим в годы конфликта с СССР вызывал лишь ощущение «меньшего зла», а не самостоятельной ценности [28, CIA-RDP82-00457R002900090010-4.pdf]. «Меньшее зло» можно было потерпеть в мирное время ради возможных в будущем изменений (в сторону Запада), но вряд ли стоило уходить в подполье в случае реальной оккупации.

В подполье уходили другие – немногочисленные одиночки, уверенные в правоте «Сталина и международного братства коммунистов». В отличие от мятежников-националистов, мятежники – ИБ-овцы были членами партии, которую они в одинаковой мере представляли как в армии, так и в гражданских структурах. Поначалу они открыто высказывали свое несогласие с политикой югославского руководства. За это их бросали в лагеря и тюрьмы. В результате количество ИБ-овцев, подвергшихся репрессиям, составило около 31 000–32 000 человек, а всего удалось выявить около 60 000 ИБ-овцев. На основе сохранившихся статистических данных можно сделать вывод, что число хорватов, албанцев, венгров и словенцев, осужденных за поддержку Информбюро, было пропорционально меньше их доли в населении Югославии. Обратная ситуация имела место с сербами и черногорцами, пострадавшими из-за своих симпатий к СССР [6, с. 32–40]. В дальнейшем некоторые из них перешли к открытому вооруженному сопротивлению, причем опасность была тем большей, что среди участников этих групп были вчерашние члены партизанского движения, а порой и бывшие сотрудники УГБ и милиции [8]. При этом для ликвидации таких банд приходилось применять центральные части правопорядка, т. к. возникали сомнения в лояльности местных органов правопорядка.

Например, подполковник УГБ С. докладывал 1 октября 1949 г. о деятельности группы коминтерновцев, действовавших в районе Трстеника (Сербия), следующее: «По прибытии на место мы предприняли все меры, чтобы вступить в контакт с бандой. Все то время, что продолжался мятеж, банда находилась на территории района г. Трстеник. Пособничество, в основном, ей оказывали коммунисты всех сел, находящихся на противоположном берегу р. Морава. Блокада территории, предпринятая до нашего прибытия, привела к тому, что банда решила покинуть район, что ей и удалось сделать. Милиция и КНОЮ, осуществлявшие блокаду, ограничились тем, что держали под контролем периферию района, где в отдельных местах были устроены засады. Эти засады все-таки имели какое-то значение, так как на одну из них банда наткнулась. Однако сидевшие в засаде не использовали представившуюся возможность ее ликвидации. Сама блокада в силу своего ограниченного масштаба не могла воспрепятствовать уходу банды... Приходя к крестьянам, бандиты говорили: “Мы не титовцы и не четники, мы боремся за новый социализм без террора”» [1, III/37, Gonjenje Trsteničke bande 1949, с. 1–5].

Когда репрессиям подверглись сторонники ИБ, имевшие неосторожность первыми озвучить свою позицию, остальные затаились. Они либо продолжили действовать подпольно, либо попытались бежать из страны и присоединиться к своим единомышленникам за границей. Их надлежало выявить и нейтрализовать, чем и занялись УГБ, Служба контрразведки и сама партийная организация. ИБ-овцы, как и прочие «вражеские группировки», подпадали под категорию «банды». Некоторые,

пользуясь поддержкой со стороны разведслужб Венгрии, Румынии, Болгарии и Албании, пытались вернуться в страну с целью организованного противодействия югославскому режиму. За отрезок времени с момента принятия Резолюции ИБ до конца 1949 г. из стран ИБ на территорию ФНРЮ проникло 118 разведгрупп: из Венгрии – 59; из Албании – 36; из Болгарии – 21. За это же время на югославскую территорию из соседних государств прибыло большое число беженцев: из Албании – 1387; Болгарии – 885, Венгрии – 1725, и Румынии – 809 [4, Инв. бр. 3718-22, Преглед убачене агентуре из земаља народних демократија после резолуције ИБ]. В течение 1950 г. на албанской границе было задержано 298 человек, которые перешли в Югославию как по экономическим соображениям, так и спасаясь от репрессий со стороны албанских властей. По тем же причинам дезертировало 26 албанских солдат, среди которых, по-видимому, имелись и шпионы. При попытке уйти в Албанию попались 22 человека, которых, как и в случае с остальными восточными странами, именovali «разными информбюровскими элементами» [4, Инв. бр. 3718-23, Анализа илегалних прелазака на границама ФНРЈ у 1950 г., Преглед ухваћених и убијених на границама ФНР Југославије у току 1950 г.]. Осуществлялся заброс новых диверсионных групп и агентов, особенно в секторах Андриевица, Джаковица, Дебар и Струга [4, Инв. бр. 3705-6, Прво одељење Команде граничних јединица Југославије, Оперативни одсек, Историја КНОЈ-а и граничних јединица по оперативној грани за 1950 г. Обезбеђење границе]. С территории Болгарии в период с 1 июля 1948 г. по 1 октября 1952 г. было заброшено 214 «шпионов и диверсантов» [14, с. 228].

Впрочем реальной деятельности по организации «антититовского» партизанского движения на территории Югославии СССР так и не начал. Среди «политических» перебежчиков югославской границы, как и на западных рубежах, доминировали те, кто бежал из титовской Югославии. Банды сторонников Информбюро очень быстро закончили свое существование, как только заработал конвейер Голого острова с одной стороны, а с другой – тайные сторонники СССР в Югославии поняли, что режим Тито не будет свергнут скорой интервенцией Москвы.

Список использованных источников и литературы

1. Архив Србије. – Ф. БИА (Фонд Безбедносно-информационног агенства).
Arkhir Srbije. – F. BIA (Fond Bezbednosno-informatsionnogo agenstva).
2. Батковски Т. Великоалбанската игра во Македонија. – Скопје: Мугри 21, 1994. – 279 с.
Batkovski T. Velikoalbanskata igra vo Makedonija. – Skopje: Mugri 21, 1994. – 279 s.
3. Борозан Ђ. Велика Албанија. Поријекло, идеје, пракса. – Београд: Војноисторијски институт, 1995. – 570 с.
Borozan Ђ. Velika Albanija. Porijeklo, ideje, praksa. – Beograd: Vojnoistorijski institut, 1995. – 570 s.
4. Војна архива. – ЈНА, Команда КНОЈ и ГЈЈ.
Vojna arkhiva. – JNA, Komanda KNOJ i GJJ.
5. Живојиновић Д. Ватикан, католичка црква и југословенска власт 1941–1958. – Београд: Просвета, Терсит, 1994. – 451 с.
Zhivojinović D. Vatikan, katolichka tsrkva i jugoslovenska vlast 1941–1958. – Beograd: Prosveta, Tersit, 1994. – 451 s.
6. Заточеници Голог Отока: регистар лица осуђиваних због Информбироа: документ Управе државне безбедности ФНР Југославије (приред. Милорадовић Г., Тимофејев А., Јовановић М., Михаиловић Д.). – Београд, 2016. – 527 с.
Zatochenitsi Golog Otoka: registar litsa osuđivanikh zbog Informbiroa: dokument Uprave drzhavne bezbednosti FNR Jugoslavije (prired. Miloradović G., Timofeev A., Jovanović M., Mikhailović D.). – Beograd, 2016. – 527 s.
7. Југословенско-совјетски односи 1945–1956, Зборник Докумената, МСП Републике Србије и МИП Руске федерације, Београд: Министарство спољних послова, 2010. – 1006 с.
Jugoslovensko-sovjetski odnosi 1945–1956, Zbornik Dokumenta, MSP Republike Srbije i MIP Ruske federatsije, Beograd: Ministarstvo spoljnih poslova, 2010. – 1006 s.
8. Митровић М. Три документа о ибеовцима. – Београд: ИНИС, 2009. – 285 с.
Mitrović M. Tri dokumenta o ibeovcima. – Beograd: INIS, 2009. – 285 s.
9. Тасић Д. Рат после рата. Војска Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца на Косову и Метохији и у Македонији 1918–1920. – Београд: Утопија, Институт за стратегијска истраживања, 2008. – 498 с.
Tasić D. Rat posle rata. Vojska Kraljevine Srba, Khrvata i Slovenatsa na Kosovu i Metokhiji i u Makedoniji 1918–1920. – Beograd: Utopija, Institut za strategijska istraživanja, 2008. – 498 s.
10. Тимофеев А. Ю. Крест, кинжал и книга. Старая Сербия в политике Белграда (1878–1912). – СПб.: Алетея, 2007. – 223 с.
Timofeev A. Yu. Krest, kinzhal i kniga. Staraya Serbiya v politike Belgrada (1878–1912). – S. Peterburg: Aleteya, 2007. – 223 s.
11. Тимофеев А. Ю. Сербские союзники Гитлера. – Москва: Вече, 2011. – 272 с.
Timofeev A. Yu. Serbskie soyuzniki Gitlera. – Moskva: Veche, 2011. – 272 s.
12. Тимофеев А. Ю. Четники. Королевская армия. – Москва: Вече, 2012. – 246 с.
Timofeev A. Yu. Chetniki. Korolevskaya armiya. – Moskva: Veche, 2012. – 246 s.
13. Bulatović L., Spasić B. Smrt je njihov zanat. Dokumenti ustaškog terora. – Београд: Politika, 1993. – 108 с.
14. Dragišić P. Jugoslovensko-bugarski odnosi 1944–1949. – Београд: INIS, 2007. – 270 с.
15. Drljević S. Kontrarevolucija na Kosovu i Metohiji i zavođenje Vojne uprave februara 1945 // Zbornik radova sa naučnog skupa «Za pobjedu i slobodu». – Knj. 9: Završne operacije za oslobođenje Jugoslavije, Učesnici govore, 23. i 24. April 1985. – Београд: VINC, 1986. – 953 с.
16. Hockenos P. Homeland Calling: Exile Patriotism & the Balkan Wars. – NY: Cornell University Press, 2003. – 400 p.
17. Joksimović S. Oslobođenje Kosova (oktobar-novembar 1944 godine) // Vojnoistorijski glasnik. – 1975. – №1.
18. Petranović B. Istorija Jugoslavije. – Knj. III. – Београд: Nolit, 1988. – 492 с.
19. Premk M. Matjaževa vojska 1945 – 1950. – Ljubljana: Društvo piscev zgodovine NOB Slovenije, 2005. – 300 с.
20. Radelić Z. Križari: Gerila u Hrvatskoj 1945–1950. – Zagreb: Hrvatski institut za povijest, 2002. – 557 с.

21. Razvoj oružanih snaga SFRJ 1945 – 1985, Savezni sekretarijat za narodnu odbranu I. – Beograd: VIZ, 1990. – 400 s.
22. Razvoj oružanih snaga SFRJ 1945-1985, Teritorijalna odbrana. – Beograd VINC, 1986. – 400 s.
23. Vojna enciklopedija, tom 1, Bali Kombetar, Beograd : Redakcija Vojne enciklopedije, 1970 str. 441. – 798 S.
24. Vukmanović Tempo S. Revolucija koja teče. – Knj.1.– Zagreb: Globus, 1971. – 437 S.
25. Vukušić B. Tajni rat UDBE protiv hrvatskog iseljeništva. – Zagreb: Klub hrvatskih povratnika iz iseljeništva, 2002. – 520 S.
26. Zaugg F. Albanische Muslime in der Waffen-SS. Von „Großalbanien“ zur Division „Skanderbeg“. Paderborn: Ferdinand Schoeningh GmbH, 2016. – 346 S.
27. Zbornik dokumenata o obaveštajnoj službi i službi bezbednosti u NOR, januar, februar, mart, april i maj 1945. god. Knj. 18. – Beograd: UDB, 1961. – 600 S.
28. Архив ЦРУ <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/> .

Timofeev Alexey. The Non-Serbian Insurgent Groups in Post-war Yugoslavia: the problem of political gangsterism in Eastern Europe after World War II

On the basis of archival documents and historiography the article considers genesis, significance and the number of insurgent groups in the territory of non-Serb regions of post-war Yugoslavia. These groups had some common features (orientation to the West, hopes for transformation of Cold War into a hot phase, hatred to communists and to the central authorities of Yugoslavia), and considerable differences. The activities of Slovenian insurgents were primarily influenced by foreign intelligence representatives from the territory of Austria. The Croatian insurgents were the most solid and organized force, they relied mainly on the structures of Catholic church and were broadly supported both by the clergy and the laity close to the church. The Albanian insurgents relied on the support of the population and some structures of border regions of the Yugoslavian-Albanian border zone. In the post-war period the Macedonian and Slav-Muslim groups couldn't count on support of the traditional patrons from abroad (correspondingly Bulgaria and Turkey), it made their activity hardly noticeable. After the Yugoslav-Soviet split of 1948, the insurgents were joined by some groups of those who had supported the Resolution of the Information Bureau and Stalin. However, until the end of the 1940s, all these groups of insurgents were liquidated though some solitary rebels were hiding in the mountains for several years more.

Keywords: World War II, Yugoslavia, USSR, Cold War, insurgent movement, anti-guerrilla actions, anticommunism.

УДК 93/94

**«СОМНИТЕЛЬНАЯ ПОКОРНОСТЬ»:
ПРОБЛЕМА МИРНЫХ ГОРЦЕВ В ПОЛИТИКЕ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (1840-е гг.)¹**

Урушадзе А. Т.

*Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
E-mail: aturushadze@sfedu.ru*

Рассматривается проблема мирных горцев в политике Российской империи на Северном Кавказе в 1840-е гг. Материалами статьи послужили архивные и опубликованные исторические свидетельства. Специальный анализ политики империи Романовых в отношении мирных горцев ранее в историографии не предпринимался. Частые побег мирных горцев к немирным были одной из центральных тем переписки Петербурга и Тифлиса в середине XIX столетия. В 1840-е гг. активно обсуждался вопрос об определении правил принятия покорности горцев. Основной причиной побегов ранее замиренных горцев была признана невозможность обеспечить их надежную защиту от нападений соседей, противостоящих российской власти. Вместе с тем имперская администрация стремилась использовать вновь подчинившихся в интересах утверждения российского военно-политического доминирования в регионе. Мирных использовали как буфер между Кавказской линией и землями непокорных. Принимая в подданство отдельные общества, селения, фамильные объединения, коронная администрация надеялась внести раздор среди горцев и не допустить создания общей антироссийской коалиции. Несмотря на все усилия, проблема поддержания устойчивой лояльности мирных горцев оставалась актуальной для имперской администрации до конца 1850-х гг., когда военный перевес России стал очевиден.

Ключевые слова: Кавказская война, Российская империя, мирные горцы, подданство.

«Вам знакомы уже, ребята, труды и неприятель, на которого я поведу вас. Одна сила оружия укротит или истребит этих нарушителей спокойствия как в горах, так и в самых границах наших. Пойдем, отыщем их в убежищах, которые они почитают неприступными. Откуда человек выходит – туда достанет русский штык. Много есть между ними таких, которые желают, наконец, покоя под защитой нашего оружия. Отличим их от непокорных везде, где они явятся» [2, с. 326], – в таких выражениях был написан приказ генерала П. Х. Граббе от 9 мая 1839 г. солдатам и офицерам Чеченского отряда накануне похода против Шамиля, который завершился знаменитой осадой Ахульго.

В тексте приказа различаются горцы, готовые изъявить лояльность империи, от горцев непокорных, упорствующих в отстаивании своей свободы. Но задача отличить одних от других была для российской администрации совершенно нетривиальной. Еще в 1830 г. российские власти потребовали от кавказской администрации карту, на которой мирные общества горцев, присягнувшие на

¹ Статья написана при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект 17-18-01411 «Войны и население Юга России в XVIII – начале XXI в.: история, демография, антропология».

верность белому царю, были бы отделены от горцев немирных. Карта была составлена и большая часть Северного Кавказа окрасилась в умиротворяющий зеленый цвет [12, с. 110–114], обозначавший покорных подданных империи. Но командующий Отдельным Кавказским корпусом генерал И. Ф. Паскевич вместе с картой представил специальный рапорт, поясняющий, что линия, «проведенная на карте зеленой краской, означает пределы народов, принесших присягу на верноподданность государю императору, но сие не значит, чтобы они были покорены, ибо многие из них часто нарушали присягу свою, которую давали, уступая временной необходимости во время бывших против них военных экспедиций...» [8, с. 256–257; 15, с. 25–26].

Контролировать мирных горцев часто оказывалось существенно сложнее, чем противостоять горцам немирным. Это приводило к перманентной нестабильности мирного статуса присягнувших на верность горцев, которые под давлением различных обстоятельств отказывались от ранее объявленной лояльности. Подобные случаи практически и символически понижали авторитет коронной власти, а в Санкт-Петербурге известия об «изменах» горцев вызывали раздражение и недовольство местным начальством. Империя Романовых словно бы топталась на месте, не в силах подобрать нужный темп в трагическом марафоне Кавказской войны.

В современной историографии некоторые особенности военно-политического положения мирных горских обществ в эпоху Кавказской войны уже были подмечены, но систематического, контекстного рассмотрения не получили. В. В. Лапин отметил, что мирные горцы использовали покровительство российской администрации против соседних сообществ, а также необходимость военной защиты мирных аулов, которые становились объектом набегов со стороны немирных горцев [9]. Сходные замечания находим у Я. А. Гордина, отметившего сложность положения мирных горских социумов между принуждающей к миру империей и продолжающими сопротивление свободными горцами [5, с. 201].

На каких условиях Российская империя принимала покорность горцев? Почему заявившие о своей лояльности горские общества вскоре нарушали данную присягу? Как имперские власти пытались использовать мирных горцев? Вот вопросы, на которые попытается ответить предлагаемая статья.

В начале 1842 г. командующий Черноморской береговой линией генерал-лейтенант И. Р. Анреп обратился в Военное министерство Российской империи с вопросом: «Должно ли принимать покорность горных обществ по частям или не иначе как от целого общества нераздельно?» [13, л. 1]. За И. Р. Анрепом на Кавказе закрепилась репутация чудака и фантазера, еще будучи начальником Лезгинской кордонной линии (1839–1841 гг.) он отправился покорять горцев не силой оружия, а своим красноречием. В воспоминаниях ветерана Кавказской войны генерала Г. И. Филипсона об И. Р. Анрепе среди прочего написано, что «воображение уносило его часто за пределы действительности» [4, с. 200]. Но в этот раз к вопросу донкихотствующего генерала в Петербурге отнеслись со всей серьезностью. Отсутствие решительного успеха в деле «умиротворения» беспокойной южной окраины требовало поиска эффективных подходов к распространению и надежному закреплению имперского суверенитета.

Поводом к вопросу И. Р. Анрепа стала присяга шапсугского фамильного объединения Ачмез. Начальник Черноморской береговой линии писал военному министру о рисках принятия подданства от небольших групп горцев, и предлагал принимать изъявления покорности только со стороны сильных обществ, которые могли бы увлечь за собой под покровительство «белого царя» соседей, а не стать жертвой очередного набега непокорных. Также И. Р. Анреп отмечал необходимость установления общих правил принятия покорности горцев и учреждения в лояльных обществах российского управления [13, л. 1].

Военный министр А. И. Чернышев, согласно воле императора Николая I, потребовал заключения по вопросу, поднятому И. Р. Анрепом, от командующего войсками на Кавказской линии и начальника Кавказской области генерала П. Х. Граббе. Павел Христофорович был не только талантливым офицером, но и упрямым честолюбцем, способным согласиться только с собственным мнением. К началу 1842 г. он почти открыто конфликтовал с корпусным командиром генералом Е. А. Головиным по вопросу о главной цели весенне-летней военной кампании на левом фланге Кавказской линии [3, с. 406–407].

П. Х. Граббе, сославшись на «чрезвычайное разнообразие горских обществ», отверг возможность установления единообразных правил «принятия покорности» и предложил оставить решение этих задач местным начальникам, которые должны были уведомлять свое высшее начальство о каждом новом случае «замирения». Императору аргументы П. Х. Граббе показались убедительными. Но полностью положиться на командиров различных отрядов, несущих службу на Кавказской линии, в деле определения условий горской покорности Николай I счел невозможным и вредным. Царь справедливо считал, что его генералы, не имеющие никакого ясного руководства, «неизбежно будут вовлекаемы в распоряжения разнообразные, несогласные между собою, ни в цели, ни в средствах, а потому вредные по своим последствиям» [13, л. 2]. Поэтому Николай I самостоятельно определил общие принципы, на которых следовало принимать покорность горцев.

17 февраля 1842 г. в Тифлис Е. А. Головину было отправлено послание с изложением нескольких ключевых пунктов за подписью А. И. Чернышева, но по характеру текста видно, что военный министр позволил себе лишь прилежно пересказать императорские повеления. Генералам П. Х. Граббе, И. Р. Анрепу, И. Н. Тарakanову (командующий войсками в Южном Дагестане), Ф. К. Клюки-фон-Клугенау (командующий войсками в Северном Дагестане) и Г. Е. Шварцу (начальник Лезгинской кордонной линии) была отправлена копия этого письма военного министра.

Во-первых, император не видел никаких препятствий к принятию покорности со стороны отдельных семейных объединений и селений горцев. «Распространение владычества нашего на Кавказе непосредственно зависит от несогласия между горцами. Ныне же все почти горские общества соединились против нас и в этом положении дел необходимость указывает приступить к безотлагательным мерам для возможного уменьшения числа неприятелей и поселения между ними внутренней вражды и раздоров» [13, л. 1] – фиксировал монаршее указание А. И. Чернышев.

Во-вторых, главной причиной частых нарушений горцами присяги Николай I признавал их недостаточную защиту от немирных соседей. Поэтому принимать в подданство следовало «те только горные общества, земли коих непосредственно прилегают к нашим линиям, так что оборона их против всяких внешних покушений, может быть устроена надежным образом. Напротив того, не принимать изъявление покорности от племен, коих земли находятся вне связи с занятыми нами линиями и которых посему мы не можем оборонять безусловно, ибо подобная покорность оставалась бы, как и доселе, беспоследственной (так в тексте. – А. У.)» [13, л. 3].

В-третьих, мирных горцев необходимо было убедить, что, переходя на сторону коронных властей, они не будут терпеть притеснения и их земли останутся за ними: «Удостоверить покоряющиеся общества в прочности их водворения в пределах ими занимаемых» [13, л. 3].

В-четвертых, мирным горцам разрешалось «впредь до общего гражданского устройства всех племен Кавказа» руководствоваться местными правовыми обычаями по всем делам за исключением уголовных. Общее наблюдение за их благополучием должен был осуществлять пристав из офицеров русской службы. Приставская система управления к этому времени получила широкое распространение на Северном Кавказе [1, с. 60–64; 10].

В-пятых, мирные горцы освобождались от всех личных повинностей, кроме защиты собственных селений и имущества, которую они должны были обеспечить совместно с отрядами Кавказского корпуса. «Сверх того, в видах обороны своих жилищ, горцы обязаны там, где это будет признано возможным и не противно их обычаям, содействовать нашим войскам к постройке укреплений, которые признаны будут необходимыми, поставкой рабочих, приготовлением строительных материалов и выставкой подвод не иначе, как за установленную плату» [13, л. 3], – отмечал военный министр.

Эти же условия распространялись на горцев, ушедших с берегов Терека и Лабы и принимавших участие в набегах на укрепления и поселения Кавказской линии. Им разрешалось вернуться на прежнее место жительства, но прежде они должны были с оружием в руках выступить против свободных горцев, продолжавших борьбу с империей. Таков был залог доверия для новых подданных, определенный Николаем I.

В отправленные из столицы на Кавказ правила допускались «частные изменения» в соответствии с местными обстоятельствами и нуждами. Генералам поручалось «привлекать горцев всеми зависящими от них способами к изъявлению добровольной покорности» [13, л. 4].

Выяснять, как удачно кавказская администрация справляется с этой и другими задачами по «умиротворению» края, отправился с ревизорской поездкой А. И. Чернышев, прибывший 18 апреля 1842 г. в Анапу. Здесь военный министр принимал старшин нескольких адыгских обществ, обратившихся с просьбой о принятии в российское подданство [14, с. 258]. В укреплении Св. Духа А. И. Чернышев встречался с князьями джигетов, которые присягнули на верность Николаю I весной 1841 г. и с тех пор находились под угрозой нападения непокорных убыхов [6, с. 60–64]. Далее военный министр отправился в южнороссийскую столицу

Тифлис, а затем в прикаспийские области, где его снова ожидали депутаты от желающих вступить в российское подданство горских обществ. Обрато А. И. Чернышев возвращался по Военно-грузинской дороге, благополучно прибыв в Ставрополь 26 июля 1842 г., тем самым завершив свою инспекционную поездку.

Пока в Петербурге А. И. Чернышев составлял доклад о результатах своего кавказского вояжа, местная администрация пыталась следовать правилам принятия покорности горцев и сталкивалась с новыми разнообразными трудностями. В рапорте Е. А. Головину от 27 сентября 1842 г. П. Х. Граббе писал о казусе с бесленеевцами – адыгским сообществом, исторически проживавшим на правом берегу р. Лабы. Бесленеевцы не единожды нарушали присягу верности. Летом 1842 г. они вновь отпали от российской администрации и ушли с воинственными абадзехами. После военных тревог бесленеевцы прислали к П. Х. Граббе депутатов, которые просили русского генерала не разорять горцев военными экспедициями, а дать возможность им оставаться на правом берегу Лабы. Бесленеевцы изъявляли готовность принести присягу повторно и выдать российской администрации или изгнать всех «неблагоднамеренных людей» [13, л. 10]. Свою измену они объясняли невозможностью оказать военное сопротивление абадзехам, о чем неоднократно предупреждали российское начальство. П. Х. Граббе согласился оставить бесленеевцев на прежнем месте, но не из сочувствия к их судьбе, а по вполне практическим соображениям: адыги прикрывали всю верхнюю часть Лабинской линии, начиная от Зассовского укрепления, и служили своеобразным буфером между линейными фортами и непокорными горцами.

Труднорешаемой задачей была организация административного контроля над мирными горцами. До ухода с абадзехами бесленеевцы находились в ведении пристава ногайских народов, который большую часть времени проводил в Ставрополе и не мог иметь какого-либо серьезного влияния в делах порученных ему закубанских черкесов. П. Х. Граббе передал повторно присягнувших бесленеевцев начальнику Лабинской линии «для ближайшего за ними надзора» [13, л. 12]. В рапорте Е. А. Головину от 6 октября 1842 г. П. Х. Граббе среди прочего писал: «Происшествия последних лет показали, какие вредные для нас последствия влечет за собою бегство покорных нам племен. Переходя к непокорным, племена эти не только обнажают границы наши, но еще увеличивают силы неприятеля массою людей праздных и разоренных, которые по необходимости должны в грабежах искать вознаграждения своих потерь и которые присутствием своим волнуют и еще более возбуждают против нас и тех, между коими они поселяются» [13, л. 13].

Принятие повторной присяги бесленеевцев было последним служебным делом П. Х. Граббе на Кавказе. В октябре 1842 г. Николай I сменил высшее командование Отдельного Кавказского корпуса. Вместо Е. А. Головина в Тифлис приехал генерал А. И. Нейдгардт, ранее командовавший 6-м пехотным корпусом, а П. Х. Граббе сменил генерал-лейтенант В. О. Гурко, служивший на Кавказе под началом И. Ф. Паскевича в 1827–1830 гг. Проблема мирных горцев была передана новому командованию с другим нелегким военно-политическим наследством.

«Не хочу никаких завоеваний и мысль об оных считаю преступною. Хочу упрочения нашего владычества краем, где признаю его покуда крайне шатким и

неверным» [7, с. 380], – так Николай I инструктировал А. И. Нейдгардта, заботам которого поручал южную окраину своей империи. Провальная чеченская кампания П. Х. Граббе 1842 г., покончившая с его карьерой на Кавказе, на время убедила императора в бесполезности отдельных наступательных экспедиций: «Постепенное овладение плоскостями посредством возведения линий укреплений у главных выходов из гор, употребление политических средств для разъединения восставших обществ и в особенности благоразумное, сообразное с справедливостью равно с потребностями и обычаями туземцев управление мирными и покоряющимися аулами, доведут нас до предположенной цели скорее, вернее и с меньшими жертвами, нежели отдаленные и опрометчивые экспедиции в горы, которые, раздражая горцев и расстраивая более и более войска Кавказского корпуса, никогда еще донныне не представляли совершенно положительных результатов» [13, л. 41–42], – не устал наставлять Николай I командующего Отдельным Кавказским корпусом.

От новой военной администрации российский самодержец требовал прежде всего прочного закрепления на уже занятых рубежах и бесповоротного утверждения российского суверенитета среди ранее присягнувших горских обществ. Через военного министра Николай I сообщал кавказскому начальству, что не возражает оставлять «вооруженные аулы» в пределах Кавказской линии, тем самым приобретая доверие «полупокорных» горцев. Но при этом всех жителей подобных селений император предполагал обратить в казаков. А. И. Чернышев предупреждал А. И. Нейдгардта о секретном характере этого проекта, исполнение которого откладывалось до времени, «когда обстоятельства и положение края сие дозвоят» [13, л. 43]. Любопытно, что предположение императора сходно с проектом генерал-майора Г. М. Халанского о преобразовании Кавказской области в казачье войско (1840 г.). «Сущность проекта генерал-майора Г. М. Халанского состоит в том, чтобы обратить все население Кавказской области в казачье сословие; т. е. образовать из всей Кавказской области одно целое, наподобие войска Донского» [11, л. 5], – отмечено в бумагах Д. А. Милютин. Весной 1843 г. военный министр извещал А. И. Нейдгардта о желании императора со временем перевести чеченцев левого берега реки Сунжи в казачье сословие, а их соотечественников, проживавших по правому берегу, держать «под выстрелами наших укреплений» [13, л. 96].

Будни командования Кавказской линией занимали далеко не столь масштабные дела. С непокорными периодически уходили не просто ранее присягнувшие «белому царю» горцы, но даже те из них, которые имели российские военные чины и отличия. Их уход в горское сопротивление Российской империи мог быть вызван различными обстоятельствами и не всегда являлся добровольным. Таких невольных беглецов российское начальство особенно старательно пыталось вернуть обратно. В конце 1842 г. командующий Черноморской кордонной линией генерал-лейтенант Н. С. Завадовский предложил ввести полугодовой срок возвращения горцев-офицеров, в течение которого они сохраняли свои звания и отличия, полученные от российских властей. А. И. Нейдгардт одобрил введение подобной «льготы»: «... Я соглашаюсь в том уважении, что эти лица силою были принуждены к побегу» [13, л. 32]. Коронная администрация надеялась, что амнистированные офицеры-горцы смогут вывести за собой свои семьи и целые горские общества.

Но усилия имперской администрации не давали искомого результата. Побег присягнувших горцев продолжались. Некоторые горские общества нарушали данную русскому царю присягу по несколько раз. Показателен пример бесленеевцев, которые, приняв присягу повторно всем обществом под предводительством своего князя Айтека Канокова и выдав аманатов летом 1843 г., уже менее чем через год вновь изменили российским властям. По поводу этого происшествия А. И. Чернышев писал в Тифлис А. И. Нейдгардту от имени императора: «... Это служит новым доказательством, сколь бесполезно и даже вредно безусловное переселение в пределы наши горцев, изъявивших сомнительную покорность. Подобные переселения могут достигнуть цели лишь при строгом соблюдении двух главных условий: ограждения переселенцев от внешних насилий и обеспечения будущего их поведения надлежащими ручательствами. В противном случае, не защищая их от покушений неприятеля, мы представляем повод к невыгодному заключению о слабости нашей, а полагаясь на шаткую преданность переселенцев, мы явно вдаемся в обман» [13, л. 111]. Под «надлежащими ручательствами» верности чаще всего подразумевалось участие мирных горцев в военных предприятиях войск Отдельного Кавказского корпуса.

Подведем итоги. В 1840-е гг. проблема мирных горцев стала одной из центральных тем переписки официального Петербурга с российской администрацией на Кавказе. Военные неудачи (падение нескольких фортов Черноморской линии в 1840 г., экспедиция П. Х. Граббе в Чечню в 1842 г.) и провал административных преобразований (реформа сенатора П. В. Гана 1840–1841 гг.) поставили под вопрос российское доминирование на Кавказе. Случаи отказа горцев от ранее принесенной присяги стали обыденностью на северо-западе и северо-востоке края. В Петербурге это воспринималось как свидетельство неэффективности региональной администрации, а в Тифлисе отсутствовало понимание способов предотвращения таких казусов.

Обмен мнений, который состоялся в 1842 г. между столицей и кавказской администрацией, показал, в чем заключались причины «сомнительной покорности» горцев. Сравнительно небольшие горские социумы были не в состоянии противостоять воинственным и более многочисленным соседям, которые увлекали присягнувших к измене. Российская же администрация раз за разом оказывалась не в состоянии оказать военную поддержку новым подданным, оставляя им выбор между гибелью в неравном бою и изменой данному слову. Поэтому имперская администрация пыталась придерживаться правила, сформулированного Николаем I: принимать присягу горцев при условии их надежной защиты от внешних нападений. Но общее тяжелое военно-стратегическое положение дел на Северном Кавказе и недостаток средств делали эту задачу невыполнимой. Неоднократные, а в некоторых случаях повторные побег мирных горцев к немирным служат тому подтверждением. Проблема принятия горских обществ в подданство и удержание их лояльности оставалась актуальной для Российской империи вплоть до конца 1850-х годов, когда военно-политический перевес империи стал очевиден, а политическая судьба Кавказа была предрешена.

Список использованных источников и литературы

1. Абазов А. Х. Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XIX в. – Нальчик: Печатный двор, 2016. – 264 с.
Abazov A.Kh. Narody Tsentral'nogo Kavkaza v sudebnoi sisteme Rossiiskoi imperii v kontse XVIII – nachale XIX v. – Nal'chik: Pechatnyi dvor, 2016. – 264 s.
2. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. IX. – Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1884. – 949 с.
Akty, sobrannye Kavkazskoi arkhograficheskoi komissiei. T. IX. – Tiflis: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1884. – 949 s.
3. Блиев М. М. Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. – М.: Мысль, 2004. – 878 с.
Bliev M.M. Rossiya i gortsy Bol'shogo Kavkaza na puti k tsivilizatsii. – M.: Mysl', 2004. – 878 s.
4. Воспоминания Григория Ивановича Филиппсона // Русский архив. – 1884. – Вып. 1. – С. 182–212.
Vospominaniya Grigoriya Ivanovicha Filipsona // Russkii arkhiv. – 1884. – Vyp. 1. – S. 182–212.
5. Гордин Я. А. Кавказская Атлантида. 300 лет войны. – М.: Издательство журнала «Звезда», 2011. – 512 с.
Gordin Ya.A. Kavkazskaya Atlantida. 300 let voyny. – M.: Izdatel'stvo zhurnala «Zvezda», 2011. – 512 s.
6. Документы и материалы по истории Джигетии (1750–1868 гг.). Сборник документальных материалов / Под ред. А. А. Черкасова. – Сочи: Научный издательский дом «Исследователь», 2016. – 267 с.
Dokumenty i materialy po istorii Dzhigetii (1750–1868 gg.). Sbornik dokumental'nykh materialov / Pod red. A.A. Cherkasova. – Sochi: Nauchnyi izdatel'skii dom «Issledovatel'», 2016. – 267 s.
7. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. – СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2005. – 634 с.
Kavkaz i Rossiiskaya imperiya: proekty, idei, illyuzii i real'nost'. Nachalo XIX – nachalo XX vv. – SPb.: Izdatel'stvo zhurnala «Zvezda», 2005. – 634 s.
8. Лапин В. В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. – СПб.: Издательство «Европейский дом», 2008. – 400 с.
Lapin V.V. Armiya Rossii v Kavkazskoi voine XVIII–XIX vv. – SPb.: Izdatel'stvo «Evropeiskii dom», 2008. – 400 s.
9. Лапин В. В. Кавказская война и ее солдаты // Звезда. – 2014. – № 10. – С. 108–136.
Lapin V.V. Kavkazskaya voina i ee soldaty // Zvezda. – 2014. – № 10. – S. 108–136.
10. Мальцев В. Н., Чирг А. Ю. Институт приставства на Кавказе: создание, деятельность, эволюция (вторая половина XVIII века 1860 год) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». – 2012. – № 2. – С. 86–92.
Mal'tsev V. N., Chirg A. Yu. Institut pristavstva na Kavkaze: sozдание, deyatel'nost', evolyutsiya (vtoraya polovina XVIII veka 1860 god) // Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya. – 2012. – № 2. – S. 86–92.
11. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 169. Карт. 18. Ед. хр. 16.
Otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki. F. 169. Kart. 18. Ed. khr. 16.
12. Пастуро М. Зеленый. История цвета. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 168 с.
Pasturo M. Zelenyi. Istoriya tsveta. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. – 168 s.
13. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 504.
Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv. F. 14719. Op. 3. D. 504.
14. Сборник императорского русского исторического общества. Т. CXXII. – СПб.: [Б.и.], 1905. – 560 с.
Sbornik imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva. T. CXXII. – SPb.: [B.i.], 1905. – 560 s.
15. Ходарковский М. Горький выбор: верность и предательство в эпоху российского завоевания Северного Кавказа. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 232 с.
Khodarkovskii M. Gor'kii vybor: vernost' i predatel'stvo v epokhu rossiiskogo zavoevaniya Severnogo Kavkaza. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. – 232 s.

Urushadze A. T. «Doubtful obedience»: the problem of peaceful mountaineer in the policy of the Russian empire in the Northern Caucasus (1840s)

In the article the problem of peaceful mountaineers in the policy of the Russian Empire in the North Caucasus in the 1840s is considered. The materials of the article were archival and published historical evidence. A special analysis of the policy of the Romanov empire in relation to the peaceful mountaineers was not undertaken in historiography before. Frequent shoots of peaceful mountaineers to non-peaceful ones were one of the central themes of the correspondence between St. Petersburg and Tiflis in the middle of the 19th century. In the 1840s the issue of determining the rules for accepting the submission of highlanders was actively discussed. The main reason for the escapes of the previously humiliated mountaineers was the inability to provide them with reliable protection against attacks by neighbors opposing the Russian authorities. At the same time, the imperial administration sought to use the newly obeyed in the interests of establishing Russian military and political domination in the region. Peaceful used as a buffer between the Caucasian line and the unruly lands. Accepting citizenship of individual societies, villages, family associations, the Crown Administration hoped to bring discord among the mountaineers and prevent the creation of a common anti-Russian coalition. Despite all the efforts, the problem of maintaining the stable loyalty of the peaceful mountaineers remained relevant for the imperial administration until the end of the 1850s, when Russia's military preponderance became evident.

Keywords: Caucasian war, Russian empire, peaceful mountaineers, citizenship.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акимченков Виктор Владимирович	аспирант кафедры новейшей отечественной истории Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (Москва, Российская Федерация).
Кравчук Александр Сергеевич	кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского; старший преподаватель кафедры истории Крымского инженерно-педагогического университета (Симферополь, Российская Федерация).
Непомнящий Андрей Анатольевич	доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения; директор Музея истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
Петрова Элеонора Борисовна	доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
Прохорова Татьяна Александровна	кандидат исторических наук, заведующая отделом ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник Херсонес Таврический» (Севастополь, Российская Федерация).
Тимофеев Алексей Юрьевич	кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института новейшей истории Сербии, доцент кафедры новейшей истории философского факультета Белградского университета (Белград, Республика Сербия).
Урушадзе Амиран Тариелович	кандидат исторических наук, научный сотрудник ФГБУН «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН»; заместитель директора по научной работе Института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Российская Федерация).

СОДЕРЖАНИЕ

Акимченков В. В.

Музейные учреждения Севастополя в конце 20-х – 30-е годы XX века: источниковедческий обзор.....	3
--	---

Кравчук А. С.

К истории Крымского виноградного училища (1804–1841)	20
--	----

Непомнящий А. А.

Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе: из истории коммуникаций в крымоведении.....	33
--	----

Петрова Э. Б.

Крым в описании и на фотографиях французского путешественника Жозефа де Бая (1905 г.). Часть 2: Юго-Восток	54
---	----

Прохорова Т. А.

Возвращение в Крым: второй взгляд на Крым художника Уильяма Симпсона (1869 г.): древности Инкермана и Херсонеса.	79
--	----

Тимофеев А. Ю.

Несербские повстанческие группы в послевоенной Югославии: к вопросу о проблеме политического бандитизма в Восточной Европе после второй мировой войны.	109
---	-----

Урушадзе А. Т.

«Сомнительная покорность»: проблема мирных горцев в политике российской империи на Северном Кавказе (1840-е гг.)	124
---	-----

Сведения об авторах	133
---------------------------	-----